

АНАТОЛИЙ ЛАГУЛАА

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Рассказы

Сухум
Абгосиздат
2023

УДК 82-31
ББК 84(5Абх) 6-44
Л 14

Лагулаа, А. Я.

Л 14 Тревожная ночь : рассказы / Анатолий Лагулаа: перевод с абхазского. – Сухум : Абгосиздат, 2023. – 144 с.

Г/Р 978-5-111-61-11022

В сборник вошли, в переводе на русский язык, рассказы известного абхазского писателя, лауреата Государственных премий им. Д. И. Гулиа и им. Т. Ш. Аджба Анатолия Лагулаа.

УДК 82-31
ББК 84(5Абх) 6-44

© Лагулаа, А. Я., 2023
© Абгосиздат, 2023

О чем только не передумал вчера вечером Алику в своей будке. Было холодно, и он никак не мог уснуть. Мелькнула даже мысль: осторожно открыть лапами дверь и зайти в дом. В камине наверняка еще горит огонь, колыхаясь языками яркого пламени, распространяя вокруг благодатное тепло. Впрочем, даже если огонь погас, посидеть сейчас около теплого камина было бы замечательно. Только ведь как ни старайся, а старушка все равно услышит стук двери и начнет браниться: «Ах, ты, бездельник! Забыл свое место? Ты – собака, ты и в холод, и в дождь должна быть во дворе, дом стеречь. За это я тебя и кормлю мамалыгой. А если ты этой мамалыги уже не стоишь, тогда – гиблое дело, совсем мне не нужна!».

Но Алику служил ей верно даже сейчас, постарев. Стоит кому зайти во двор, он обязательно залает и будет лаять до тех пор, пока старуха не выйдет. А этот щенок, которого недавно привезли, еще мало что понимает: услышит какой-нибудь случайный шорох – и так залетится, будто целая армия во двор вошла. Впрочем, и Алику иногда начинал лаять, еще не видя никого, но он-то это делал с умыслом – ведь щенка надо учить уму-разуму: когда надо поднимать шум, а когда нет.

А забудет он о своих обязанностях – хозяйка непременно укорит. Неплохая, в общем-то, старуха, только вот в собаках мало что понимает – будто больше мамалыги не стоит наше дело...

Иногда Алику казалось, что он такой же сильный, как и прежде. Но это, конечно, было заблуждением: что ни говори, а за последнее время он очень сдал. Всю зиму шли дожди, снег, на ногах непогоду переносить было трудно, и он совсем выбился из сил. Как похолодает – сразу начинал дрожать. Вдобавок снегу, бывало, столько навалит – чтобы протоптать в нем тропинку, огромная сила нужна. Попробуй, побегай, выгоняя соседских свиней из огорода... А старушка всегда хмуро смотрит. На всех входящих во

двор Алику должен лаять, сама же с ними поздоровается, а то и поцелует. Упаси бог, Алику не залает – так еще отругает.

Потом он сидит на дворе и ждет, когда гости уйдут и хозяйка даст ему кусок мамалыги. А она всегда мало дает, да еще говорит при этом: «Ешь, хотя ты этого не заслужил».

Сама по себе старушка не такая уж вредная. Целый день работает – стирает, убирает. И готовит хорошо. Иной раз выйдет из кухни и так от нее вкусно пахнет, что хочется стоять и стоять рядом. Но увидит, что стоишь, сразу прикрикнет. Алику и не просит ничего, ему просто нравятся запахи мяса, мамалыги, которые от нее идут.

...Алику шел по снегу. Снег был истоптанный. Там же, где он не был тронут ногой человека, лежал белый и чистый – хоть жажду можно было утолить. Алику начал лизать снег и ему почему-то вспомнилось, как когда-то его принесли сюда совсем маленьким щенком и как старушка кормила его белым, как снег, мацони. Тогда старушка была добрее (так ему сейчас казалось), кормила и мясом, и молоком. Но потом Алику догадался, что она это делала для того, чтобы он быстрее забыл о своей матери. Старушка и тогда была такой же, как сейчас – худенькой и юркой. А внутренний мир человека рассмотреть сразу так же трудно, как и обстановку в комнате, заглядывая в нее через окно.

Тогда Алику был еще совсем молодой, а сейчас...

Как-то она сказала ему:

– Ты – мой любимчик... Оба мы уже постарели. Как знать, кто из нас ближе к краю пропасти. Если ты, то пока оттуда не вернешься, меня не жди...

Алику мало что тогда понял из ее слов.

А сейчас он решил-таки зайти в дом, посидеть у очага. Может потому, что рыжий цвет огня напомнил ему о матери.

– Куда тебя несет, как будто во дворе не поместился? На, возьми мамалыгу – ты ведь об этом только и думаешь день-деньской!

Но Алику даже не взглянул на мамалыгу. Пригревшись у огня, столь похожего на его мать, глядя на пламя, он задремал.

– Тебе, наверно, надоела мамалыга... Подожди, сейчас я тебя сыром и мацони накормлю!

Но Алику ничего не слышал. Ему грезилось, будто сидит он рядом с матерью, смотрит в ее глаза и думает о том, что никогда

уже не оставит ее. Старушка всегда старалась, чтобы они не видели друг друга, но раз уж они встретились, ничто их не разъединит больше... А когда ему надоело мечтать, он закрыл глаза, каким-то удивительным образом понимая, что уже не проснется.

– Теперь я и за тебя должна лаять, как за своего мужа – мотыжить, – заплакала старушка.

А снег все шел и шел, будто не было ничьей смерти, будто ничего в мире не изменилось. Сквозь слезы старушка увидела, что тропинка, протоптанная накануне Алику, запорошена вся белым свежим снегом и почти не видна. И только тут старушка окончательно поняла, что никогда уже Алику не будет подбегать и обнюхивать ее, когда она выходит из кухни.

Она прикрыла глаза – и снег перестал идти. А слезы все лились и лились.

*Перевел с абхазского
В. Шария*

В один из вечеров мы с мамой сидели у огня и ели жареную кукурузу с грецкими орехами, как вдруг зашел отец. Он был напроць пьян. Я заметил, что у мамы сразу проступили слезы. Держа недоеденный початок в руках, я как раз раздумывал, съесть ли оставшиеся слегка недожаренные зерна. Но при виде отца встал от удивления, и кукуруза выпала у меня из рук. Орехи, которые я очищал от скорлупы, прямо на коленях, тоже рассыпались у очага. Мама обхватила голову руками и стала плакать навзрыд.

Отец даже мог повысвить голос, когда выпивал. Я оставил их и пошел в комнату, где спала бабушка. Сон уже полностью овладел ею, когда я опустился на колени перед постелью и стал будить ее громким шепотом:

- Бабушка! Бабушка, ты слышишь?
- Что, нан¹? – тут же проснулась она.
- Бабушка, папа пришел пьяный, на ногах не стоит.
- Пьяный, ты сказал? Он правда сильно выпил, да?
- Да, бабуля, правда. И мама плачет.

– Унан², бедная я, несчастная! Почему я не умерла, меня и там не хотят видеть! Как он пошел на это после того, что случилось с вашей сестрой? Бедный, маленький ангел. Подай мне платье, нан, чтоб оно сгорело на мне!

Когда мы зашли на кухню, папа сидел за столом, а перед ним стоял наполненный до краев стакан. Мама совсем зарылась головой в подол и плакала от отчаяния. Папа швырнул кошку, которая посапывала рядом с ним, и она кубарем полетела прямо к маме, вцепившись когтями в ее спину. Но бабуля пригрозила ей палкой, и бедное животное спряталось под тахту. Мама не переставала плакать. Папа встал, положил одну руку бабушке на плечо, а второй поднял стакан с вином и стал произносить тост в ее честь. Я

¹ Нан – ласковое обращение к ребенку.

² Унан – возглас отчаяния или удивления.

стоял и думал, вот-вот бабуля отругает его. Но она не проронила ни слова. Папа опустошил свой стакан, а потом вновь наполнил его и вручил бабушке, настаивая на том, чтобы она выпила. Бабуля, зная привычки сына и его упрямство, не стала спорить – подняла тост за него, но отпила совсем чуть-чуть. Затем освободилась от руки папы и аккуратно поставила стакан на стол. Я знал, что бабушка не опьянеет, выпей она и целый стакан. Мама говорила, что бабушка пьянеет только тогда, когда ее нос становится красным, как острый перец. Но отец не переставал ее донимать, и она направила стакан ко мне со словами: «Пусть и Быка выпьет половину». Именно так называл меня папа с тех пор, как я себя помню. Мама как-то рассказывала, что, когда я был поменьше, у нас была коза Ныка с большими рогами и длинной шерстью. И я не отходил от нее ни на шаг, колокольчиком висел на ней. Однажды к нам приехали фольклористы, чтобы записать речь бабушки как старожилы. С ними была русская девушка, которая впервые увидела козу с такой длинной шерстью и разглядывала ее с большим удивлением. Когда они уходили, папа подарил козу ей, видимо, был подвыпившим и в тот день.

Я тоже помню, как будто во сне, как люди покидали наш зеленый двор, уводя с собой мою Ныку. По словам мамы, я зарыдал, и девушка решила отказаться от подарка, но отец не позволил ей вернуть козу: если гостю что-то понравилось в твоём доме, принято ему это дарить. После этого случая отец и дал мне это прозвище – Быка. Со временем все в семье подхватили мое новое имя.

...Когда я открыл глаза, было уже светло. Мама, как всегда, встала раньше всех, папа лежал, устремив взгляд в потолок. Наверное, он о чем-то мечтал, но, заметив, что я проснулся, протянул руку и нежно провел по моим волосам, а потом стал играть со мной, как с малышом. Спустя какое-то время он вдруг воскликнул:

- Почему у тебя подушка влажная, Быка?
- Я плакал, папа.

Он ничего на это не ответил, а лишь убрал руку, закрыв ею свой лоб, и лежал так несколько минут. Потом повернулся лицом к стене. По ней без устали гуда-сюда сновали муравьи. Я знал, что, когда его глаза устанут от их бесконечного бега, он повернется ко мне. Так и случилось. Вскоре он заговорил немного дрожащим голосом:

- Быка, кто еще плакал ночью кроме тебя?
- Мама тоже плакала.
- А бабушка?
- Бабушка сказала: не плачьте, нельзя.

Папа вновь повернулся к стене. Я чувствовал, что его что-то терзало, не давало покоя. Он же боялся, что я догадаюсь об этом, и отводил свой взгляд, то и дело поворачиваясь к стене. Потом он приложил указательный палец к муравьиной дорожке, но муравьи почти сразу обогнули препятствие и продолжили свой бег, как слезы, которые невозможно удержать. Я знал, что слезы не могут течь вверх и что они не такие черные, как муравьи, но все же хотелось как-то мысленно сблизить мамины щеки и белую стену, к которой папа прижал свой палец. Тут я вскочил с кровати, будто поднятый неведомой силой, и подбежал к маминей постели. Откинул одеяло, вытащил подушку и обнял ее. Она была теплая, как мамино лицо. Потом на цыпочках осторожно подошел к папе.

- Папа!
- Чего тебе, мой Быка?
- Высунь руку из-под одеяла и дай мне.
- Вот, держи, Быка.
- Видишь, какая влажная? Это мамина подушка.
- Ты тоже понял, да, Быка, что она влажная? Я знал.
- Папа, а как ты узнал, ты же не видел, как мама плакала?!
- Я знал, Быка, просто знал...

Я вернул подушку мамы на место, потом вернулся к себе в постель. Какое-то время лежал, наблюдая за папой и муравьями. Потом тоже повернулся лицом к стене.

В небольшом окне над моей головой шмель все бился о стекло, видимо, сердился по-своему. Я вновь повернулся к отцу. Но вскоре встал с кровати. Босиком прошел из комнаты в пристройку, где спала бабушка. Она тоже по обыкновению вставала ни свет ни заря. Я откинул ее одеяло, схватил подушку и выбежал.

- Папа, папа!
- А, ты встал раньше меня, Быка?
- Папа, дай-ка мне еще раз свою руку.
- На, мой Быка.
- Папа, это подушка бабушки.

– Да, да, Быка, я не знал, что и ее подушка мокрая. Ты догадался, ты умнее меня, мой мальчик...

– Пап, давай я положу под твою голову эту подушку?

– Хорошо, Быка, хорошо, давай.

– Папа, а мамину подушку я возьму себе.

– Как хочешь, Быка.

Я положил мамину подушку поверх своей и вновь нырнул под одеяло. Мне показалось, что сейчас я усну так сладко, как не спал всю минувшую ночь. Меня вообще легко уводило в сон. Но иногда бывало, что не мог уснуть от страха увидеть кошмары. В такие ночи, если мне и удавалось забыться, то потом просыпался в слезах от дурного сна. Больше всего я боялся увидеть во сне змею, пиявку или ежа. Были и другие животные, которые нагоняли на меня страх, но до слез дело не доходило, обходилось испугом. В этот раз во сне мне явилась моя умершая сестра. Она долго-долго что-то рассказывала, но ее голоса я не слышал. Я расплакался из-за того, что она была беззвучна. Мне захотелось приблизиться к ней, но чем ближе я подходил, тем больше она отдалялась. Я мучился, плакал навзрыд, и вдруг ее голос донесся до меня.

– Быка...

– Слушаю, сестра.

– Не лей воду в мою могилку каждый раз, когда приходишь...

– Почему, сестра?

– Не люблю воду, она меня душит.

– Хорошо, сестра, больше не буду.

– Быка, а тот парень часто к вам приходит?

– Приходит, сестра.

– Ко мне на могилу ходит?

– Был, на днях положил тебе крупную алычу, сестра.

– Я ненавижу алычу, Быка.

– Почему, сестра?

– Она расцветает раньше всех и быстрее всех увядает, проходит.

– Он и персики кладет, сестра.

– Быка...

– Я слушаю, сестра.

Она какое-то время молчала. Я стоял и что-то говорил сквозь слезы, рассказывал о семье, что все плачут по ней, что старший

брат шлет письма из армии и не знает о ее смерти, что мы готовимся к годовщине, но она ничего из этого не слушала, стояла, заткнув уши. Я расстроился, что она не хочет ничего знать, и начал плакать. Вдруг она неожиданно громко рассмеялась и куда-то устремилась бегом. Я побежал следом, она все шла и шла, и я не отставал, вдруг в одночасье она пропала. Слезы хлынули у меня из глаз. Я долго плакал, сестра, видно, пожалела меня, но сама не показывалась и только подала голос.

– Быка, почему я не вижу того парня?

– Не знаю, сестра, он всегда здесь...

– Пусть он там и остается, Быка, пусть живет, сюда ему не дай Бог...

– Он жив, сестра, но теперь совсем не улыбается.

– Быка, что еще он тебе говорит?

– Говорит, что мои глаза похожи на твои.

– Быка, а когда он заходит домой, папа его не напавивает вином?

– Нет, сестра, да и папа не пьет как раньше.

– Ты меня обманываешь, Быка.

– Нет, сестра, это правда.

– Быка, ты жалеешь нашу маму?

– Жалею, конечно, жалею. Но она жалеет меня еще больше.

– Жалейте друг друга, Быка. И меня жалейте тоже.

– Сестра, сестра, ты больше не оживешь? Сес-тра, сес-тра-а!..

Когда я проснулся, папа уже встал и ушел. Я откинул его одеяло и пощупал подушку, она была сухая. Мой отец не плакал. Муравьи все продолжали ползать вверх и вниз по стене. Даже папин палец не смог их остановить. Все шли и шли по стене, как слезы по щекам мамы. Муравьи, слезы...

Когда я распахнул дверь и вошел в класс, все дети хором рассмеялись. И учительница рассмеялась тоже, а потом уже и я поддался общей волне. Но я первый перестал смеяться, затем учительница, а другие еще долго не успокаивались, пока не забыли, что смеются надо мной. Учитель спросил меня, желая прекратить шум в классе:

– Почему ты опоздал, Камыгу?

– Спал.

Класс вновь зашелся в смехе. Особенно те, кто сидел за первыми партами. Только одна девочка с вплетенными в косы белыми бантами не смеялась. Я смотрел на нее, чтобы удержаться от смеха над самим же собой. В это время учительница снова обратилась ко мне:

– Ладно, но почему мама тебя не разбудила?

– Она меня пожалела.

Дети вновь засмеялись. Мне казалось, что и я смеюсь вместе с ними, и только когда слезы из глаз стали капать на носки моих ботинок, я понял, что плачу. Я вылетел из класса и пошел обратно. Выйдя из школьного двора, бегом добрался до дома, не переставая плакать. Дома все уже чем-то занимались. Папа косил траву, мама гнала чачу, тетя чем-то гремела, прибираясь на кухне, и только бабушка мирно сидела под грушевым деревом. Она заметила меня лишь тогда, когда я уже подбежал и сел рядом с ней, поживив неподалеку портфель.

– Нан, ты чего так рано вернулся?

– Я опоздал, бабуль.

– И тебя не пустили из-за опоздания, нан?

– Они смеялись надо мной, бабушка.

Я уронил голову на ее колени и заплакал с новой силой. Когда слезы подступали к горлу, мне было легче уткнуться лицом в ее платье. Она гладила мои волосы своими сухими руками, чесала мне спинку и даже иногда полушутя пела мне колыбельную «шъышь наани». Мне нравилось, когда бабуля меня жалела. Бывало, что и по мелочам начинал плакать и зарываться в ее подол. Она приучила меня к этому.

– Бабуля, над папой тоже смеялись.

– Кто смеялся, нан?

– Соседи.

Бабушка еще погладила меня по голове. Вдруг я взял ее за руки и посчитал все пальцы. И так обрадовался, что их оказалось десять. Не знаю почему, но я вдруг испугался, что их может не хватать.

– Бабуля!

– Да, нан.

– Они не могут перестать смеяться над папой?

– Поспи, нан, поспи.

- У тебя на коленях, бабуля?
- Да, Быка, у меня на коленях. Закрой-ка глазки.
- Но я не хочу спать, бабуля.
- Постарайся, нан.

Бабушка снова провела рукой по моим волосам. Она и вправду хотела, чтобы я поспал. Даже несколько раз тихонечко запевала колыбельную, которую ей очень нравилось петь. Но я знал, что от трогательной колыбельной она бы расплакалась. Я не любил ее слезы, они были слишком горячими. Мамины слезы были теплыми. Тетиних слез я боялся. Когда она начинала плакать, слезы капали из ее глаз так безудержно, будто кто-то порвал нить жемчуга и он весь рассыпался на пол.

Слез отца я никогда не видел...

- Бабуля!
- Да, нан?
- А какого цвета папины слезы?
- Я не знаю, нан.
- Он ни разу не плакал?
- Он же мужчина, нан, мужчины не плачут.
- Когда сестра умерла, он тоже не заплакал?
- Нет, нан, не заплакал.
- Почему, бабуля?
- Поспи, нан, поспи. Неужели ты не хочешь спать, Быка?
- Боюсь увидеть сон, если засну, бабуля.
- Какой сон, нан?
- Как будто сестра умерла и лежит в гробу, и вся семья стоит вокруг нее и плачет, один папа не плачет, его слез не видно.
- Ты видишь сестру во сне, нан?
- Всегда ее вижу, бабуля.
- Ты не бойся ее, нан, хорошо?!
- Нет, бабуля, это она меня боится. Всякий раз убегает.

Бабушка начала гладить мои волосы. Я знал, что после смерти внучки она ее не видела во сне. Ложилась спать, думая только о ней. Но та так ни разу и не пришла к ней во сне. Думаю, маме она часто снилась, только мама не рассказывала об этом, боясь спугнуть сновидения. В нашей семье она больше всех верит в сны. Почти никогда не рассказывает о своих снах. Только однажды я слышал, как, проснувшись утром, она рассказывала папе, что ей

приснилось. И то шепотом. Не знаю, услышал ли он что-то из ее рассказа, но я ничего не разобрал. В тот день я очень обиделся на маму. Бабушка бы все мне рассказала.

– Бабуля!

– Что, нан?

– Знаешь, что сказала сестра во сне?

– Что она, бедная, сказала, нан?

– Сказала, чтобы мы жалели того парня.

– Жалеем, разумеется. Как не пожалеть безумного.

– Бабуль, слышишь?

– Да, нан, слушаю, мой хороший, да падут на меня твои беды...

– Еще она сказала, чтобы мы и ее жалели, и маму жалели.

– Да, нан, конечно, всех жалеем, все же свои.

– Велела, чтобы все мы жалели друг друга.

– Все мы жалеем друг друга, нан, а как же иначе.

Тут я поднял голову и посмотрел на бабушку. Одну из бороздок на ее морщинистой щеке уже наполнили слезы. Сейчас она могла плакать только одним глазом, второй был незрячим. Я не видел, чтобы из него шли слезы. Больше всего мне было жаль слепого глаза бабушки.

– Бедная бабуля...

– Ты куда, нан? Иди сюда, поспи у меня на руках, покачаю тебя.

– Бабуля, я боюсь твоих слез.

– Не бойся, нан, что ты? Пусть они пойдут тебе во благо.

– Бабуля, знаешь, на что похожи твои слезы?

– На что же?

– На мамины слезы.

– Хорошо, нан, пусть будут похожи.

– Бабуля, а знаешь, на что похожи мамины слезы?

– На что?

– Они похожи на муравьев, да, потому что никогда не кончаются. Только муравьи черные, а слезы белые.

– Ну, хорошо, нан, теперь иди ко мне, ложись ко мне на колени.

– Бабуль, я боюсь твоих слез. Потом они мне приснятся ночью. Я пойду к папе, бабуль.

– Ну, пойдди, нан, пойдди.

Оставив бабушку, я побежал на сенокос. Закрыв ворота и со всех ног побежал к отцу.

- Папа! – воскликнул я, подбежав к нему.
- А, мой Быка, ты пришел?!
- Только не размахивай сильно косой, я боюсь, папа.
- Не бойся, Быка, не бойся, ты же мужик!
- Но я боюсь, папа. Брось косу, пожалуйста.
- Хорошо, Быка, подойди ко мне. Вот, я ее бросил.

Я тут же повис на нем. Лезвие косы сверкало под ольхой, куда он ее закинул. Теперь мне не было страшно, я мог обнимать папу, дергать его за волосы, вдыхать его запах. Я провел ладонью по его колючей бороде, но она не была мокрой. На мгновение показалось, что я осязал ту самую мужественность, о которой он мне говорил. Но я не успел оформить эту мысль в голове, он сжал мои предплечья и слегка потряс. Мне показалось, что он как-то взгрустнул. Возможно, не почувствовал в моих мышцах и намека на мужественность. Но я не плакал, обнимал его за шею, стараясь вдруг не расплакаться, перебирал пальцами его бороду, шептал ему в ухо: расскажи, в чем мужество. Он улыбался, прижимал меня к себе, целовал украдкой в шею. Я слышал запах его пота и думал, что это и есть источник мужественности.

Папа снова меня обнял. Я знал, что теперь он меня не будет щекотать и целовать в шею. Но мне хотелось, чтобы он больше не грустил, а продолжал играть со мной и рассказывать, что такое мужество. Наверное, он догадался о моих раздумьях, но не подал виду и долго молчал. Мне в это время казалось, что из его глаз идут слезы, что он плачет, видит дочку во сне, жалеет слепой глаз бабушки и больше не будет предлагать безумному выпить вина. В этот день я впервые пожалел отца.

*Перевела с абхазского
А. Жиба*

Голос твой – он звонче песен старой сосны!
Сольвейг! Песня зеленой весны!

А. Блок

В тот год я учился в восьмом классе. По нашему селу ходил слух о том, что приедет киевская киностудия и будет снимать у нас, здесь, художественный фильм по роману в стихах Баграта Шинкуба «Песня о скале». Все мы, дети, услышав такую новость, были безмерно рады. Никто из нас не видел воочию, как снимают кино, тем более из абхазской жизни. Поэтому, если даже позволяли себе побегать на речку искупаться, долго там не задерживались. И на всякий случай оставляли кого-нибудь из пацанов караулить машины, проезжавшие по дороге. В тот год даже ребята, на летних каникулах всегда уезжавшие к родственникам в другие места, остались дома.

Да что там говорить, даже со двора далеко не уходили, держали ухо востро, чтобы не пропустить машину с артистами. Правда, взрослым это было не очень по душе, поскольку в хозяйстве в ту пору была важна каждая лишняя пара рук. Стояла изнуряющая жара, трава душила кукурузные стебли и от нее надо было незамедлительно избавляться. Многие ложились спать как можно раньше, чтобы утром сразу после восхода солнца успеть прополоть побольше кукурузы. Да и сил вечером после выматывающего трудового дня не оставалось.

В тот день я встал спозаранку, пока солнце еще не успело показаться из-за горных вершин. Не смотря на утренний холодок, умылся ключевой водой и, наспех позавтракав, выпустил из хлева коз. Те были рады свободе. А своенравный круторогий вожак то бежал впереди стада, то, становясь на дыбы, издавал громогласный звук на одному только ему ведомом языке и кидался на каждого, кто посмел близко к нему подойти. Всю дорогу на пастбище козы вели себя так, как будто впервые видели замашки своего

вожака. То лавиной сбегали с дороги, то вовсе кидались в заросли папоротника. В эти моменты я издавал такой громкий «клич краснокожих», что они, от маленьких до больших, вмиг делали вид, что от испуга утихомирились. И снова приближались к грозному козлу-вожаку, будто хотели ему что-то прошептать на ухо. Я слышал тогда, как он что-то «ворчал». Он всегда был таким взбалмошным – ходил ли, гордо вскинув голову, лежал ли в тени или игрался с козами из стада, вмиг обижался, если что-то приходилось ему не по нраву, даже мог мимоходом маленьких козлят на свои острые рога подцепить... Поэтому я ему кличку такую придумал – Быгцымкык.¹

...Помню, однажды в школе меня сильно обидела учительница, наша соседка. И я с последнего урока побежал домой. По правде, не я был виноват. Виновата была она сама, да попробуй скажи ей это – крик стоял бы на всю округу! А начался наш спор так – на уроке абхазской литературы кто-то из наших ребят задал ей вопрос: «Что раньше возникло – фольклор или литература?» Наша учительница моментально пришла в ярость и кинула книгу на стол. Вначале почему-то у нее покраснел нос, потом зарделись щеки. Все, что она собиралась сказать, будто написано было на ее лице. После паузы она с издевкой выплеснула на ученика весь свой гнев: «Ты, ты вот скажи, кто раньше родился – ты или твои родители?!». Задавший вопрос мальчик, покраснев, чуть не плача, встал: «Они-и-и родили-сь-сь-сь раньше, Нелли Александровна». «Так и фольклор произошел от литературы. А то как в отсутствие письменности существовал бы фольклор?!» – учительница вплотную подошла к мальчику, буравя его взглядом. Я, не спросив разрешения, вставил: «Нелли Александровна, как это литература вначале появилась? Вначале появился фольклор. Вы не правы». И, хлопнув крышкой парты, встал давая понять всем своим видом однокласснику: «Вот я, твой друг, рядом с тобой, теперь ты не один».

– Вон отсюда оба, бездари! – вскричала учительница и, распахнув настежь дверь, встала у нее. Одноклассники с жалостью поглядывали на нас, всем видом показывая, что мы напрасно затеяли эту дискуссию. Уже в дверном проеме я не сдержался и ляпнул: «На такой простой вопрос даже мой козел Быгцымкык правильно

¹ Можно перевести как «Многоуважаемый».

ответил бы». «Так пусть твой козел и преподает тебе литературу, невоспитанный! Чтоб духу твоего тут не было!» – вытолкав меня, учительница захлопнула за нами дверь.

После этого случая она целую неделю не допускала меня на свои уроки. Ни другие учителя, ни директор школы об этом не знали, хотя все ученики были наслышаны о происходящем. Спустя неделю наша учительница на каких-то сороковинах встретила мою бабушку и выложила ей всю историю со своей точки зрения и в самых ярких красках. Бабушке хотелось провалиться сквозь землю. Хотя она не была дружна ни с литературой, ни с фольклором, рассказ учительницы все же ее расстроил. Ко всему прочему она еще не успела зажечь поминальную свечу и торопилась. И она недолго думая выдала: «Да разве в чтении наш козел тебе чета? К тому же он еще и не холощенный». Услышав такое, учительница чуть не свихнулась. Бабушка, воспользовавшись моментом, улизнула от нее. После такого учительница вообще решила не пускать меня на порог класса.

Тем временем случилась еще одна история. Наши козы, наевшись свежей травкой и листвой, к обеду спустились с холма к дороге и улеглись под тенью растущего у ее обочины каштана. Наш Быгцымкык отбивался как мог от преследовавших его назойливых мух и был сильно не в духе. В это время из-за поворота дороги показалась та самая учительница литературы. От жгучего солнца она прикрывалась пурпурного цвета зонтом. Перекинутая через плечо сумка была полна тетрадями и книгами, не уместившуюся в ней их часть она несла в руке. Нежившееся в тени козлиное стадо она заметила. Заметила и большеерогого козла. Ну и что? Не в первый раз она их видела и не посчитала нужным обходить стадо стороной.

Но когда она приблизилась, Быгцымкыку что-то не понравилось в ней. То ли красного цвета зонт, то ли тетради в руке, то ли она сама. Позже учительница рассказывала, что и ей самой очень не понравился ударивший в нос резкий запах козла-вожака. Впрочем, и некоторые ученики, по ее словам, бывали такими же «пахучими». Так или иначе, но, поравнявшись с Багцымкыком, она не сдержалась и сплюнула в его сторону. Оскорбившись, Багцымкык вскочил, бросился на нее и порвал платье своими острыми рогами. Нашей учительнице хватило расторопности, чтобы вовремя сбежать

с поля боя. Но при бегстве она уронила те тетради, что держала в руках, в том числе и мою. Багцымкык прожевал часть тетрадей, но когда дошел до моей, почему-то оставил ее нетронутой.

Бабушка моя вечером пошла за стадом, чтобы пригнать его домой, и нашла разбросанные тетради. Решив, что они пригодятся ей утром для розжига очага, принесла в дом. А моя маленькая сестренка, которая уже сносно умела читать, начала рассматривать обложки тетрадей и наткнулась на мою. Собрав семью, она представила ее всем. Последние страницы злополучной тетради были заняты написанным недели две тому назад сочинением «Кем я хочу стать». Внизу стояла несуразно большая двойка. И далее «расшифровка» учительницы: «По моему мнению, ты не так плох в литературе, но выбор сделан тобой самим. Если ты считаешь, что твой козел даст тебе больше знаний, чем я, то и учись у него. Только не забывай, что в конце года, на экзаменах, тебя будет ждать такая же большая, как его рога, двойка. Н.А.»

Одним словом, после всех этих перипетий наша учительница на педсовете поставила ребром два вопроса.

Первое: Ваше мнение по поводу целесообразности нахождения в школе ученика, который сподобился сравнить меня с козлом? И какое место занимает на уроке литературы и фольклора деревенский козел?

Второе: Как отреагировать на то, что ученик, подговорив козла, напускает его на тебя? Не подлежит ли исключению из школы такой ученик?

Эти вопросы задели чувства заведующего учебной частью. Сам он тоже долгое время преподавал в школе литературу и прекрасно понимал, что вонючему козлу там не место. Недолго думая, он позвонил председателю колхоза. Так как они были родичами, быстро нашли выход из ситуации. В ближайшую субботу в село должны были приехать очень уважаемые гости. Как известно, потчевать званных гостей козлятиной – это честь и для гостей, и для принимающей стороны, и для хозяина, вырастившего животину. Положив телефонную трубку, завуч поведал присутствующим о будущей участи Багцымкыка. Но тут учитель истории выступил с возражениями. По его мнению, со времен Леона Первого до Чачбовцев, Ачбовцев и Маршанивцев и вплоть до наших дней не было случая, чтобы гостя потчевали мясом козла-самца, то есть не холощенного. Завуч, не поверив учителю истории, спро-

сил об этом у мастера литературы и фольклора, то есть у нашей учительницы. Та сказала, что козел воняет только тогда, когда он живой. Если его мясо проварить как следует, то оно приобретает вкус лани. При этом учительница изъявила готовность первой попробовать мясо Багцымкыка. Но когда расспросили бывалых мясоедов, те подтвердили – мясо не холощенного козла может испортить весь стол. В итоге заведующий учебной частью решил, что надо на время подарить жизнь Багцымкыку.

По сей день в школьном архиве сохранился шуточный протокол за подписью учителя географии с описанием этих дебатов.

... Киношники обычно не показывались до обеда. Своих лошадей они оставляли у соседа в «казарме»¹. Кормил породистых лошадей, убирал за ними, водил на водопой, купал, одним словом, смотрел за ними специально приставленный к ним человек – конюх. Раньше мы, дети, любили через щелочки подсматривать за ними. Однако потом оставили это дело, потому что конюх стал нас прогонять. Вместо этого, когда артисты, приехав из города и оседлав лошадей, выезжали на съемки, мы гурьбой сопровождали их на всем протяжении пути.

В тот день я, зная, что меня не пустят домой, если хорошо не выпасу коз, решил срубить им на корм самые нежные молодые ветки раскидистого граба, стоявшего на пути следования артистов. Коз оставить без присмотра я не мог, потому что стоило отлучиться хоть на миг, они всем скопом бежали к соседскому кукурузному полю. Обглодать самые лучшие кукурузные стебли и початки они могли за считанные минуты... Следовавший за этим душераздирающий крик хозяина поля заставлял меня жмурить до боли глаза, а коз – кубарем скатываться с косогора и бежать куда глаза глядят.

Я видел, что козы не насытились. И животы у них не были так округлы, чтобы и их, и меня пустили домой. Понимал, что придется лезть на дерево. Только весь его ствол от основания был окутан колючкой. Много пота пролил я, но проложил себе путь. Однако, оказалась, что колючка не только внизу впивалась в ствол, но и наверху змеей душила ветви. И те ветки, что я рубил, путались в ней и не падали наземь. Сколько бы ни пришлось мне помучиться

¹ Так абхазы называют длинную хозяйственную постройку во дворе дома.

и попотеть, козам нужен был корм. Еще я боялся, что они, не дождавшись его, разбегутся. Я надеялся только на коз, кормящих козлят. Они, как все мамы, были более ответственны. Топорик мой был не особо острым, но я всегда с собой носил точилку. Изредка потачивая его, я продолжал свою работу. Мне всегда было жаль те деревья, что приходилось так оголять. Да и ветки, думал я, плачут горькими слезами.

Долго мучился, много сил потратил – но, слава Богу, работа моя близилась к концу. Оставалась одна сторона. Три-четыре хороших взмаха сделали бы свое дело. Послунявив точилку, провел по топору.

«Топорик мой, трудоголик, немного еще осталось».

Подувший с запада ветерок прошелся по моей щеке как нежная, родная рука. Даже показалось, что он подул только для меня лично, прячась от дерева, как делала моя бабушка, которая изредка втайне от отца клала мне перед уходом в школу в карман денежки. Передохнув, я начал с новыми силами размахивать топориком и думал: сколько жизней дало это дерево разным птичкам. Вон там наверху виднеется полуразрушенное гнездо дрозда, из трав и мелких комочков земли. Наверняка в ней самочка снесла яйца и высиживала их. Наверняка она бывала голодной. Но чтобы яйца не охладели, сидела даруя им свои тепло и любовь и ждала, что вот-вот из них вылупятся маленькие живые комочки. И после их появления она не зная устали приносила им еду. Бывало, сама сильно проголодавшись, не выдерживала и проглатывала червячков, не донеся до малюток. И тогда, возможно, она ругала себя. Злилась. И забыв про всякого рода опасности вроде охотников, летала в те места, где, по ее разумению, должно было быть побольше червячки. Давно она не лакомила мелкой лесной хурмой, не возилась в зарослях плюща. Она воспитывала маленьких дроздиков. Здесь, на этом дереве, появлялись они на свет и отсюда улетали в небо. Чем выше были свиты гнезда, тем было безопаснее. Дерево было их опорой...

Дерево скрипело, словно кости старого человека. Листики падали с веток, которые я рубил. Казалось, они хотели закончить жизнь самоубийством. Мне было их жаль. Мне было жаль дерева, который долгое время был домом множества птичьих семей. Если раньше оно давало тень земле, то теперь его ветки одна за другой

падали вниз. Но эти листья и эти ветки также давали жизнь козам, которым необходимо было хорошее питание для того, чтобы у них появилось молоко для маленьких деток. Утешая себя такими мыслями, я обрубил последнюю ветку. Внизу мои козы ели живительную листву. Они кружились вокруг дерева, как мотыльки вокруг света лампы. Годовалые козлятки, опережая своих мам, лакомились от души. Но вдруг я понял, что нет Багцымкыка. Как получилось, что раньше него здесь оказались козы? Где он спрятался? А вдруг, пока я обчекрыживал дерево, он ломанулся в соседский огород? А может, спрятался подальше от назойливых мух и не слышал стука моего топора? Но нет. Он всегда следил за стадом. Недаром ведь был вожаком... В это время как будто из-под земли я услышал чье-то стенание. Неужели Багцымкыка придавило тяжелой веткой? Сбросив топорик с дерева, я подался вниз. Стон не прекращался. Пока спускался, колючки изранили мое тело, порвали одежду. От переживаний ослабли руки и ноги. Живот и руки от плеча до кистей от царапин стали красными, как пасхальное яйцо.

Но это все было неважно. Где же Багцымкык? Опять я услышал слабый голос из-под зарослей... Эх, вы самцы и самки, да маленькие козлятки, вы не слышите этот голос? Слабый голос. Как же мне выволить его оттуда? Видимо, сильно придавило, а то он уже был бы на свободе.

«Рогами своими помоги себе, рогами... Багцымкык, соберись с силами, не то задохнешься... Не бойсь. Это дерево доброе. Знаешь, сколько птичек находили в нем приют! Знаешь, скольких оно здесь взрастил! Это снизу гнездышки казались грушами, а они были целым миром. Багцымкык! Выползи, пожалуйста. Ты же не нарочно там спрятался?! Может, нарочно. Я прав?! Может, уже насытился листиками колючек? Меня они разодрали до крови, а тебе все нипочем. Удивляюсь...

Опять послышался голос Багцымкыка. Может, он там задыхается. Может, заросли колючие его опутали, и он не может высвободиться. И все по моей вине. И чего же я жду? Нужно с другой стороны, где заросли пореже, раскорчевать их. Ему только чуть-чуть надо помочь. Немного – и сам сможет выбраться. Размахивая топориком, сумел проложить себе путь до валявшейся на земле большой ветви. Она все еще держалась корой за дерево.

Потянувшись, оказался наверху. Только топорик тут не годился. Во-первых, рукоятка была короткой, во-вторых, снизу было неудобно им махать. Тут бы цалду¹! Я все злился на коз. Они, как будто ничего не случилось, наполняли свои животы, думали только о себе. А тем временем их вожак задыхался под грузом веток и колючек. Нет, нет... Хорошо, что они ничего не знают и не понимают. Хорошо, что спокойно насыщаются. Они ни в чем не виноваты. Да и ничем не помогут. И я напрасно мучаюсь. Размахиваю, размахиваю топориком, но он уже ничего не берет. Лучше бежать домой за цалдой. Дома могу рассказать о случившемся. Но если я только потеряю время? Если к тому времени Багцымкык задохнется? Однако, другого варианта не было. Спрыгнув с дерева, я побежал по тропинке в сторону большой дороги.

Мало-помалу у меня терялись силы, как из дырявого кармана постепенно теряется мелочь.

Вдруг из-за поворота показалась легковушка киношников. А за ним – два автобуса. Когда они проезжали мимо, я успел заметить, что в автобусах сидело много известных мне артистов. Видать, сегодня съемки были очень значимые. Но я уже никак не успевал на них. Мне нужно было добежать до дома, рассказать там все, взять цалду и примчаться обратно к Багцымкыку.

Мимо меня проезжали машины полные людей. Как много их сегодня! Лошадей я еще не видел. Видно, они едут в сторону скалы, где Акуарчия погиб. Там очень опасное место. Говорят, что один из артистов будет оттуда прыгать в воду. Вроде, он вначале отказался, но потом решил...

И вот слышу я цокот копыт. Мне нравилось, когда лошади встают на дыбы, любил, вцепившись в гриву, держаться на их спинах, когда слышал их запах. Лошади из съёмочной группы были резвыми и горячими, даже тогда, когда уставали. Единственное, что мне не нравилось, так это седла. Они не были похожи на абхазские седла, украшенные серебром, усыпанные красивыми бляшками. Да и не совсем они, по-моему, были удобны. Нужно было быть отличным наездником, чтобы удержаться, особенно когда на скаку останавливаешь лошадь.

Я, весь в грязи и крови, оцарапанный и колючкой, решил переждать, когда лошади проедут, боялся, что наездники, увидев меня

¹ Род топора.

таким, начнут смеяться. Свернул с дороги и примостился под большой ольхой. Старался даже не дышать. Некоторое время так и присидел. Понемногу успокоился. Безумно хотелось пить. Но до нашего родника ой как было далеко.

Цокот копыт затерялся вдали. Я только хотел покинуть свое убежище, как понял, что по дороге движется еще одна лошадь. Тихо раздвинул ветки и выглянул. Как бы быстро ни ехал всадник, я бы его разглядел. Но уже по стуку копыт стало понятно, что он никуда не спешил. Я увидел белую лошадь, а на ней – девочку в синих джинсах. Это была Сольвейг.

Сольвейг – дочь актера. Каждый день она приезжала из города и вместе с отцом отправлялась в горы, где шли съемки фильма. У нее была своя лошадь. Удивительно, что конюх ей не запрещал ездить одной. Надо сказать, что она умело управляла скакуном. Даже нас, сельских детей, пыталась учить как ездить, как править лошадьми. Нас – тех, кто сызмальства умели это делать. Она-то когда научилась? Наверное, недавно, когда отец ее привез на съемки.

Отпустив ветку и выпрямившись, я вышел к дороге. Мне было все равно, в каком она виде меня увидит. Я не в драке или игре порвал одежду, я когда работал, рубил для коз ветки. Она-то сама наверняка белоручка....

– Что ты там стыдливо прячешься, парень? Доброго тебе дня!

– Да нет, не прячусь. Змею видел, да не успел придавить, в заросли уползла.

Даже не знаю, как быстро успел сочинить я спасительное вранье. Меня поразило то, что она себя вела как взрослая. Хорошо, что про змею сказал. Может, забоится и отстанет. Может, удивится тому, что я без страха в заросли полез. По правде, хотел, чтобы отстала, уж слишком самонадеянная и самоуверенная девчонка.

– Змею говоришь, увидел, парень? Ты в курсе, что она может укусить?

Вот, она уже меня уму-разуму учит, как будто я неуч какой-то. Заткнув за пояс плетку, она спрыгнула с лошади, показывая свою удаль.

– Змея давно уползла. Да и нет у меня времени ее искать. Багцымкык, мой козел, в зарослях колючкой опутался. Задыхается. Помочь надо, – сказал я и двинулся в путь, делая вид, что не обращаю внимания на то, что она спешила.

– Багцымкык – это тот, что с длинными рогами? Это с ним недавно мои отец и его друзья фотографировались?

– Да. С ним они фотографировались. Но у него рога не застольные, а свои, родные.

Со злостью я это говорил. Не хотел, чтобы взбалмошная девчонка каким-то образом унизила моего Багцымкыка. Я тут ей рассказываю, что он в беде, что надо спасти...

– Пошли тогда. Я могу тоже помочь. Вместе вызволим Багцымкыка, – сказала она подав мне уздечку и плетку. Сама же, вскарабкавшись, уселась на лошадь. Мне не совсем это понравилось, но понял, она от своего не откажется. Отбросив с лица волосы, сверху оглядев меня, она улыбнулась и немного подалась назад.

– Залезай быстрее! Садись! И плеть, и уздечка в твоих руках. Покажи, что ты отважен, как Хаджарат!¹ – сказала она и рассыпала, как жемчуг, свой девичий смех. Оторопев, некоторое время я молчал, не зная, что делать и как себя вести. Она как будто в издевку разглядывала меня сверху. Показалось, будто я в классе у доски стою и вместо мела плетью пытаюсь писать, а класс хохочет надо мной. Но потом, взяв себя в руки, протянул ей поводья уздечки и сказал не глядя:

– Без цалды нельзя. Надо из дому взять. У этого топорика рукоятка коротка, да и не режет она колючки. Затупилось лезвие.

– Садись, парень, впереди меня. Да поторопись. И цалду возьмем, и Багцымкыка спасем. А то можем не успеть.

Когда я от Сольвейг услышал про Багцымкыка, да еще таким жалостливым голосом, будто оковы с меня упали. Вцепившись в седло, подтянулся, но лошадь была высокой, и нога не попала в стремя. Сполз, но вмиг вскочил. Не обращая на протянутую руку Сольвейг, вновь вскарабкался.

– Вдень ногу в стремя, парень, или подай мне руку, помогу.

– Нет, нет. Я сам!

– Эта не из тех лошадей, к которым ты привычен. Упадешь, нан², упадешь, как сказали бы женщины вашего села.

– Нечего смеяться над нашими женщинами. Они не глупее тебя, – сказал я, весь покраснев. Вдень ногу в стремя, подтянулся и уселся в седло. В ответ мне она нежно рассмеялась.

¹ Имя абхазского народного героя.

² Ласковое обращение женщины к младшему.

– Иа, нан, да уберезет его всевышний и в пути, и на дереве, и в бурных водах, да и на спине лошади. Мал он еще, мал. Пощади его за неразумение!.. – расхохоталась она.

– Смеешься над нашими обычаями...

– Не смеюсь, а радуюсь, дурачок ты! Двигай! Как вижу, наездник ты лихой. Да и плетку левой держишь. Видать, твоим арашам¹ плетка и не нужна. А этого по крупу немного поддай. Полетит он потом стрелой.

Понимая, что пререкаться с ней себе дороже, промолчал. Натянув поводья, не сильно взмахнул плеткой и вскрикнул «чоу!». Лошадь встрепенулась и понеслась, будто крыльями взмахнула. Я аж испугался ее прыти. Если она так скачет, то удержать-то ее как – подумал я. Но нынче не я был хозяин. Отдавшись ситуации, вцепился в гриву. Авось устанет.

Сольвейг долго не подавала голоса. Видно, решила не мешать мне.

– А теперь, может, познакомимся, парень? Как тебя зовут? – спросила она, приблизив вплотную губы к моему уху.

– Даур, – сказал я громко, да так, как будто хотел огреть ее и лошадь своим именем как плеткой.

– Аа, Даурчик?!

– Не Даурчик, а Даур, – сказал я.

– Я буду тебя Даурчиком звать. Так больше нравится. А ты, оказывается, не слабак. Неплохо лошадю управляешь. Вот только я могу слететь. Если обниму за талию, не обидишься, Даурчик? – шепнула она мне в ухо. Медного цвета волосы как солнечные лучи щекотали шею. Только тогда до меня дошло, что я сижу на седле, а она на голом крупе лошади. Ну что мне оставалось в такой ситуации делать? Не мог я на скачущем коне пересесть назад. Тогда точно, как она сказала, слетел бы.

– Держись, Сольвейг, держись покрепче, а то и вправду упадешь – крикнул я ей, своим уверенным голосом стараясь доказать, что на меня можно понадеяться, что я тоже неплохой наездник. Только успел сказать это, как она обняла меня за талию и сцепила руки так, как я сам иногда сцеплял, когда взбирался на дерево и боялся свалиться. Вдруг откуда ни возьмись, силы удвоились. И сердце похрабрело. Захотелось огреть лошадь, да

¹ Летающий конь из абхазской мифологии.

так чтобы она неслась на крыльях. Но только поднял я плетку, как Сольвейг схватила меня за руку.

– Хорошего коня плетью два раза не ударяют. Не делай этого...

Мне стало неприятно, будто уличили в чем-то непотребном. На самом деле, лошадь и так развила немалую скорость.

– Натяни поводья, Даурчик, а то разнесем ваши ворота! – слова Сольвейг будто разбудили меня. Только тут я заметил, что почти к дому подъехали. Откинувшись назад, потянул поводья. Два крепких яблочка впечатались мне в спину. Боясь дышать я крепче прижался к груди Сольвейг. Почки на ветках... Нет, нет... Это было нечто другое. Боясь проронить слово, как мог крепче сжал губы.

– Не раздави, Даурчик, не раздави! – теплые, как и ее дыхание, слова Сольвейг согревали душу. Может, я спал, и все, что происходило, было сном? У ворот лошадь потянула уздечку, и я словно очнулся. Выпрямил спину. Не думая ни о чем, спрыгнул с лошади. Но все вокруг казалось иным. Может, в этот момент спросили бы меня, куда я иду, – не смог бы ответить. Не вспомнил бы. Какая-то сила держала меня, как жернова, между двумя потоками воды. Но надо было одновременно и вперед идти, и назад... Надрываясь.

«Багцымкык, вот для тебя цалду принесли. Сейчас доберусь до тебя. Разрублю все колючки. Ветки обрублю так, чтобы было удобно снизу обглаживать. Да и козы подождут тебя. А ну-ка, положи мне на колени свою голову, а то повыдергаю всю твою бородку клинышком. Видишь, как пух твой прилип к моей одежде. Сольвейг увидит – подкалывать будет. Если бы не она, я бы еще долго в дороге был. Когда я рассказал, что ты под зарослями застрял, она сразу вызвалась помочь. Даже отложила свои дела. Посадила на лошадь, и мы помчались, как ветер, за цалдой. Видел бы ты, Багцымкык, как несла нас лошадь. Увидевшие нас издали думали небось, что на белоснежном облаке два ангела по небу летят. Знаешь, Багцымкык, Сольвейг поверила в мои способности наездника. По дороге сказала, что твои рога тебя очень украшают. Фу, Багцымкык, какой же ты вонючий. Убью, если не отстанешь от той яловой козы. Кстати, вчера вечером дома о тебе говорили. Сказали, что ты не даешь козам спокойно пастись. Сказали, что утихомирить тебя пора. И запах твой выветрится. Но я с бабушкой против встали. Бабушка сказала, что у тебя еще есть время повыпендрываться. Сказала: «Не дам тронуть». Все в ответ промолчали. Даже отец. Слышишь, Багцымкык, сказали, мол, пусть

останется парень парнем. С твоим отвратительным запахом, бородкой клинышком и ветвистыми рогами.

С рогами. Да, с рогами. Просыпайся, Багцымкык. Просыпайся. Открой глаза. Шутишь, что ли? Багцымкык, ты ведь жив, ты же не умер? Захочешь – вскочишь же! Мой Багцымкык, никому я тебя не отдам. Ни нашим соседским мальчикам ни даже Сольвейг. Возьму за рога и уведу. Подальше от всех в лес, чтобы никто не нашел нас».

Долгое время пребывал я в сумбурном каком-то сне. Вначале бежал босым, спотыкаясь о камни, то падая, то вставая. Затем оказался на берегу озера с зелеными водами. Присмотревшись, заметил на дне озера уйму рыб. Начал просить их подняться наверх, выйти на берег. Убеждал, что никто не посмеет их тронуть. Долго уговаривал, убеждал, что все камни на берегу переверну и вытащу всех червей им на корм. Но они, не веря моим словам, спускались глубже и там резвились. Я злился, что они не верят моим словам и что им там кормом служит только песок. Вдруг появляются непрошенные слезы. Одна из рыбин, видать пожалев меня, подплыла близко к берегу. Я думал, что вот-вот дотронусь до нее, но она неожиданно перевернулась, показав мне белоснежное брюхо, и уплыла к сородичам. Остальные рыбки, решив повторить ее кульбит, подплыли и, так же перевернувшись, уплыли. Этим они как бы говорили – мы сыты, нам хватает песка на дне озера. Я смотрел во все глаза, пока животы их вдруг не стали расти. И в какой-то миг вместо рыб, появились мои козы. Багцымкык вышел вперед, поставил ноги на валун и начал разговаривать: мы тут под водой задыхаемся., корма нет, кроме рыб и всяких змей. Голодаем. Козлята, думая, что ты высыпал соль, с утра до вечера облизывают белые камни. Почему ты с нами так поступил? Почему перестал нас свежими листьями и сассапарелью потчевать? Неужели мы никому не нужны? – плакал он в три ручья. Остальные козы, как бы в подтверждение слов Багцымкыка, начали подбирать камешки и есть. Вслед за ними сам Багцымкык тоже начал есть камни. Нет, Багцымкык, нет! – вскричал я и в одежде бросился в воду. Долго я старался его вытянуть из воды. Тянул за рога, но он не поддавался, с яростью облизывал камни. Когда я стал задыхаться, то вынырнул. И в тот же миг проснулся весь в слезах.

Открыв глаза, я заметил, что соседские мальчишки и Сольвейг уже закинули Багцымкыка на лошадь и, глядя на меня, покатываются со смеху.

- Ты из-за этого козла плачешь?
- Из-за вонючего козла?
- За скотину плакать негоже.
- Зачем тебе вонючий козел?

Сольвейг подала уздечку одному из парней и направилась в мою сторону. Рассыпавшие по плечам волосы пальчиками за уши старалась пристроить. Некоторое время она молчала. Я все не мог на нее поднять глаза. Но когда понял, что она не отойдет, поднял голову, глядя на нее жалостливо. Она с трудом выдавила из себя улыбку, но черные как ежевика глаза вдруг увлажнились и выкатившиеся слезы упали мне на руку. Стараясь от других спрятать мокрые глаза, вновь улыбнулась и, приблизив указательный палец к моему носу, сказала:

«Кому нужна соя?!

– Мне! – ответил заяц».

Мальчишки расхохотались. Сольвейг повернулась на каблуках, схватила уздечку и пошла по дороге. Боясь задохнуться от смеха ребят, я закрыл глаза руками и опустил голову на колени. Мокрые от слез пальцы прилипали к щекам. Через некоторое время поднял голову и посмотрел вслед удаляющимся фигурам. Сольвейг вела лошадь под узду, Багцымкык лежал поперек лошадиного крупа как мешок. Мне вдруг показалось, что она, как в наших детских играх, бежит по огромному полю держа бумажного змея за длинный шнур. Возможно, поэтому соседские мальчишки за ней и бежали. Солнце опустилось и соприкоснулось с пригорком. Отсюда казалось, что это не солнце, а ритуальный костер – барбанджия¹. Вот и Сольвейг добежала до него. Может она уже бросает в него мелкие хворостинки, повторяя слова бабушки «сжигаю нечистую силу, поджигаю, чтобы духа его не было». Точно, точно. Так она и делает сейчас.

Потом она вернется ко мне, держа воздушного змея за хвост. Мальчишки будут бежать во всю прыть, но за ней не угнаться. Я знаю, что должен с ней перепрыгнуть через костер... Пока не догорел барбанджия...

*Перевел с абхазского
В. Шария*

¹ Костер, через который прыгали в ходе народного праздника.

КРЫЛЬЯ СЧАСТЬЯ

Лежа в своей комнате, она знала, хоть и прошло больше часа, как не выходила во двор, что солнце уже клонится к закату, что облака белоснежной занавесью со свисающей бахромой закрыли собой небо, и что вскоре ветер, как девушка, объявляющая концерт, раздвинет занавес и пойдет, нашептывая о чем-то деревьям. А деревья, завидев его, заколеблются в смущении и начнут прихорашиваться, чтобы понравиться небесной девушке-гостье.

– Диана-аа, – из кухни донесся голос матери. – Днем она так никогда не залеживалась... Что сегодня случилось?

– Да пусть спит. Я что, мамалыгу не сварю? – откликнулась Тина, средняя из сестер.

– А если снова с комками получится? Нас же отец убьет потом, – мать отняла лопатку у дочери, подвинула поближе миску с мукой и уселась, поджидая кипения крупы в котле. – Когда отца в отъезде будет, доверим тебе варить, а сейчас – ой, не надо! Попадется ему комочек – сразу вспомнит прозвище, которым тебя наградил.

– «Комковатая»? – с вызовом спросила Тина. Ладно, сейчас смеетесь над моей мамалыгой, подумалось ей, но придет, придет времечко, когда заставлю вас сказать: «Лучше твоей мамалыги, Тина, мы никакой не ели».

– Он уже, кажется, забыл это прозвище, но если вспомнит, как колючка к тебе пристанет, – продолжала подначивать мать.

– Но если дальше пойдем, так не только мою комковатую мамалыгу, но и Дианину недосоленную фасоль припомнить придется...

Тина всегда припоминала минусы Дианы, когда ее начинали подкалывать. «Не то что я, даже сестра моя, которая стоит на пороге замужества, не все как положено делает», – огрызнулась она. Но семья, особенно мать, больше доверяла хозяйственным способностям Дианы. Даже для гостей доверялось ей мамалыгу варить.

– Фасоль всегда можно досолить, – продолжила мать. – Как-то попроще с ней. С мамалыгой сложнее. Она как девушка на вы-

данье – сразу все просчеты видны. А если кто-нибудь особо при-
вередливый попадетсЯ, то пиши пропало. Скажет: «О такие комки
и лошадь споткнется» ...

– Гостю с таким ядовитым языком надо вообще только холод-
ную мамалыгу подавать, – сказала Тина, выходя. Она направилась
в комнату Дианы. Остановилась у дверей на случай, если та спит.
Но Диана через неприкрытую дверь заметила ее и позвала.

Тина молча присела на край кровати. Боялась, если скажет сло-
во, то заревет. Долго обе сестры молчали. Но потом Тина подала
голос:

– Мать может что-то почувствовать. Лучше спустись на кухню.

Диана, отбросив волосы с ее лица, поцеловала сестру в щеку.
«Ты уже знаешь, как себя вести. Когда замуж будешь выходить,
наверняка мать вокруг пальца обведешь», – подумала она.

– Судя по чудному запаху мамалыги, она пока ни о чем не дога-
дывается. Вот только чемодан я в шифоньер поставила и боюсь, как
бы дверца не скрипнула, когда буду его вытаскивать.

– Под кровать поставим. А покрывало на кровати пониже опу-
стим.

– Ты права. Не забудь об этом – и тебе когда-нибудь пригодится!

Сестры обнялись и рассмеялись. Потом вместе вытащили че-
модан из шифоньера и затолкали под кровать. Потянув вниз по-
крывало, вышли из комнаты.

Вернулся домой уставший Арсана, погоняя перед собой быков.
Он всегда засеивал кукурузой и те земли где раньше жили его пред-
ки. Урожай там особенно удавался. Кукурузные початки были как
на подбор, да и мука как пудра получалась. А здешняя земля, хоть
и не была уставшей, и удобрениями он ее не обделял, урожай да-
вала более скудный.

– Тина, напои быков и спусти два снопа кукурузы с казармы, –
сказал Арсана по дороге к кухне.

Диана быстро повесила над очагом полный котел воды и под-
кинула в огонь хворост. Вмиг вода вскипела. Она принесла мыло
и полотенце.

– Смотри, если вода слишком горячая, то как ошипанной ку-
рице голову отцу ошпаришь. Только волосами и горжусь еще, мо-
лодым себе кажусь, – пошутил Арсана.

– Молодой – нет, вчера родился. Твоим волосам слабого ветерка хватит, подует – унесет как пух, – подала голос со двора Шашкуа.

Арсана никогда не ругался, не скандалил. Правда, жена любила над ним незло подшучивать. Она была лет на десять моложе мужа. Родили и вырастили троих дочерей и сына. Редко кому доводилось увидеть их бранящимися. Но разница в возрасте все-таки бросалась в глаза.

– Постарел – нет, только сейчас жизнь начинается, – сказал он, вытирая полотенцем мокрые волосы.

– Молодой, как же, искры летят, – ответила Шашкуа.

Тина загнала быков в загон. Она думала о сестре. «Если б я думала что-то подобное, и мать, и отец уже догадались бы. Если Диана скажет, что реки в горы текут, отец и этому поверит!»...

Огрев спины быков ореховым прутом, она вслух заговорила с ними: «Вот вы вспахали землю, люди посеяли кукурузу – и все. Пропалывать вам не надо, собирать тоже. Да и сено с чалой¹ – не ваша забота. Особенно пропалывать... Диана в этом году сбежала от этой напасти...»

Тина поднялась наверх, на чердак казармы, и скинула оттуда два больших снопа кукурузы и «обертки» початков. «На десерт» сказала она. Быки, наслаждаясь едой позабыли, что целый день трудились, не зная устали. Забыли даже то, как Арсана иногда огревал их спины крепкой хворостиной.

«Видите, кто-то другой и не подумал бы вас так ублажать. Так что слушайтесь. Если вы мне понравитесь, то получше Дианы буду с вами обращаться. Скажу по секрету, иногда и початками кукурузы вас потчевать буду. Вы же знаете, что девушка из хорошей семьи становится хороша, как вкус спелого винограда. Так что, слушайтесь меня», – сказала Тина вслух. Но потом постыдилась, что так себя расхваливала. Даже посмотрела по сторонам – а вдруг кто услышал?

«Ублажив» так слух быков, Тина направилась в сторону дома. Она не показывала виду, но то, что сегодня вечером ее сестра втихомолку выходит из дома замуж и радовало ее, и печалило. Знала, что отец будет бушевать. Но самое главное то, что она не могла без Дианы долго. Скучала. Она всегда с нетерпением ждала уни-

¹ Сухие листья и стебли кукурузы.

верситетские выходные, ждала приезда сестры. С самого утра высматривала ее, поглядывая на дорогу.

...В комнате, в которой спали сестры, стояла тишина. Младшенькая, Марина, и понятия не имела о том, что должно случиться нынче ночью. Старшие, конечно, ничего ей не говорили, чтоб не проболталась невзначай родителям. Тина, хоть и училась пока в десятом классе, но уже считала себя взрослой, разбиралась в сердечных делах не по возрасту. До ушей Дианы, кстати, доходили слухи, что про нее уже с интересом поговаривают ребята.

Марина, как только легла в постель, так сразу провалилась в сладостный сон. Весь день она была с отцом в поле, помогала ему и была очень уставшей. Диана с Тиной разговаривали вполголоса.

– Думаю, завтра отец устроит вселенский скандал. Ты только постарайся не попасться ему под горячую руку.

– Да что он сделает? Пошумит – и успокоится, – сказала Тина, но на душе было тревожно. Знала, что отец будет долго ругаться, упрекать, что она утаила бегство сестры. Остается только ссылаться, что очень глубоко спала, ничего не слышала...

– Вообще-то можно было бы сказать, но ты же знаешь его, как может подкинуться. Решила, что втихомолку лучше, – Диана, откинув одеяло, села на кровать. – Я-то втихомолку решила замуж выходить, но ты, когда придет твое время, уважь их, расскажи им. Не огорчай родителей.

– Прекрасно знаю, что он скажет, когда все откроется, – улыбнулась Тина, усаживаясь рядом.

– Ну-ка, ну-ка, скажи. Может, это то, о чем я тоже думаю? «Куда поскакала, к кому привязалась козочка белая моя?» – скажет он.

Диана, упав лицом в подушку, засмеялась приглушенным смехом. Однажды, когда она еще училась в школе, любимая ее белая козочка не вернулась домой. Сколько она по этому поводу слез пролила! Отец наутро пошел в лес искать козу и нашел. Та висела, зацепившись рогами за ветку каштанового дерева. К счастью, была жива. После этого они с козой были не разлей вода, а отец обоих одним именем стал называть: как-то пришел за Дианой в школу и на вопрос «кого ищете» ответил: «Белую козочку». С тех пор подруги начали Диану так поддразнивать. Однажды, когда довели до белого каления, пообещала отхлестать их крапивой. Они в ответ хохотали, одна пошутила: «Нас только мальчишечьи взгляды обжигают...»

– Прямо вижу, как отец злится. Точно скажет, что теперь никакие воды мира тебя не отмоют...

– Да ладно. Все-таки он отец. Не то что ему, матери не сказала. Если ему рассказать, а от матери утаить – обиделась бы. И наоборот... Словом, чтоб голова не закружилась, я, не глядя на реку, перешла мост...

– С матерью-то я справлюсь. Только надо успеть пораньше ее «в угол загнать», чтобы отец не слышал.

– Ты себя-то не подставляй. Не рискуй. Сама знаешь, рука у матери бывает иногда тяжелее, чем у отца.

– Ничего страшного. Детство напомним...

«Можно подумать – уже большая. Пока еще вкус слез тебе не должен быть чужд... Когда проскочишь это время, то и не приструнить тебя будет.»

– Знаю, что и мать скажет, – начала Тина, как будто она слова и матери, и отца уже выучила как заданное в школе стихотворение.

– Тсс, разбудишь Марину. То, что скажет мать, не то что ты, и я не знаю. Она переменчива, как март-месяц.

– Март тоже иногда бывает хорош, да так, что с апрелем спутаешь...

– Самонадеянная ты моя, – Диана встала и легла рядом с Тинной, обняв руками горячее тело сестры. – Боюсь, что в той комнате родителей разбуду, а то пощекотала бы тебя до смерти. Думаешь, забыла, как ты щекоток боишься. Особенно здесь, – она потянула руки к подмышкам Тины.

– Не так, не так, – Тина придержала руки Дианы. Затем приблизив губы к уху Дианы, начала вполголоса ей шептать:

– Вот здесь вот, – провела пальцами по ладони, – рыжая лисичка подкрадывалась к петушку с алым гребешком. Петушок заметил ее, взлетел и опустился на это место, – пальцами провела по локтю. – Но хитрющая лиса тут как тут. Петушок опять взмахнул крыльями и прыгнул вот сюда... – и пощекотала подмышки Дианы.

– Тут ты меня перехитрила, – улыбнулась Диана, а потом потянула за плечики лифчик Тины, – хоть на ночь расстегнула бы. Им тоже отдых не помешает...

– Потерпят! – сказала Тина и, засмущавшись, укрылась с головой.

«И все ты знаешь... Замуж иду, когда тебе особое внимание

нужно. Так рано нельзя было твою узду отпускать, но уже ничего не поделаешь...»

– За полночь перевалило, – вытащила голову из-под одеяла Тина, – если кто уже пришел, наверняка ходят вокруг дома.

– Пусть ходят. У нас везде чисто. Нечему стыдиться. Моя ты комковатая, – Диана крепко обняла сестру.

Долго пролежали они так. Вдруг Тина заметила, что ее щеки повлажнели. Ничего не сказав, покрепче обняла сестру. «Это к счастью», – подумала она. И вспомнила, как этой зимой, когда она шла из школы, встретила с Тамелом (он был из тех, кто на нее особо нежно поглядывал). Тамел был на таком же белоснежном коне, что и снег вокруг. Подъезжая к ней, он натянул уздечку и спрыгнул с лошади. «Зима пришла с хлебом-солью. Не попробовать вкуса снега не гоже!». «Кто против? Только небольшими кусочками, чтобы не подавиться случаем», – отвечала Тина.

Долго длилась их снежная баталия. Уже когда у нее не осталось сил, он подбежал и закинул ей большой ком снега за пазуху. «Напоследок», – сказал он.

– Отлично. И мы гостя просто так, без «напоследок», не отпускаем, – сказала Тина и, нагнувшись, собрала большой кусок снега, утрамбовала его и кинула тогда, когда Тамел уже взобрался на лошадь. Шапка у него слетела. Пришлось спешиваться.

– Летящей птице может и не выколем глаз, но стрелять все-таки умеем! – сказала Тина. Хохоча, подняла портфель и побежала в сторону дома.

– Еще, – сказала Диана, выпуская сестру из объятий, – пусть дружки, да и жених немного подождут, подышат свежим воздухом, а то получится как будто на улице меня подобрала, – вытянулась, глядя в потолок.

Тина засмеялась в голос. Хотела сказать «поберегла бы его», но пока сама Диана не заговорит о женихе не хотела разговор затевать. Однако не сдержалась:

– С зятем так нельзя поступать. Он из тех, кого мы должны холить и лелеять... Помнишь слова нашей бабушки, «зять как пасхальное яичко, вынешь из-за пазухи – разобьется».

– Комковатая, – сказала Диана, прислонившись к сестре, – ты языкастая, не только пасхальные яйца разобьешь. Если не попа-

дется тебе такой, как кремень, парень, то конец ему. Пропадет парень.

– Да ну, тебя! – сказала, покраснев, Тина. Укрывшись с головой, залезла под одеяло и поцеловала сестру в грудь.

Диане захотелось в эту последнюю ночь в отчем доме вновь вспомнить первую встречу с Дамеем. Тогда она ехала из Сухума. По пути, недалеко от въезда в село, с автобусом произошла поломка. Шел проливной дождь. Вдобавок гремел гром, и молния сверкала. От этого места до дома было далеко, но ждать, когда смогут исправить автобус, смысла не имело. И она пошла пешком. По пути ее догнал незнакомый парень. Похоже, из соседнего села. И, как и она, рассчитывал на попутку. Пиджак он накинул на голову, но это не очень спасало от дождя. Некоторое время обе шли молча. Вдруг раздался сильный гром.

– Да убережет нас Бог, – сказал он. И, когда Диана не дала ответа, продолжил: – Когда гром и молния, кроме граба все опасно.

По пути им не раз попались грабовые деревья, но так как Диана была насквозь мокрой, смысла стоять под ним она не видела.

– Как будто из ведра льет, – сказала Диана, откидывая мокрые волосы с лица и ускоряя шаги. В небе раздавались раскаты грома. Вода смывала все на своем пути, даже камешки с собой забирала.

– Может подождем, – не глядя на нее, но чтобы она услышала, предложил Дамей. – Может, все-таки под грабом переждем, – повторил он, решив, что она не услышала его слов.

Она и вправду шла так как будто ничего не слышала. «Ну, да! С чужаком под деревом прятаться. Больше ничего не надо!?» – улыбнулась она про себя. Но при этом захотелось взглянуться в лицо попутчика.

– Когда я был маленьким, больше любил, чтобы дождь меня хлестал, чем мать. От дождя не больно. Сколько бы ни хлестал...

– Да, да. От дождя точно не больно...

...Во дворе залаяли собаки. Видать, почуяли чужаков. Но Диане не хотелось бежать им навстречу. Ей так хотелось еще немного побыть в родном доме. Считала себя предательницей.

«Пусть пока все будет по-моему. И отчий дом положено уважить. Не бежать же мне им навстречу, как будто собаки меня погна!» – подумала она.

– Комковатая, я еще одну игру знаю, – вытащив руки из-под одеяла сказала Диана. – Давай сыграем три раза в отгадку.

– Если в первый раз я проиграю, то назову имя моего, во второй раз – откуда он родом скажу, ну, а если и в третий раз проиграю – имя его отца. Но для такой игры ты еще ранняя пташка... Хотя не мешает и это знать, как книги по внеклассному чтению.

– Вот, в правой... – Тина указала на правую руку Дианы.

– Попала, – Диана, приблизив губы к лицу Тины, прошептала: – Дамей.

Красную пуговку, что в правой руке держала, Диана переложила в левую и, вытянув руку, посмотрела на сестру.

– А теперь в какой?

– Теперь, – минуту промолчала Тина, – видать, на этой стороне наш новоиспеченный зять живет, – указала она на левую руку.

– И тут ты отгадала, проказница, – Диана опять повернулась и пошептала сестре на ухо. – Джгярда!

Красная пуговка опять переселилась в правую руку Дианы.

– Ну, а сейчас?

– Имя свекра, это святое... В правой руке, – сказала Тина.

– Я невестка. Мне негоже свекра имя называть, – Диана мягко провела по волосам Тины рукой и встала.

«По-моему созрела. Сколько бы не тянула, решилась. Счастье как поезд. Не успеешь вовремя – уйдет».

Собаки лаяли. Дружки жениха приближалась все ближе и ближе, как будто хотели захватить неприступную крепость. Вокруг стояла такая тишина, что и шепот выстрелом казался. Диана оделась, взяла чемодан. Некоторое время рассматривала сестру.

– Я через окно выйду. Ты не смей вставать. Увидят, скажут родная сестра ее нам на блюдечке вынесла... Стыдно. Завтра сама знаешь, что сказать. Объяснишь, что спала как убитая, как муравей в меду. Не поверят, сон какой-нибудь придумай... – Диане трудно было скрывать слезы.

– Не беспокойся... облапошу всех, – молвила Тина, не в силах удержать слез.

*Перевел с абхазского
В. Шария*

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Ветер теребил туман в горах – белый, как длинные седые волосы старой женщины. Тучи на небе, которые туда и сюда гонял ветер, казались воюющей армией. Редкие крупные капли дождя тут же с жадностью впитывал асфальт...

– Успокойся уже, – Шаризан оторвала голову от подушки, откинула волосы назад и дотронулась до Асиды рукой. – Изнемогла от плача.

Асиде, которой казалось, что Шаризан спит, стало не по себе. Но когда понял, что разоблачена, решила: «Теперь-то нечего скрывать, хоть выплачусь», натянула на себя одеяло и разрыдалась в голос.

– Не реви, – сказала опять Шаризан. Но когда увидела, что Асида не успокоится, встала, накинула халат и присела на краешек ее кровати. Вначале она решила оставить ее в покое. Выплачется, успокоится – подумала она, но та так рыдала, что сердце не выдержало и начала опять успокаивать.

– Если все слезы сейчас выплачешь, то свекра нечем будет оплакивать, – попробовала Шаризан перевести разговор в шутиливую плоскость. Если бы ей удалось рассмешить Асиду, та бы перестала плакать.

– Подумай, тогда скажут невестка бессердечная, слез жалеет...

Шаризан встала и откинула оконные занавески. Прислонившись к стенке начала разглядывать Асиду. «Моя ты девочка, моя ты бабочка, сон от меня отогнала. Если не перестанешь плакать, пойду во двор гибкий ореховый прут искать. Отхлещу от души, чтоб «аман» сказала», – думала она.

Асида все никак не успокаивалась. Голоса своего она уже не могла скрыть. Рыдала всюю. И чувствовалось, что плакала она давно.

– Хозяйка дома проснется, решит, что мы радио включили! Скажет, что мы электричество тратим. В долговую яму ты нас загонишь!

Шаризан отошла от стены и присела на край кровати. «Ты еще не знаешь, что надо петь песню того, в чьей лодке плывешь... Хотя когда море, где та лодка плавает, принадлежит тебе, кто тебя упрекнет – чью песню ты поешь?».

– Хотя скажи мне, в чем причина такого потопа. Ты уже девушка на выданье, смех можешь рассыпать, но слезы – нет. У слез цена непомерна...

Шаризан откинула с нее одеяло, но Асида силой вернула его на место. Теперь она молчала и смотрела в сторону.

– Заплачу за один твой взгляд. Соглашайся, пока не передумаю. Для тебя лучше будет, а то потом откажусь...

«Я за себя столько не боюсь, сколько за тебя, родная. Мать твоя мне тебя доверила. «Доверяю тебе ее. Глупа пока. Проследи за ней», – сказала она тогда. Так и уехала. Как в детской игре – позади меня кинула «платок», а сама удрала».

– Я должна знать причину твоих слез, – Шаризан опять стянула одеяло. – У меня, как у посланника царя есть все права. Ничего не должно пролететь мимо моего слуха!..

– Даже сны мои должна знать? – Асида глянула на Шаризан.

– Плохие сны должна знать. Хорошие себе оставь!

– Так не получится... – Асида повернулась лицом к стене. – Хоть время дай. В другой раз...

– О-о, тогда проценты пойдут. Не только о снах должна будешь поведать, но все секреты выложить. Будешь в неоплатном долгу...

– Я долгов не боюсь, – сказала Асида, вставая с постели. Выключив свет, закрыла одну занавеску на окне и вернувшись, присела на кровать...

Шум моря усилился несмотря на то, что ветра почти не было. Огромные волны слизывали с берега камни и тащили на дно, как будто несли рыбам в подарок. Волна за волной требовали свою долю.

«Это для тебя, а то для нее...», – камушки отдавались волнам молча.

«Спасибо за подарки, берег», – кричали в голос волны, совершая свой бесконечный бег.

Стоило только утихомириться морю-силачу, откуда ни возьмись появлялся ветер.

– Асида, – глухо обратился к ней стоящий рядом парень, – сама хорошо подумай о разнице села и города. Тем более в то время, когда молодежь оставляет село, иметь в городе дом дорогого стоит. Я не хочу этим хвастаться, но... Ты умна, понимаешь, что это не мелочь.

Асиду как будто что-то мутное заволочло. Она пока не хотела думать о том, что он ей говорил. Считала, что слишком рано. Да и потом... Для нее был важным он сам, а не его дом...

«Золото и серебро, золото и серебро, – подумала она. – Для меня село еще золото. Об этом не стоит и говорить. Здесь не то важно. Просто пока ты чужой».

– Не будем торопиться, – сказала она, разглядывая морскую даль.

Отар рассмеялся в душе. Он не любил, когда девушки нежничали. Поэтому, чтобы не заморачиваться, старался серьезные слова в шутку переводить.

– О романтике позже поговорим. Отдельно, – он взял ее руки в свои и нежно заглядывая в глаза, привлек к себе. «И покрасивее тебя отдавались быстрее, – подумал он, – только ты как кукурузный початок, который трудно вылущить!».

У Асиды на миг помутилось сознание. Она начала замечать за ним качества, о которых ранее не подозревала. Выпитое вечером вино открывало его суть потихоньку, как открываются камни после того, как спала в речке вода. При прошлых встречах он был серьезен, уважителен. Что словами, что действиями не вызывал никаких нареканий, только веру в себя вызывал. Неужели можно было так измениться... Неужели это тот человек, которого она прежде знала и немножко успела полюбить? Как же сложно, оказывается, смотреть на того, кто перед тобой стоит, и думать, он или не он. Наверное, трудно людей бывает узнавать, как и ласточек. Ласточек, целый год живших с тобой под одной крышей, на следующий год никак не узнаешь. Слепнут и глаза, и сердце...

– Асида, – Отар отпустил ее руки, поняв, что торопится. Для таких случаев у него в запасе было еще много красивых слов. После долгого общения с девушками на языке лжи и лицемерия

они понемногу проникались к нему доверием. Бывали, конечно, случаи, что дело срывалось... как говорится, и на старуху бывает проруха... Но даже тогда он за словом в карман не лез.

– Море и горы просили меня, ветер ластился предо мной, однако всем им я отказал. Нет на свете никого прекраснее нее, ни на какие золото и жемчуга не променяю я ее, сказал!

– Да перестань уже! Романтика иногда слишком приторной бывает! Надоедает!

«Вот так и бывает. Когда я пела тебе песни волн, слушать не хотел. Теперь знай, что долг платежом красен. Я из рода тех, кто это понимает!..».

Отар засмеялся. Он и улыбкой своей мог управлять как хотел. Она всегда у него была наготове. Готовая улыбка для девушек. Они это уважают. Тем, кто скуп на красивую улыбку и щедрые слова, дают от ворот поворот.

«Но иногда и она бывает хороша. Но сейчас это лишнее. Это как бы просить в дождь еще дождя. Я сейчас другого хочу...».

– Я готов, – Отар встал на колени прямо на камнях, омытых волнами моря. Подняв кверху руки, глядя ей в глаза, продекламировал:

– С вынутым клинком дамасской стали иду я на бурю, не давая ей достичь тебя!

Асида глядела на него с удивлением. Не знала, обидеться на него, или нет. От смеха и удивления покраснелось лицо. Даже захотелось подать руку и поднять, но что-то не дало. Остановилась.

– Не смей так... Ты из золотого рода. Не по фамилии, а по нутру. Если я в это уверовала, то не отступлюсь. Не дай мне в этом сомневаться...

Когда Асида вспоминала детство и понимала, что его нельзя уже вернуть, на душе появлялось смятение, как будто потеряла ненаглядную сестру. Бывало так, что выкарабкиваться из такого состояния не всегда легко удавалось. Бывало, захватывали воспоминания как горный поток.

– Костным мозгом горной серны меня ты не корми. Мне сейчас пища бедняка важна. Она мое детство сопровождала, потому и потянуло...

Отар медленно встал и взял Асиду за руку. Повернул ее лицом к морю:

– Если она на дне моря, вытащу, – поднял лицо к небу, – если на небе, то собью, – опустил лицо вниз, – если под землей, где бы ни было для тебя найду.

– В твоём характере одно мне не нравится, – сказал Асида и некоторое время молчала, боясь его обидеть, но потом все же продолжила, – слов, как и денег, не жалеешь, и они обесцениваются. А мне надо, чтобы они так легко не доставались. Хочу знать им цену...

– Для тебя и птичье молоко готов достать. Нужно будет, перейду семь рек и семь гор покорю, открою семь сундуков...

«Опять ты за свое... Не царское твоё поведение. Скорее, торговское. Купеческое. Купля-продажа, продажа-купля!».

– Я о другом прошу, – сказала она и пошла по берегу, собирая мелкие камешки и бросая их в море. В этот миг девушка была настолько красива, что он позабыл обо всем на свете, только бы удалась сегодняшняя ночь так, как ему хочется...

– Я хочу загадки загадывать. Они неожиданно пришли ко мне, как почетные гости, которых надо потчевать хлебом-солью. Скорее всего, они из моего детства...

Асида вдруг вспомнила, как, когда-то давно она с сестрой, братом и матерью напротив их дома, на косогоре, сажали табак. И когда она устала и решила присесть, мать ей сказала: «Не думай, что я в работе тебя больше пожалею, чем остальных. Тут мы все равны и работать должны одинаково. И за столом мамалыжные порции тоже буду накладывать соразмерно вашему труду. Смотри, как бы тебе меньше не досталось!».

Но был еще другой путь – подбить детей на состязание, кто лучше загадки отгадает. И тогда победителю доставалось право на отдых.

– Начинайте. Кто выиграет, сможет отдохнуть, пока мы свои ряды не закончим.

Брат и сестра очень старались, но Асида опередила их. Они возмущались, говорили, что таких загадок и в помине нет.

– Ты сама придумала. Нет таких загадок!

– Надо было слушать бабушку повнимательнее. Когда она их загадывала, ты глухой была?!

– Тогда она, как лисичка, о жареной курочке думала...

– Поклянись...

– Клянусь, клянусь...

Мать-то знала, что Асида остальным фору даст в этом деле. Потому, когда увидела, что та и вправду притомилась очень, затеяла между ними соревнование. Знала, что если она ей просто разрешит присесть, остальные будут возмущаться: «Чем заслужила?», «Как бы ладошки мозолями не заросли, отращенные ногти поломаться могут!?»

Асида себя насилу вытащила из этих воспоминаний и глянула на Отара.

– Первым ты загадай загадку, тебе больше подходит! – Асида чуть не сказала «твоему торгашескому нутру», но вовремя сдержалась. Отар не знал загадок. Хотел придумать, но ничего в голову не шло. Решил ей уступить:

– Раз ты предложила, сама и начинай, – Отар перевел дух. Он и впрямь выторговал для себя время, чтобы выкрутиться. Было уже довольно-таки поздно, но, к счастью, она никуда не торопилась. Это не было победой, но обнадеживало, что все пойдет по тому пути, по которому ему желалось. Отар надеялся, что в этом ему поможет выпитый ею в баре коньяк. Раньше все девушки, которых он мало-помалу спаивал, из недоступных превращались в ручных. «Ты сам знаешь, как лучше. Как ты желаешь, Отар», – вторили они друг другу. Коньяк всегда был ему опорой в желаниях, ускорял ход событий.

– Если ты так желаешь, не буду перечить, ваше высочество... Но главное ответ, а не сама загадка. Тут чины не играют роли. Кто сумел, тот на коне. Ну, а кто отстал, может и в грязь свалиться... Ну, что это – «царский двор снегом засыпало»?

– Право ответа тоже тебе предоставляю, милая, – Отар опять взял руки Асиды в свои и приобнял.

– О-о, загадку загадала, загадку загадала, в золотой кубышке соскребла, – сказала она, отталкивая Отара. Вырвавшись из его рук, быстрым шагом направилась к дороге. Сердце подсказывало, что уже пора домой. Голова прояснялась, как родник после дождя. Как она раньше об этом не подумала. Как не подумала...

«Ни одна девчонка не виляла так хвостом передо мной. Не стоило так со мной... Особенно в последнее время много усилий

приложено, чтобы все пошло не по-твоему, а по-моему. Родители не учили меня делать добро и бросать в реку. Не учили...».

– Асида, не бросай меня на берегу моря, как древесные ветки после бури. Любовь такое не понимает. Я для тебя ни в чем не жалел себя, да и не буду впредь. Пойми меня, милая. Если ты захочешь, то поймешь...

Асида остановилась, поджидая Отара. Его красивые слова уже не действовали магически. Все, что бы он ни сказал, казалось ей скользким, лживым.

– Любовь, – сказал Асида, не глядя на него, – она как мед, как медовые соты. Если не проследить хорошенько, это может оказаться «дурным» медом, опасным.

Отар понимал, если она успеет выйти к дороге, то ее уже не остановить. Здесь же, если даже отойдет от выпитого, шум моря не даст ей до конца прийти в себя.

– Если оставишь и уйдешь, брошусь в море. Так и знай» – Отар решил во что бы то ни стало разжалобить ее сердце. Может, прочитанные ею романы о любви сослужат ему дружбу? В этих романах доверие на первом месте...

– Перетерплю как-нибудь, – Асиде хотелось побольнее уколоть его. – Если пережила всех, кого море унесло, то и тебя пережить смогу...

Отар уже не хотел ничего слышать и слушать. Единственное, что он понимал, это то, что надо остановить Асиду.

«Не торопись надо мной издеваться. Ничем не хуже тебя была предыдущая девчонка. Рассказал ей, что деньги для меня – листья на дереве, что машины меняю как туфли, что в моем доме хватит комнат для всей ее родни. Как она мне могла отказать? Даже Богу бы не по душе это стало. Спустя время поняла, что это все сном было. Но красивый сон тоже чего-то стоит ведь...».

Спокойной ночи, – сказала Асида. Потом, подумав, добавила:

– Девушки как карты. Не всегда везет. Так бывает.

Рассмеялась громко и побежала. Но не успела уйти далеко, как Отар ее догнал и преградил дорогу.

– Если ты меня любишь, если я тебе нужен, считаешь меня человеком... человеком... – опять привлек к себе силой. Что бы она ни сделала, он не согласен был ее отпустить.

– О-о, любовь... Я «дурного» меда боюсь, – Асида пыталась высвободиться из цепких рук. И тут словно искры посыпались из глаз, сознание померкло. Даже моря не было слышно. Оно молчало, как будто ушло вглубь земли.

...Спустя время сквозь далекую песню начал возвращаться гул морского прибоя. Он почему-то был злым. Казалось, волны вот-вот достигнут места, где она лежала, и унесут ее с собой. Асида пыталась кричать, но море так грозно шумело, что сама своего голоса не слышала. Вдруг, как лучи сквозь пелену, открылось ее сознание. Она увидела силуэт торопливо уходившего человека.

– Ты нечисть! Шакал! – голос ее вернулся вмиг. Захотела встать, но земля ходила ходуном, не давая ей двигаться.

– Не угадала! – голос Отара еле был слышен. – Шакал бросается на все, что видит. Я разборчив...

Асида еле встала и, не разбирая дороги, пошла куда глаза глядят. Ей было все равно куда она идет. Единственное – не хотела возвращаться домой. Только когда морская волна захлестнула ее, она открыла глаза.

В детстве, когда бабушка была еще жива и вся семья собиралась вместе, рассказывая разные истории, она, бывало, засыпала. И чтобы ее не разбудить, бабушка опускала ноги Асиды в тазик с теплой водой и омывала их. Если вдруг просыпалась, то замечала, как бабушка беззубо улыбается ей. Ножки ее бабушка укутывала пушистым полотенцем, затем держала в подмышках чтобы согреть. «Ноги тебя будут славить, если перед сном мыть их. Скажут – не напрасно мы ее целый день туда-сюда носили. Я больше не буду тебе в этом помогать», – шептала ей бабушка. Асида начинала хохотать. Бабушка, приложив указательный палец к губам, шептала: «Клянусь моим единственным зубом, что не буду больше мыть тебе ноги». Бабушка напрасно это говорила. Асида знала, что вечером обязательно опять соберется семья и обязательно она, не выдержав долгого сиденья, заснет и что именно бабушка будет, тихонько напевая, мыть ее ножки. Асида сквозь сон слышала ее голос.

Асиде вспомнилось все это, когда под ногами почувствовала вдруг морскую воду. И воспоминания вмиг улетели куда-то, как большой мыльный пузырь.

«Может, в море утонуть?..» – подумала Асида. Никогда она не была столь безразлична к жизни и смерти. Для нее не значили ничего ни шумевшее рядом море, ни горы в том краю, где был отчий дом, ни люди, жившие вокруг своей жизнью. В какой-то миг ей показалось, что на всем целом свете она одна и кроме нее нет ни одной живой души, как будто все ушли пока она спала от отчаяния, а ее никто не уведомил об этом.

«Смерть? Нет, нет. И так наша жизнь подобна стаканам на застолье, которые уже подняты после тостов и выпиты до дна. Божество смерти Апсваха время от времени их опустошает. Так зачем его торопить? Оставим это дело на его усмотрение... Ведь и оно, и я знаем, что случается с теми, кто торопится...»

Асида отошла от кромки моря и легла на береговой гравий. Случившееся ей все еще казалось кошмарным сном. Хотя сознание явно отличало явь от сна. Слышала шум моря, понимала, что она здесь одна. Насильно открыла глаза и начала говорить вслух:

– Что бы ни сделала, что бы ни сказала, не нашла я тех, кто в загадках разбирается. Может, мать заставляла нас учить их в те минуты, когда ей просто скучно бывало. Как жаль, как жаль...

Медленно встав, Асида пошла в направлении покрытой асфальтом набережной. Шла медленно. Шум моря все еще окутывал ее всю. Никак не хотел отстать. Он то как песня проносился по берегу, то шептал что-то высоченным деревьям в сквере, то волнам что-то такое говорил, что они после этого дрались врукопашную на смерть. Кстати, песня исходила от тех волн, которые оказывались в этой борьбе победителями.

– Да подожди, ты, – обратилась к морю Асида. – Не ты единственный певец в этом мире. Но не всегда же петь. Может, загадку мне загадаешь? А то, боюсь, забуду, что можно думать...

Но море не хотело уgomониться. Шумело и шумело. Некоторое время нехотя слушала его Асида. Почти как в детстве, когда мать заставляла ее есть и она нехотя глотала протянутые ей кусочки. Потом вдруг будто резко пошла по дороге. Глаза были закрыты. Ноги сами ее несли туда, куда надо было. Через некоторое время она насилу открыла глаза. Все еще была на берегу. Все еще слышала шум неумолчного моря.

– Можешь даже из берегов своих выйти, – бросила она морю, повернулась и вошла в темень прибрежного парка. Там под вековыми деревьями трава была мягкая, манящая. Хоть и всем серд-

цем желала растянуться тут на траве, Асида не остановилась. Ускоряя шаги, пошла в сторону освещенной десятками лампочек дороге, которая вела в гору. Изредка проезжали машины. Некоторые пролетали как пули. Из некоторых ее окликали: «Зимний цветочек, куда тебе?!», «Если меня ищешь, то я здесь!», «Подари мне нынешнюю ночь!», «Неужели мне такой цветок достанется!» – кому было не лень, все что-то ей говорили. Она никому не отвечала. Один, все притормаживая рядом с ней машину, «хоть слово мне скажи» просил не умолкая. «Безмозглость ногам покоя не дает. Знай об этом!» – огрызнулась она и повернулась в проулок, по которому раньше никогда не ходила. Там машин не было. Она понимала, что и тот ведет в гору. Ей казалось, что там тихо и спокойно. Только когда начала подниматься в гору, поняла, что смертельно устала. Но ни шум моря, ни прибрежный ветер сюда не доходили.

«Слава Богу, есть место, вам неподвластное. Здесь у горы есть свой голос. Сегодня ночью я только этот голос хочу слышать...»

Асида все убыстряла шаги. Хотелось забыть навсегда произошедшее с ней. Боясь вернуться мыслями к тому, что было, начала думать о горе, к которой она так стремилась. Спустя некоторое время повернулась к узкой тропинке, также ведущей наверх. Утомившись, остановилась.

«Отец мой не был ни заядлым охотником, ни пастухом, но горы он знал, как нас – родных детей». Асида прислушалась, везде было тихо. Вдруг ей показалось, что кто-то должен выйти из темноты. Ее охватило беспокойство, но потом, успокоившись, прислонилась к стволу дерева.

«Он знал, когда снег покрывал их вершины, когда он таял. Знал, когда большой снег гнал в низины диких кабанов. Знал, как будто получал от них письмо – «приходи, мы здесь, можешь стрелять, нам некуда деться». Он даже знал, когда дождь должен был пойти. Заблаговременно. Суставы начинали ныть и звенело в ушах».

Передохнув, Асида пошла дальше. Вдруг рядом замелькала чья-то тень. На мгновение ее охватил испуг, но потом мысли об отце придали ей силы. Ей показалось, что он рядом и не даст в обиду. Но нелегко, когда в лесу, в темень, думаешь о мертвом и рядом оказывается, да еще незнакомец...

«Хоть воспоминанием вдоволь насладиться бы, но и этого не

дано...» Тень молча приближалась. Асида, нагнувшись, схватила увесистый камень.

– Ты, наверное, с пути сбилась, – спросил молчавший до сих пор мужчина, медленно приближаясь. Было видно, что он боялся ее испугать. – Может, запуталась? Мы исправим. В этих местах мы за порядком следим пуще, чем женщина за огородом следит, – сказал он, показывая на свою милицейскую фуражку красного цвета.

Пальцы расслабились и камень выпал из рук. Обратившись к нему, произнесла:

– В огороде опасна скотина, а не люди, – повернулась и пошла торопливым шагом. Она уже знала, что эта тропинка не приведет ее в гору, но хотела немного по ней пройтись.

– Потом на себя пеняй, – сказал вдогонку крупным басом незнакомец. – Эта гора подобна пню, напичканному трутнями. Как стемнеет, все сюда прутся. У одних в сердце зло, у других добро... Какие тут только ни попадают... Не за всеми угонишься... – мужчина чиркнул спичкой, дымя сигаретой повернулся назад, что-то бурча себе под нос.

Асида решив, что он уже ушел, спустилась к той дороге, по которой шла изначально.

«Не только честь этой горы, да ждет тебя только хорошее, добрый ты человек, но я свою честь не смогла сберечь», – подумала Асида. Спустя некоторое время она наткнулась на лежащее поперек дороги дерево. Как будто оно здесь упало специально для того, чтобы оно отдохнула. Асида поудобнее уселась, подперла руками голову и вернулась к мыслям об отце.

«Отец мой, да пребудет твоя душа в раю, ты нас оберегал, боялся, что поскользнемся ненароком в ненужном месте. Не упускал из виду. Да и мы, твои дети, боялись сделать что-то, что тебе не понравится. Боялись. Да пребудет с остальными только хорошее, но я... Я душу твою вывернула. Ты был строг. И мы это как должное воспринимали. Но когда тебя не стало...».

Асида смахнула слезу. Она уже знала, что на гору ей не подняться.

«Отец, ты не должен был так рано нас оставить. Ушел так неожиданно. Видит Бог, за тобой не осталось отцовского долга. Никто тебя в этом не упрекнет. Когда ты был жив, все было иначе. Не

потому, что одевал нас, обувал. Это и мать в ущерб себе делает. Но должна сказать, что ты ушел в мир иной со спокойной душой. С чистой совестью. Главное, позор тебя не застал. Не успел... Много на мне вины. Я должна была знать, что когда гром гремит и молния сверкает, надо под граб бежать, прятаться. Но я об этом совершенно не подумала. В голову не пришло... Не догадалась, что некоторые укутываются от совести в три одеяла, как будто боятся простудиться... Я всем доверяла...»

Асида подняла голову и прошла взглядом по небу. Тучи как барашки гурьбой спешили на запад. Ветер гонялся за ними, то покусывая их за хвосты, то зарываясь в самую их середину. Но потом они вдруг проливались на землю – и ветер, как щенок, которого закидали палками, поджав хвост, бежал подвывая. Крупные капли дождя били по крышам как по барабану – «заслужил, заслужил...»

«Отец, помню, как-то я тебе сказала, что хочу постричься. Хочешь – и шею отруби вместе с волосами», – сказал ты тогда. С тех пор такая мысль больше у меня не возникала. Отец, ты хотел, чтобы мы были счастливы, достойны счастья. Дай Бог счастья остальным... Но... Счастье для меня обманчивым оказалась... Не угадала, кому надо верить, а кому нет... Он говорил одно, а думал другое, отец, думал другое...Этот город похож на улей. Здесь другие нравы, другие правила. Не сразу можешь понять, привыкнуть. Оказывается, здесь каждый шаг нужно было отмерять. А я, глупая, думала, что здесь, как в селе, можно поступать. Там тоже был один (Асида казалось, что отец сидит рядом и побоявшись, что он услышит, словно понизила голос), но однажды, когда он меня обидел, я его прогнала. «Вы, девочки, – сказал он, – похожи на нежные побег сассапареля, все вас любят, всем в руки даются, потому и опасны!». «И вы, мальчики, не под семью замками спрятаны. Любая улыбка проходящей мимо девицы способна ваши двери открыть!».

Помню, как ты мне однажды сказал, отец: «Ты слишком красива. Вырастешь, не будешь слушаться, как теленка привяжу!». Отец, отец, дурная я, тогда на тебя обижалась. Если ты был бы жив, наверняка не случилось бы того, что со мной стряслось».

«Виину, виину» – от моря в горы поднимался подвывающий ветер.

– Пришел все-таки? – спросила Асида, как будто чужой человек

ей явился. – У того, у кого ветер не гуляет в голове, счастье неимоверное. – Асида встала и начала торопливо спускаться в город.

По дороге ей вспомнилась старушка, которую ее отец безгранично уважал и названной сестрой называл. Она давно жила в этом городе. После того, как сын ее в войну погиб, ходила тенью. По прошествии долгого времени боль притупилась. Сейчас она могла и поговорить, если к ней придешь.

Когда Асида, открыв ворота, вступила во двор, навстречу с лаем выбежала маленькая собачонка. «Не чужая я, можешь и не лаять», – сказала Асида, поглаживая ее по голове. Пока она стояла на месте, собака не лаяла, но стоило ей сделать хоть шаг, начинала опять заливаться лаем. Асида встала на цыпочки и постучалась в окно спальни Нуцы. Неугомонная собачка все лаяла на нее. «Ты сейчас лаешь не потому, что обижена, хочешь перед Нуцой пофорсить. Не думай, что не понимаю ничего. Когда злы, хвостиком не виляют. Хвост тебя выдает, хвост!»

Нуца долго шла к дверям. В последние ночи сон ее был чуток, но сегодня как будто куда-то провалилась. Вначале она не разглядела Асиду, свет внутри комнаты был тускл.

– Кто ты, нан? – спросила она. Потом, поняв, что перед ней девушка, настежь открыла дверь и перешагнула порог.

– Оставайся внутри, ди1), моя родная, – Асида обняла Нуцу. Только тогда она поняла – что сил ни на что нет, что она смертельно устала. Голова вновь закружилась, вокруг все помутнело.

– Асида, нан, это тебя я не признала, да обойду я вокруг тебя! – сказала старушка, обвивая гостью теплыми руками. – Все хорошо, нан, как дома, как дети?

Асида слышала все, хотела ей ответить, но сил на это не было. Схватила за край двери. Еле из себя выдавила: «Воды».

– Вот к чему со вчерашнего дня глаз дергался, – Нуца поторопилась в комнату. Вынесла стакан воды и поднесла Асиде. Часть заставила отпить, остальную вылила на руки и провела мокрой рукой по лицу девушки. Завела ее в комнату и уложила на кровать. Некоторое время Асида лежала не двигаясь, потом начала дрожать как осиновый лист. Зуб на зуб не попадал. Лицо побелело. Нуца намочила платок и приложила ко лбу девушки. Асида с трудом приподняла веки. Потом еле прошептала: «Почитай от сглаза заговор, ди».

– Что за заговор, да обойду я вокруг тебя, да перейдут на меня все твои беды?! – старушка не знала, что делать.

– От укуса змеи, заговор... – попросила она.

В какой-то момент Асида вроде бы в сон провалилась, но затем резко открыла глаза. Вернулась дрожь. Все тело покрылось крупными каплями пота. «Море, море, задыхаюсь!» – слезы лились градом. Ее накрывал шум, нет, не шум, вой моря, готовый поглотить ее.

– Попей, нан, горячего молочка, полегчает, – Нуца поднесла стакан к губам Асиды, заставляя сделать несколько глотков.

Море, море, море, ветер...

Асида разговаривала во сне. Она говорила, что отец ее жив, что он не умер, что он скоро заявится, что она после учебы поедет жить в село, потому что отец так хочет.

– Что стряслось, моя девочка, что с тобой случилось, да чтоб мне ослепнуть? – Нуца не знала, что делать, как помочь. Потом пошла в другую комнату и принесла оттуда чесночную настойку. Намочила ей лоб. Затем попарила ей ноги и, укутав теплым одеялом, уложила в постель. Некоторое время Асида лежала не шевелясь. Потом резко села на кровать, стянув с себя одеяло.

– Светает? – спросила с трудом, открывая веки. – Хотела посмотреть, как светает... Как утро наступает... – с трудом договорив последние слова, вновь повалилась на постель.

– Приятного сна тебе, маленькая моя девочка, да убережет тебя Бог, – прошептала Нуца, приглушая свет в лампе. Сама легла напротив девушки не раздеваясь. Ночь на улице была беспокойна...

Перевел с абхазского

В. Шария

ОЖИВШАЯ СКАЗКА

Впервые я ее увидел на берегу моря. Воспоминания об этом теперь подобны грезам, которым я упоенно предаюсь, чтобы продлить свой дивный «сон». Все окружающее в такие дни мне кажется добрее, красивее, благодушнее. Даже если неподалеку кому-то и вздумается браниться, до меня грубые, оскорбительные фразы доходят, теряя весь свой негатив, боль, никак не возмущая душевного равновесия. А сами спорящие, как мне представляется, всего лишь петушатся, желая продемонстрировать свой боевой настрой и не имея никаких взаимных претензий.

Смеркалось. Я стоял у ворот студенческого общежития, раздумывая, заходить или нет, и вдруг резко повернул в сторону моря. Меня будто понесло ударной волной галдящей ребятни, которая выбежала вдогонку мячу. Такое у меня случилось частенько. Оказавшись в толпе людей, я чувствовал дискомфорт и уходил гулять по набережной. Причиной тому было несовпадение моих взглядов с убеждениями большинства сверстников – мне становилось с ними смертельно скучно. Но бывало, что и наедине с собой я не знал, куда деваться, и, чтобы как-то усмирить рой мыслей в голове, выбирал лишь одну из них и размышлял. Правда, в этот день я был уже изрядно уставшим от раздумий и просто хотел проветриться, подышать вечерним морским воздухом. Он придавал мне неведомую силу и какую-то свежесть, подобно тому, как мелкие речушки незримо наполняют стремительный горный поток, чтобы он не потерял своей мощи на равнине. Потом эта сила помогала мне сидеть допоздна, а если и лягу незадолго до рассвета напрочь уставшим, – быстро восстановиться.

Так, обуреваем не слишком веселыми мыслями, я незаметно минул пляжную зону, где купались туристы, и прошел довольно далеко. Ветер здесь был покрепче, чем в городских переулках, и трепал тебя свободно, даря радость и вздымая страсть из самых глубин сердца. А вот стройные ряды кипарисов хоть и были здесь

редкими, все же могли укрыть собою людские разговоры и шептания, создавая для них иллюзию единения.

Тут я услышал лай собаки, неожиданный, словно меня укололи иголкой, и с удивлением огляделся вокруг, никого при этом не обнаружив. Лишь взобравшись на цементные блоки, лежавшие у дороги, я увидел девушку в купальнике, она держала пса на поводке и смотрела в даль моря. Все то время, пока я наблюдал за ними, она не отвела своего взгляда, будто хотела выведать у моря никому не известную тайну или увидеть в нем какое-то невообразимое чудо. Ее изящные бедра были так прекрасны, что казалось, если пристально смотреть на них дольше секунды, то они сторят как от палящего солнца. Самым первым моим побуждением было выкрикнуть что-то, чтобы обратить на себя ее внимание. А вдруг она о чем-то думала и сознательно пришла на безлюдную часть пляжа, чтобы помечтать? Наверняка ее мечты такие же красивые, как она сама. Мне не хотелось нарушать покой девушки, и я позволил ей грезить дальше, заглушив свое желание показаться. Удивительно, но и собака, казалось, была в раздумьях, она пару раз гавкнула на чаек, крикливо встрепенувшихся рядом, да и все.

Это была довольно большая собака, и, судя по спокойному нраву, дрессированная, с красивым окрасом. Грудь и шея, белоснежные, как фартук на школьной форме девочек, сразу притягивали взгляд. Остальная шерсть была коричневато-красного цвета, и только ноги белые, как шея. Издалека казалось, что собака в белом пуховом костюмчике. Морду я не мог разглядеть, но представлял ее симпатичной, с добрыми глазами.

Так простоял я какое-то время. Потом девушка повернулась в мою сторону, наши взгляды встретились, и я тут же спрыгнул со своего «капитанского мостика», направившись к ней. Это был галечный пляж, и галька, по которой я ступал, так предательски шуршала, будто хотела предупредить «Ассоль» и ее четвероногого друга, что к ним кто-то приближается. Конечно, пес заметил меня первым. В то же мгновение он неистово залаял, будто в компенсацию за то, что я незамеченным подобрался так близко. И был даже не прочь наброситься на меня, позабыв о поводке. Но в этот момент раздался ласковый голос хозяйки, подобный журчанию волн, играющей с мелкими камешками у самой кромки моря.

– Спокойно, Алик, спокойно!

Признаться, честно, в первую минуту мне стало немного не по себе, но, вспомнив давний совет, я не стал убегать, а замер в надежде, что воспитанная собака вряд ли укусит. Она подошла ко мне, обнюхала, и, видя, что спокойно стою, потеряла ко мне всякий интерес. Но всем своим видом показывала, что, если я в будущем позволю себе что-то непростойное, она найдет меня по запаху.

– Алик, ты же хороший пес, зачем кидаешься? Обо мне не подумал?! – сказала девушка, погладив собаку по голове, а потом склонилась к ней и посмотрела прямо в глаза, как бы желая пристыдить за плохое поведение. И собака, как ребенок, который, осознав вину, пытается задобрить родителей ласками, потерлась головой о ее ноги. Это сработало – девушка улыбнулась и провела своими длинными музыкальными пальцами по голове и спине – и хозяйка, и пес были довольны.

«Ты о чем-то думала, я, наверное, помешал тебе?» – обронил я виновато, не осмелившись сказать «прости», все же мы даже не были знакомы, а это слово подразумевает наличие хоть какой-то связи между людьми. Она мило улыбнулась, и щеки ее залились девичьим румянцем. Я понял, что она в том возрасте, когда уже осознаешь свою привлекательность. Убедившись, что я правильно воспринял ее реакцию, и при этом немного волнуясь, она задорно сказала:

– Нет, нет, просто иногда от скуки я представляю, какими бы были вдруг ожившие сказки. И в эти минуты неожиданные встречи как раз сулят удачу!

– Хорошая сказка дорогого стоит, и я порой с тоской ищущую, как давно потерянного брата...

– Я прокручиваю в голове именно те сказки, которые вполне могли стать былью, так и жить становится интереснее... – сказала она, и одновременно с собакой (как будто между ними телепатическая связь) направилась к сложенным неподалеку вещам. Посмотрев вслед девушке, я еще больше проникся ее красотой: бархатистая кожа, шелковистые волосы, ноги, стройные как у лани. Казалось, она разговаривает с морем плавным языком тела – изящной походкой, движениями рук, и ни одна душа не могла знать этого языка, а море, полное гордости за такое внимание и влюбленное в ответ, делилось с ней своими сказками.

– Ты и есть ожившая сказка! – промолвил я едва слышно, чтобы мой голос наверняка заглушило шуршание голубого платья, которое она в этот момент надевала. Зато собака посмотрела на меня так, будто услышала и поняла мои слова, одобрительно-доверительно, ведь ничего порочающего честь ее хозяйки я не сказал. И мне стало приятно, что четвероногое меня так легко приняло.

Девушка быстро оделась, и платье в одно мгновение скрыло ее восхитительный красный купальник. Так угасающий человек на глазах теряет цвет лица. Одежда, будто споря с купальником, доказывала, что идет ей не меньше, и действительно, она светилась в своем небесно-голубом платье и белой кофточке в красный горошек.

– Мы с Аликом уже пойдем домой, темнеет, – обратилась она ко мне, как бы извиняясь за то, что бросает одного, когда я только пришел купаться.

– Если позволите, я вас провожу, – ответил я, показывая, что никак не расстроюсь, оставшись в этот вечер без моря ради такой возможности.

– Как хотите, – отчеканила моя собеседница, но таким приятным тоном, от которого показалось, что по моим венам течет не кровь, а благодать, исходившая от ее красоты. Мелкая галька щекотала ноги при каждом шаге, будто посмеивалась надо мной за то, что я предпочел девушку морю. Я даже вспомнил детскую забаву, когда в темноте щекочут травинкой ухо.

– Извини, а как тебя зовут? – спросил я, как бы давая знать камешкам, что слух мой уже успел соскучиться по ее голосу.

– Элана, – ответила она, и ее имя, произнесенное ею самой, показалось мне еще прекраснее, как музыка, которую сперва только представляешь, а потом слышишь в исполнении оркестра. Я старался не подавать виду, что мне понравилось имя спутницы, но на меня оно оказало какой-то мощный исцеляющий эффект.

– Ты, верно, учишься? – спросил я скорее риторически, ведь не могла же обладательница такого имени где-то не учиться.

– Да, я в десятом классе. Всякий раз, когда я возвращаюсь из школы, Алик встречает меня у молочного магазина. И по дороге туда, провожает меня до него же. Иногда во время уроков как подумаю о том, что он ждет меня на одном месте, отпрашиваюсь пораньше. Бывает, после учебы друзья собираются в кино, но я не

могу присоединиться к ним, разве что заранее приведя его домой. В последнее время я, правда, боюсь, что она потеряется, мы с ним очень любим друг друга, как говорит папа, привязались.

– Все так, собаки умеют любить, как люди, и даже ревновать

– Точно, я сейчас вспомнила случай, когда вы сказали про ревность. Мы с Аликом как-то гуляли по городу, мне встретился один знакомый, и мы поздоровались за руки. Потом в разговоре мы о чем-то слегка поспорили, и когда парень протянул мне руку для прощания, Алик, уж не знаю, что на него нашло, так зарычал, что чуть не оттяпал ее. После этого я еще долго не здоровалась ни с кем за руку, когда была с собакой, только кивала головой в знак приветствия.

– Надо же! И как потом сказать, что в собаке не течет человеческая кровь и она не способна на чувства? У нас тоже была одна замечательная собака, размером, может, чуть побольше твоей. Мы с братом всегда водили ее с собой в лес, когда приходилось пригнать коров. У нее был хороший нюх, издалека чуяла зверей, особенно, зайцев. Однажды мы пошли за быками по холму, вдруг чуть повыше тропы собака встала в позу и громко залаяла. Мы поняли, что она кого-то учуяла, и подбежали, видим: неистово ронется у входа в нору под большим буком. Мы догадались, что это барсучья нора, эти зверьки каждый год наносят немалый урон нашим насаждениям. Но мы были без оружия, а если бы оно у нас и было – барсуки не выходят из убежища от выстрелов, как это делают медведи, а лишь глубже зарываются в землю. К тому же норки они себе роют так, что вход широкий, а дальше все сужается, так что даже две особи не могут обойти друг друга. Бывает, что они неделю-две не выходят наружу. А если и закроешь вход в нору большими камнями, проруют себе новый выход и все равно вылезут. Мы стали отзывать собаку, пытались удержать ее, но, видно, она учуяла добычу совсем близко и, уже опустившись на лапы, стала все дальше проползать в проход. Мы еще некоторое время слышали собаку, она не успокаивалась, все ближе подбиралась к барсукам. Где же ей было знать, бедной, что обратно уже не выбраться, что она будет страдать и лес будет содрогаться от ее невыносимого стенания? Всю ночь при свете луны мы с братом рыли землю попавшими под руку палками, обливаясь потом и слезами, убитые досадой от происходящего. Но чем дальше мы

продвигались, нору неминуемо заваливало землей, и воздуха становилось все меньше. У нее уже не было сил на лай и завывания, она еле скулила и притом так жалобно, что наши сердца сжимались от боли. Через пару часов стихли все звуки. Мы просидели до утра над норой, вспоминая все наши игры, охотничьи приключения с собакой, начиная с ее щенячьего возраста, рассказывали друг другу забавные истории с ее участием, как если бы умер кто-то очень близкий, оставивший после себя много хорошего. Когда рассвело, мы увидели, что барсуки прорыли выходы с другой стороны и уже вышли, а наша бедная собака задохнулась от недостатка кислорода, ее скуление раздавалось где-то до полуночи, потом она умерла.

– Как жаль, – сказала Элана грустно и смахнула выступившие слезы.

Мне и самому было тяжело вспоминать эту историю, обычно старался не рассказывать ее никому, потому что после этого надолго портилось настроение.

– Всего доброго! Мы уже пришли, – сказала Элана, перейдя дорогу и ступая на тропинку, ведущую в сквер, но тут же обернулась и добавила: – Мы живем в этом доме на пятом этаже, если захотите позвонить по телефону, вот наш номер: 2–35–44, вечерами бываем дома.

– Обязательно позвоню, Элана! Всего хорошего, доброй ночи! – протараторил я, стараясь вырваться из пучины печальных воспоминаний в реальность.

Свежий бриз бодрил прогуливавшихся по вечерней набережной отдыхающих. Я высмотрел сквозь ряды кипарисов большой белый дом. У подъезда Элану встретила женщина, наверное, мама, она широко раскинула руки для объятия, прижала и даже приподняла ее с любовью, и дочь ответила с такой же нежностью.

После лекций, дождавшись вечера, я набрал домашний телефон Эланы. Некоторое время раздавались гудки, вначале длинные, потом покороче, как бы в ответ на приближение человека. Вскоре я услышал голос, которого не ждал: «Алло, я слушаю!» В первую секунду засмутился и даже думал не отвечать, но тут же решил заговорить, чтобы хотя бы спросить о ней.

– Добрый вечер! – произнес я уверенным тоном, давая понять, что готов пообщаться с кем бы то ни было.

– Добрый вечер, – прозвучал приятный женский голос. Я иногда по голосу мог распознать характер людей, с которыми говорю. Судя по этому мелодичному голосу, он принадлежал очень советливой доброй женщине.

– Извините за беспокойство, я хотел бы поговорить с Эланой, если она дома.

– Сейчас, юноша, подождите немного. Елана-а-а! – позвала собеседница, не кладя трубку.

Я представил, как подобно легкому ветерку по комнатам их квартиры пронеслось ее имя. Я слышал из трубки голоса, лай собаки и даже отдаленные звуки игры на фортепиано. Казалось, что я в кино, слышу реплики героев, но не вижу картинку.

– Слушаю, – раздался нежнейший голос. Понадобилось несколько секунд, чтобы я осознал, что это не сон и обращаются ко мне. В это мгновение я напрочь забыл все слова, стоял и как будто смотрел на себя со стороны, раздумывая, «скажет ли он все, что мне нужно?» Она ненавязчиво повторила «я слушаю». Я кое-как собрался с духом, но казалось, что выхватываю слова из воздуха, как лепестки цветов, оборванных ветром.

– Это я, Леон! Вчера вечером я обещал, что позвоню...

– А, вспомнила! Извините, что вчера не спросила вашего имени. Леон! Леон последний!!

В этот момент я немного пожалел, что сам назвал свое имя. Если бы она хотела, то и вчера поинтересовалась бы, ведь я спросил, как ее зовут. Но теперь уже надо было подавить в себе эту маленькую обиду, чтобы сказать то, ради чего я, собственно, и позвонил.

– Элана, я бы хотел встретиться, если ты не занята, – выпалил я.

Она некоторое время молчала, видимо, не ожидала такого скорого приглашения на свидание и сложно было дать однозначный ответ. Я прижал трубку сильнее к уху, как будто боясь оборвать связь с заветным голосом на том конце провода.

– Я приду, Леон. Жди меня там, где мы вчера расстались, – донеслись долгожданные слова, ее голос казался теперь еще божественнее.

¹ В VIII веке образовалось Абхазское царство, на престол которого взошел абхазский царь Леон II из династии Леонидов.

– Буду ждать, – сказал я, обрадовавшись, что не попрощался по привычке. Я успел услышать ее выдох, слившийся со звуком положенной трубки, и мне вдруг стало так легко и безмятежно на сердце, как осеннему листку, легшему на траву.

Когда я дошел до условленного места на набережной, ее еще не было. Юные туристки шли под руку с местными ребятами, увлеченно о чем-то болтая. Одна из девушек энергично размахивала рукой, словно указывая на что-то вдалеке. Юноши пристально следили за ее движениями. Издалека казалось, что у нее в руке кусок хлеба и она увिलивает от стаи голодных собак. И тут за ними показалась Элана. Я обрадовался ей как неожиданному и приятному дуновению ветра. Она была одета во все белое. Наверное, нет другого цвета, которого было бы всегда так мало взгляду и одновременно дарящего радость. Белый – цвет добра и мира, он всегда приятен глазу, как беззаботная юность, еще не омраченная ничем. Если бы кто-то в этот момент смотрел со стороны моря, могло показаться, что ветер выхватил белый платочек у прохожей девушки и несет его плавно. Или как будто чайка, вдруг потеряв горизонты синего моря, летает над многолюдной набережной. Но я со своего места отчетливо видел, что это приближается чудесная Элана.

– Вы пришли раньше меня и ждете? – спросила она, изящно протягивая руку для приветствия.

– Нет, Элана. Это я просто застыл вчера, наблюдая, как ты уходишь, и так до сих пор тут стою!

– Ну надо же! – рассмеялась она немного сдержанно, и румянец залил ее щеки, сделав и без того миловидное лицо еще прекраснее, как предзакатное небо.

Она рассказала, что разучивала ноты на фортепиано, когда я позвонил, и потому за инструментом не услышала звонка. Трубку подняла и разговаривала со мной ее мама. Добавила, что с матерью они очень близки, что она хорошо разбирается в литературе, живописи и музыке и является очень воспитанным, высококультурным человеком. Помимо родного языка и русского в совершенстве владеет английским, преподает его в школе. Потом она долго рассказывала и об отце. Что он неплохой художник, обладает талантом, но иногда пропадает в экспедициях на месяц или два, а они с мамой и младшим братом скучают и тогда начинают разглядывать его

эскизы. Рассказала еще, что мама очень дипломатична и всегда находит правильные слова, даже если ей что-то очень не понравится в картине, в отличие от нее самой, которая рубит с плеча. Но как бы там ни было, местные искусствоведы уже давали лестные отзывы о работах отца, он принимал участие во многих выставках, о нем писали в прессе. Оказалось, не так давно отец отправился в очередной поход, долго от него не было никаких вестей и, разволновавшись, они с мамой поехала на его поиски. Буквально в прошлые выходные вместе со знакомыми они добрались на машине до Нового Афона, оттуда пешим ходом поднялись на гору и там уже в сумерках обнаружили его в укромном живописном месте, пишущим картину. Тут же они посмотрели уже оконченные работы, несказанно им понравившиеся. Отец тоже был очень рад их видеть и рассказал интересную историю, которая все еще не идет у нее из головы. Элана забыла имя художника, о котором шла речь, но запомнила, что он жил в XVIII веке и был прославленным. Последнюю свою картину он писал на природе – девушку с корзиной, полной гроздьев черного винограда, но, завершив ее, бросил там же и ушел. Спустя какое-то время один из учеников этого художника случайно увидел, как дрозд своим желтым клювом клевал картину с виноградом, приняв ее за натуру. Став свидетелем такого чуда, юноша прибежал к учителю и сказал, что его творение – шедевр, о котором должен узнать весь мир, что птица приняла нарисованную им девушку за живую и виноград – за настоящий, что это высшее признание мастерства. Но художник, вернувшись к своей картине и увидев дрозда, по-прежнему пытавшегося что-то выклевать, разорвал свою работу и отругал ученика. «Если бы картина и вправду была хороша, – произнес он, – если бы я и впрямь смог отразить девушку как живую, птица бы испугалась и не подлетела к ней и близко!»

Мы еще долго беседовали об искусстве, продолжили эту тему и в кофейне. Я убедился, что Элана не просто разбирается в живописи и может складно говорить на любую тему, но и способна по-настоящему оценить произведение искусства, вынести свой вердикт. Все, о чем она говорила, будто оживало на глазах, ее красота передавалась и ее рассказам, все в ее устах становилось значительнее, прекраснее.

Пообщавшись вдоволь, мы решили потанцевать под музыку у гостиницы. На этой площадке всегда было многолюдно, особенно

в дни дискотеки. Танцующие не сходили с паркета, остальные наблюдали из своих мест. В тот вечер, когда мы подошли, все уже были изрядно подуставшими, и неудивительно. Из кафе мы слышали зажигательные ритмы. Местные парни выкладывались по полной программе, боясь не успеть показать все, на что способны. Многие из них уже отдыхали на лавочках со своими парами и озирались ревниво как молодые быки, готовые в любой момент боднуть, если вдруг кто осмелится, колко пошутив, пригласить его даму на танец. Мы с Эланою довольно долго танцевали, она изумительно двигалась. Настолько, что, когда мы вышли на танцпол, остальные девушки, не выдержав конкуренции, сели. Да и юноши то и дело стреляли глазами в сторону моей избранницы. А сама Элана была полностью во власти музыки, не замечала ничего вокруг и тем самым еще больше возвышалась над этим бренным миром. Мне показалось, что в эти минуты она не думала ни о чем, забыла все сущее и даже меня самого, единственное, что для нее существовало, – это музыка, которая держала ее невидимыми нитями словно на весу. Как только музыка заканчивалась, она очаровательно улыбалась. Во время же танца улыбка сходила с ее лица, оставалась только какая-то одухотворенность. Я успевал соскучиться по ее улыбке и, попадая в полосу света, вновь и вновь смотрел на ее лицо. И она каждый раз одаривала меня улыбкой, как будто понимая, чего я жду. Когда музыка стихла, она стала немного задумчива и даже тревожна, так красное наливное яблочко меняется в цвете после заката. Мы оставили танцующих и пошли по набережной в сторону ее дома, наслаждаясь свежим морским воздухом. Она заметно торопилась, как будто коря себя за то, что слишком увлеклась танцами, и боясь, что родители уже начали за нее волноваться. Когда мы поравнялись с их домом, Элана сообщила, что сейчас в школе они проходят Достоевского и она с упоением читает его роман, послезавтра у них будет разбор произведения, а потому завтра увидеться со мной не сможет.

– Но если бы послезавтра вы смогли к нам зайти, папа будет дома, я вас познакомлю.

– Зайду обязательно, Элана. Я хотел бы взглянуть на картины твоего отца. И... давай уже перейдем на «ты».

– Ну, тогда до свидания, – сказала она, протягивая мне руку.

Как будто голубь вдруг сел на мое плечо, я, радостный, протянул свою руку в ответ. Мы замерли на несколько мгновений, глядя друг другу в глаза. Затем она лучисто улыбнулась, словно хранила этот приятный сюрприз до минуты прощания, высвободила руку и пошла. Звук ее шагов по тенистой кипарисовой аллее долго звучал у меня в ушах звоном жемчужных бус и после того, как милый образ растворился в ночи. Потом шаги прекратились, видно, она вошла в дом, ожерелье сомкнулось. Мне на ум пришли строки знаменитого поэта, и я прошептал их как будто по секрету этому великолепному вечеру:

Как была она легка!
Не иначе птицей порхала...

Вечером третьего дня в обговоренное время я пришел к ним домой. Позвонив в дверь, я услышал чьи-то быстрые шаги, приближавшиеся к входу, это непременно были босые ноги, упруго ступавшие по паркету, как накачанный мячик. Дверь открылась невесомо и беззвучно, как от сквозняка. Донеслась приятная музыка из проигрывателя, и в следующий миг я увидел в дверях ее.

– Ты пришел как раз вовремя! Добро пожаловать! – радостно встретила меня Элана.

– Добрый вечер! Боюсь, я все же немного задержался.

– Нет, нет, все в порядке, – заверила она и провела меня в зал, где познакомила с родителями.

– Папа, это Леон. Леон последний! – представила меня Элана, как будто показывала отцу давно утерянное и очень важное для него полотно.

– Я верил, что будет еще один Леон – после того, кто погиб в известной повести, – поддержал мужчину ее шутку, встал с дивана, где рассматривал репродукции, и протянул мне свою руку. Его борода уже кое-где подернулась сединой.

– А это моя мама, – указала Элана, обращая мое внимание к женщине, которая в этот момент вошла из другой комнаты.

– Будем знакомы, – сказал я, протянув ей руку.

Я слышал ее приятный голос в трубке и теперь убедился, что это и в жизни очень доброжелательная женщина. Я общался с родителями Эланы, и вскоре она позвала нас ужинать со словами:

«Идите, я накрыла на стол». В ее голосе чувствовался хозяйский тон, что делало его еще притягательнее. Когда я вошел в зал, мне показалось, что я очутился в галерее. На стенах висели репродукции Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело, Тициана и других итальянских мастеров эпохи Ренессанса: «Венера с зеркалом», «Флора», «Венера Урбинская», «Святая Анна». Заметил я и прекрасную репродукцию Александра Чачба «Портрет девушки».

– Я пришел, в первую очередь, чтобы увидеть ваши новые работы, – признался я, садясь за стол. Художник улыбнулся и взглянул на меня. Я подумал, что поседевшая борода нечасто открывала его улыбку миру, но, когда это случалось, он казался самым счастливым человеком на земле.

– Позже посмотрим и на них, – сказал он смеясь, как бы давая мне понять, что искусство не терпит суеты. Потом, когда он узнал, что я родом из села, долго рассказывал о деревенской жизни.

– Сегодня, как видишь, в наших селах происходит локальное махаджирство¹. Вместо процветания и роста обнищание и уход в города. До недавних пор даже в отдаленных деревнях можно было увидеть сплошь ухоженные дворы и уголья, а теперь молодежь покидает отчие дома. Урбанизацию ведь тоже нужно с умом организовать, раз пошло такое дело. К примеру, в семье, где двое-трое детей, одного можно отправить учиться в город, пусть обживется здесь, пустит корни, найдет себе дело. Но если мы начнем массово оставлять свои очаги, бросать земли, это рано или поздно аукнется. Это значит, что мы не привязаны к земле, не любим ее.

– Я как-то обучала ребят, они рассказывали, что видят свои села во сне. Это были деревенские дети, которых в школьном возрасте перевезли в город. Когда такие разговоры стали повторяться из раза в раз, я провела родительское собрание, потом обсудила проблему и с директором школы. В общем, окончив семь классов, ребята вернулись в свои сельские школы. Я узнавала позже об их судьбе, говорят, и учатся хорошо, и взрослеют в гармонии с собой и окружающим миром», – поделилась с нами мама Эланы. Было видно, что она гордится этим отдельно взятым вкладом в жизнь подрастающего поколения.

¹ Исторический термин, означающий процесс насильственного переселения горских народов Кавказа в Османскую империю в XIX веке.

– Есть и другие негативные явления в нашей действительности, – протянул многозначительно художник. – Сегодня за исключением каких-нибудь бедняков все стали строить каменные дома. Век дощатых домов проходит. Окинешь взглядом двор и по привычке ищешь старинный дом акуася, а новые каменные строения чаще всего смотрятся неуместно. С другой стороны, хорошо, что строят капитальные дома, пусть даже из желания быть не хуже соседа, ведь потом будет труднее бросить усадьбу и уехать в город. Одним словом, такие дома, как отчизну, нельзя будет предать.

– Папа, я тоже люблю деревню, этим летом снова планирую туда поехать, – вставила Элана, словно ребенок, которому очень захотелось поиграть с любимыми, но ненадолго забытыми игрушками.

– Обязательно тебя отправим. А сейчас сыграй-ка нам какую-нибудь абхазскую мелодию на фортепиано.

– Исполни нам мелодию слепого Аубла¹, Элана, освежим в памяти трагический исход убыхов... – попросила мама девушки, поставив передо мной рюмку водки.

– Мама, это сочинение больше подходит для апхярцы²...

– Ничего, послушаем и на фортепиано, – сказал глава семейства, он уже приготовился слушать.

Дойдя до высоких нот, Элана начала петь, и слова отчаяния и грусти наполнили комнату:

Уа-райда, не смолкай
Ты, моя апхиарца,
И надежду подавай,
Словно стремя ездоку.
Трону струны я, слепец,
– Свет забрезжит среди мглы.
И для тысячи сердец
Оживет надежда вновь.

Передо мной встали картины былой трагедии: мать, убаюкивающая своего умершего младенца; печальные лица убыхов;

¹ Аубла – абхазский княжеский род.

² Апхярца – абхазский струнный смычковый музыкальный инструмент наподобие скрипки.

последняя волна махаджирства, депортация... огни пожарищ, съедающие брошенные дома; султанские янычары, снующие у побережья; юноша, выстреливший в свою лошадь, чтобы она не страдала одна; девушка, бросившаяся в реку после потери жениха на войне. Все это и многое-многое другое было в песне, конечно, не вербально, не топорно, но так, чтобы каждый слушатель мог сам ощутить масштаб случившегося. Это была прекрасная песня, и она лилась как слеза. Но Элана не смогла доиграть, она встала, прикрыв глаза платком, и спешно прошла в другую комнату. Наверное, только слепой убух был тем единственным, кто допел эту песню до конца, а все остальные не могли справиться с болью и тяжестью этой печальной истории.

– Не плачь, Элана, твоё исполнение было искренним и трогательным. С такой ношей мало кто справится, видимо, и первый исполнитель ослеп, не в силах испытывать все это воочию, – сказал любящий отец, и голос его задрожал как листья на осеннем ветру.

– Этот слепец оставил нам песню, которая вмещает боль целого народа, – задумчиво отметила мама Эланы, и после этих слов ее взгляд как будто посветлел.

В этот вечер мы душевно проговорили допоздна. Художник рассказывал нам много интересного из истории и культуры разных народов. Тем не менее, когда я уже прощался, мне было жаль уходить, не увидев его новых картин.

Через пару дней мы вновь встретились с Эланой на набережной около их дома. Мы решили погулять на возвышенности над городом. Душными летними вечерами там можно было приятно охладиться, наслаждаясь пением лесных птиц. В этой местности была почти нетронутая природа, множество извилистых тропинок, которые вели на вершину. Оттуда открывался дивный вид на город, который по ночам мерцал огоньками. Поднявшись на гору, мы сели передохнуть неподалеку от пантеона видных общественных деятелей. Элана возложила цветы у могилы одного писателя. Таким образом она продолжила традицию своих родителей, которые не раз приходили с ней сюда.

– Я так скучаю по деревне, с тех пор как папа заговорил о ней

тем вечером, – сказала она, одновременно высвобождая свою руку из моей и делая шаг вперед.

– Мне кажется, что и родовые гнезда тоскуют по своим сыновьям, выпорхнувшим как только окрепли крылья, – заметил я, досадуя о том, что давно не ездил домой.

– Какое это счастье – купаться в тамошних горных речках! Или наблюдать за мирно пасущимися на поляне овцами. Как аккуратно и безмятежно они щиплют травку, а потом садятся и неторопливо жуют свою жвачку. А как они поют! Увидев однажды, никогда не забудешь, как ягненок засыпает на боку у мамы, нежась на теплом солнышке. Если сумеешь взглянуть в его маленькие глаза, найдешь в них бесконечную доброту, как у ангелочков из полотен Рафаэля. Я люблю подолгу смотреть на спящих ягнят, представлять, какие они видят сладкие сны. Такие милые, особенно когда приложат голову к мамке. Леон, ты обращал внимание, что, когда они пасутся на возвышенности, а ты смотришь на них откуда-нибудь снизу, кажется, будто мальчик-великан пьет парное молоко прямо из ведра? А если овец вдруг что-то напугает, они тянутся тонкими белыми струями по его подбородку. Они ведь такие боязливые, любой звук подобен грому среди ясного неба для них.

Вот так, предавшись ностальгии по сельской жизни, мы незаметно прошли довольно далеко. За это время небо заволокло тучами и пару раз даже сверкнула молния. Вскоре загрохотало, начался ливень. Я взял Элану за руку и побежал в сторону деревьев с густой кроной. Казалось, они крепче сплелись ветвями, услышав надвигающийся фронт. Это был бук, его листва довольно крупная и отчасти могла защитить от непогоды.

– Мы все равно промокли, – сказала Элана, прислонившись к соседнему тополю, ее промокшие непослушные волосы то и дело лезли на лицо, а оно проглядывало спелым бархатистым персиком. Действительно, первые тяжелые капли дождя успели насквозь промочить ее белую блузу, пока мы добежали до укрытия. Небо не скупило осадки в тот день.

– Тебе не забко? – спросил я, сжимая ее мягкие руки. Нежные девичьи пальцы были влажными, но теплыми.

– Нет, Леон, я люблю дождь и даже часто гуляю в такую погоду, – поведала она, смахнув косы назад. Сквозь мокрую ткань ее блузы просвечивала розовая кожа, как весеннее солнце проглядывает сквозь тучи.

– Элана, промокнув под дождем, ты еще больше сияешь, – сказал я, приобняв ее за талию. Мы стояли совсем близко друг к другу. Ее волосы источали головокружительный, усилившийся от влаги, аромат, вдыхая который, я едва мог сдерживаться. Я коснулся ее нежной кожи, трепещущей груди, расцветших бутонов на ней и почувствовал, как меня обдало мощной теплой волной с ног до головы. И, будто пробудившись от сказочного сна, начал в экстазе целовать ее белую шею.

– Леон, договоримся, что сегодняшний поход не включает в себя незнакомых мне игр!

– Элана, это не игра, это любовь, – сказал я, прервав поцелуй, и кинув быстрый взгляд на нее: вдруг чем-то обидел?

– Когда пчелы садятся на цветок, это тоже любовь?!

– Да, Элана, и они оставляют после себя сладкий нектар...

– А светлячки в ночи?

– И светлячки любят ночь. Их огоньки согревают сердце земли, напоминая ей, что завтра будет новый день. Ведь иначе наша земля бы замерзла от безысходности.

– Я думала, они просто играют...

– Нет, Элана, все эти игры называются «любовь»!

– А-а, – сказала она протяжно и спокойно, будто во сне. С минуту стояла не двигаясь, а потом вымолвила – и это называется любовью? – и, одарив меня коротким поцелуем в щеку, отпрянула и пустилась наутек вниз по склону.

Я побежал вдогонку. Почва на этой горе глинистая, и размягченные тропинки стали скользкими, как ствол ольхи, с которой содрали кору. Не так поставишь ногу – подвернешь.

Она бежала без оглядки. Наверное, здешние тропы были нипочем ее стройным ножкам. Опасный спуск и все извилины она преодолевала на бегу, едва касаясь земли. Вдруг она осалила какое-то дерево, как будто играла с ним в пятнашки, и побежала дальше. Через несколько метров она обернулась и сочувственно посмотрела

на дерево за то, что оно не могло ее догнать. «Я тебя запятнала, запятнала!» – весело вскрикнула она, как будто хотела предупредить все остальные деревья. Потом снова продолжила свой бег.

По пути подол ее платья зацепился за веточку и приподнялся, оголив белоснежные бедра, они сверкнули в зеленом пространстве, словно молния. «Запятнала, запятнала!» – повторила она, не придавая никакого значения случайной хворостинке. Я сошел с тропинки и, срезав, встал прямо на пути Эланы. Она заметила меня и на бегу сказала: «Леон, Леон последний, тебя я уже тронула!» Я стал ее ловить, она кружила вокруг деревьев. Но потом все же упала в мои объятия, растратив все свои силы, так дымка на рассвете тает в деревьях.

– Элана, моя милая, успокойся, – я обвил ее руками, потому что больше не мог упустить, казалось, что она исчезнет тотчас.

Я крепче прижал ее к себе и ощутил, что в моих руках вся прелесть этого мира, вся его красота. Мое сердце наполнилось счастьем, я буквально парил над землей. Оглядывал ее с ног до головы и сходил с ума, хотел навсегда запечатлеть в голове любимейший образ, как в детстве мечтаешь запомнить все многоцветье впервые увиденной радуги. И она прильнула ко мне, доверив свою бесконечную нежность и хрупкость.

– И пчелы, садясь на цветок, говорят так же?! – спросила она, переведа дыхание. Она сладко сопела своим носиком прямо мне в грудь, словно хотела согреть и защитить от назойливого дождя.

– Да, Элана, и, ты знаешь, речи их слаще меда, – ответил я, гладя ее спину. Мои руки нырнули под блузу, но нащупав застежку лифа, я замер, как будто боясь спугнуть пчелу, собиравшую нектар. Она посмотрела на меня ясным вопрошающим взглядом.

– И я тебя тронул! – вскрикнул я, не найдя, что еще ответить и краснея. А потом обнял ее и, несмотря на непрекращающийся летний дождь, допоздна шептал ей на ухо не придуманные до той ночи сказки. И она внимала всему, что я говорил, ведь эти сказки ей не осмеливались поведать ни синие морские волны, ни эта гора, которую она любила, их было не прочитать и во взгляде ягнят. Ей как будто бы стало даже неловко от того, что она слушает живые сказки втайне. Но теперь и она сама была их частью, хотя

это осознание было еще непривычным и изумительным, как бабочки зимой.

Когда мы спустились с горы, город уже погрузился в сон, и нависшая над ним тишина подсказывала нам – двум потерявшим счет времени молодым людям, что уже довольно поздно. На улицах встречались редкие прохожие, спешившие по домам. Город основательно умылся, утром он встретит своих жителей во всей красе и чистоте. Свет в домах был давно погашен, и только одно окно горело – на пятом этаже у Эланы. Яркая занавеска заливалась алым светом изнутри, как проступает краска на лице отца, которому полушутливо, но не без укоризны сказали: «А твоя дочь сегодня задержалась!»

*Перевела с абхазского
А. Жибя*

Раньше всех деревьев в саду расцветает по весне алыча. Так и она расцвела – раньше своих подруг. Потом... потом – вот она, судьба алычи – быстро прошло ее счастье. И все же она первой заметила и возвестила приход весны – словно навстречу солнечному свету доверчиво раскрылись лепестки белых цветов...

Когда ей минуло шестнадцать, она уже стала стыдливо ощущать на себе пристальные взгляды парней. Сама же она еще ни на ком из них не задержала взгляда дольше мгновения. Порой, когда она считала кого-то из них умным и честным, сердце подсказывало ей: посмотри на него чуть подольше, полюбуйся им! Но опасаясь, что кто-то догадается о ее мыслях, она поспешно отводила глаза в сторону.

В тот год, закончив девять классов в Гудауте, она перешла учиться в нашу сельскую школу. Поселилась у своей овдовевшей тети, которая жила со школой совсем рядом. И – вот девчонка! – не то чтобы забыть городские привычки, а наоборот, она будто выставляла их напоказ. Смеялась так заразительно, что какой бы равнодушный парень ни проходил мимо, в сердце его не мог не затеплиться огонек. Ее черные, красиво подстриженные волосы ложились на плечи, будто оберегая от солнца белую шею. Глаза – добрые глаза теленка – всегда смотрели ласково и кротко, а щеки горели румянцем, будто мальчишки в отместку за ее красоту исподтишка мазнули их красной краской. Грудь ее уже теснила школьную форму, и форма словно сама говорила, что она стала мала, что ее хозяйка – уже девушка. Мальчишкам бывало особенно нелегко отвести глаза от ее стройных ног, и потому, быть может, она почти никогда не носила чулки – будто боялась скрыть ими их красоту. Из-за этого она так закалила ноги, что с легкостью могла переносить даже самые холодные дни. Почти всегда – кроме как на праздники, на вечерние киносеансы в клубе или на танцы – она

надевала свое коротенькое школьное платье. Оно полюбилось ей самой, но еще больше – мальчишкам: ведь оно было такое доброе, это платье, что, стоило налететь шаловливому, оно поднималось, открывая ее ноги, и взгляды всех мгновенно устремлялись к ней.

А она из всех полюбила только одного. Как узнали об этом? Просто когда его не бывало в школе, она становилась задумчивой и взгляд ее то и дело беспокойно устремлялся в сторону ворот.

И этот мальчик, и все остальные больше всего на свете боялись ее тети – ох, и сурова была, никого не щадила, кто осмелился бы ее разозлить! «И как у такой злойки жила эта ласковая и добрая девушка?» – гадали люди. А так и жила – как цветок, выросший на камне, – ни в чем ей не прекословя, во всем соглашаясь. А потом... Но пусть она сама расскажет обо всем.

– Батал! Батал! И сегодня без тебя я смотрю на солнце, и сегодня до самого вечера все старались обогреть меня его ласковые лучи, которые не касаются уже твоего лица. Эти солнечные лучи ты защищал, Батал, чтобы они, добрые, теплые, пробившись сквозь холодные облака, согревали нас здесь, на земле. Не заметили они, Батал, летевшую к тебе пулю. Ну а если, скажем, они заметили и крикнули, почему не долетел до тебя их крик?..

В то время ты ничего не слышал, говорил с самим собой и слышал только биение своего сердца. Хоть на мгновение прислушался бы к голосам этих лучей, поверил бы им! Кто знает, может, они сожгли бы, бесследно растворили в воздухе пулю, что искала тебя в тот день, или смогли бы как-то разжалобить того, кто зарядил пистолет, прицелился, спустил курок. Сказали бы ему: ведь у человека одна-единственная жизнь, одно сердце. В этом сердце – любовь, и, если убить человека, любовь тоже погибнет. Слеп ветер, который ломает деревья, разрушает птичьи гнезда, столкнует и разбив, подобно тонким стеклянным сосудам с водой, облака, льет на землю дождь, обрывает лепестки самых красивых цветов в саду. Но человек?! Тот, которого питала материнская грудь и убаюкивала колыбельная – зачем, заглядывая в добрые глаза своей матери, он вбирал в себя их нежность? Неужели для того, чтобы, став взрослым, убить другого человека? Может, и не человек это был вовсе, а некто, случайно обретший человеческий облик? Руки, ноги – все на месте, только сердца нет. Похожий на

тень, повторяющий вслед за человеком каждое его движение, но так и не способный никогда стать человеком, заговорить. Может быть, это и есть тень – бесконечно следует она за человеком, но, не сумев им стать завидует ему и убивает выстрелом в спину. Да, Батал, наверняка это тени, обидевшиеся на людей. Они движутся за каждым из нас, и до тех пор, пока не слишком завидуют нам и терпят наше над ними превосходство, мы живем. Моя, например, тень держится только до захода солнца, потом сама начинаю ее злить и смеюсь над ней: что она, сопровождающая меня с самого моего рождения, так и не сумела стать человеком, боится темных мест и сразу же исчезает во тьме...

...А как тебе, Батал, шла форма пограничника! В день не меньше раз пяти смотрю на присланную тобой фотографию. Насмотрюсь, спрячу – а ты так и стоишь перед глазами. Но вскоре будто забывать начинаю – а какой же ты на ней? – и, «проголодавшись», снова смотрю. Поначалу мой взгляд долго не мог привыкнуть – твоя новая одежда пыталась преобразить тебя, сделать незнакомым мне. И стоял ты как-то непривычно: выпрямившись, вытянув руки по швам – таким тебя я не помнила. Я стала искать фотографии, на которых ты стоял бы в более знакомой позе – но не смогла найти.

Но потом я заметила твою улыбку – ее я не спутала бы ни с чьей другой. Узнав ее, я обрадовалась – я-то боялась, что, став солдатом, ты растерял все те черты, которые выделяли тебя среди других. Как потерял, например, после армейской стрижки «под нулевку» ту смешную прядь волос, которая раньше закрывала, косо спадая, твой правый глаз и почему-то напоминала мне руку мальчишки, который, перекинувшись через забор, рвет в чужом саду яблоки. Как я любила эту прядку и как часто, желая разбудить в своем сердце радость, думала о ней!

А сейчас, Батал, я хочу признаться тебе в том, что раньше – это было до твоего ухода в армию – скрывала: почему приходил тот мальчик, следы которого мы видели на песке повыше мельницы, в самшитовой роще, там, где мы встречались с тобой. Ты только не обижайся на меня за эту маленькую тайну: она была единственной, во всем остальном я давно впустила тебя в свое сердце. Дело в том, что, когда я узнала про все, тот мальчик очень просил не рассказывать об этом тебе, иначе от стыда он не смог бы показаться

тебе на глаза. Я быстро ушла, потому что, говоря это, он уже начинал краснеть, и, если бы понял, что я вижу краску на его лице, стал бы потом и меня стыдиться... В самшитовой роще, где мы с тобой встречались, водились, оказывается, змеи; мальчик говорил, как они называются. Он видел их, когда пас там телят, а мы так ни одной и не заметили. Сказать нам о них он не мог: тогда мы поняли бы, что он знает о наших тайных встречах, – и поэтому, скрывая от родных, носил на это место старые калоши, резиновые сапоги и сжигал. Змеи не переносят запаха гари, и после этого они долгое время не появлялись в тех местах. Так маленький мальчик оберегал нашу любовь, хотя сам ничего еще о любви не ведал, – подобно тому, как человек, который не умеет читать, но догадывается, что такое книга, вырывает ее из рук пытающихся ее сжечь, приносит домой и прячет. Об этом мальчике я потом еще расскажу тебе, Батал, а сейчас мне вспомнилось, как вечером, накануне ухода в армию, ты шел в наш дом... Все равно ведь я живу одними лишь воспоминаниями, дальше – пропасть, – и боясь, что когда-нибудь я перешагну эту черту, я все пересказываю и пересказываю их себе...

Когда ты зашел к нам, я была на кухне и первой тебя заметила моя тетя. По-моему, ты до этого немножко подвыпил, потому что я услышала совсем не тот знакомый, тихий, как речная заводь, голос... Из-за того, что особенно громко ты произносил мое имя, оно, как выпрыгивающая из воды рыба, то и дело вылетало из разговора. Тетя моя, всегда суровая, на этот раз была приветливей и мягче, чем обычно, пригласила тебя подняться в дом. А когда ты отказался, я, не чувствуя под собой ног, взлетела туда сама и спустилась, неся водку, чурчелу и орехи. Как настоящий мужчина, ты произнес тост в нашу честь и, подмигнув мне, под смех тети пожелал мне счастья. В тот день, Батал, счастье уже вошло в мой двор, и, если б знала я, что может с тобой случиться, спрятала бы тебя, как чурчелу, как орехи, в серванте – и чтоб никто-никто, кроме меня, не мог его отпереть. Я боялась, как бы тетя не догадалась о наших отношениях, просто дрожала от страха, а ты как ни в чем не бывало продолжал разговор. Но она, слава богу, так ничего и не почувствовала... Только с каждым твоим шагом с нашего двора ты, как нитка, раскручивающаяся с мотка, уходил из моей жизни. «Благослови тебя Бог, хорошее дитя выросло!» – сказала тетя. А я мысленно добавила: «Да будет так!»

Она обычно не хвалила людей, и я подумала, что благословение обязательно поможет. В этот момент засигналила ожидавшая тебя машина и ты остановился на полуслове: видно было, очень важное что-то хотел сказать, словно предчувствовал, что так и не успеешь потом договорить. Но рядом была тетя, и мое сердце забилось от страха, как бы ты не проговорился. Потом опять просигналили, и это все решило: ты взглянул на нас и засмеялся тем своим необыкновенным смехом, который я не спутаю ни с чьим другим. После твоего ухода он еще долго стоял в моих ушах, я словно боялась его забыть, со страхом этим и заснула.

...Снилось мне, будто падает снег, и ты меня, взяв за руку, ведешь по какому-то полю. «Идти еще долго, – говоришь ты, – а нам надо успеть вернуться назад, пока не замело наши следы: ведь вьюга будет сильной». Мы видим оба, как идет снег, но будто я удивилась: «Откуда он знает о вьюге?» Вскоре снег почти перестал, и теплее вроде бы стало: словно солнце спустилось поближе к земле. Но потом вдруг налетел пронизывающий ветер, закрутил столбом снежную пыль. Я посмотрела на небо, и солнце показалось мне цветком, с которого ветер срывает лепестки лучей. Цветок пробовал защищаться колючками своих веток, но если те и вонзались в ветер, то ветер, наверное, терпел. «Батал, – взмолилась я, – не видишь, что делается с цветком на небе? Помогите, спасите его!» Но ты только смеялся, а потом сказал, что не столько цветок тебе жалко, сколько ветер, который и любит его, и все равно должен губить. Ты шел, крепко сжимая мою руку в своей, и я радовалась твоей силе, твоему уму и тому, что ты так близко, рядом... Вдруг мы услышали плач ветра: видно, он расправился с цветком и теперь убивался, глядя на содеянное. Я чувствовала, что ветер позади нас, что он совсем рядом, но ты запретил мне оборачиваться: когда он обгонит нас, мы, мол, и так его увидим. Скоро он в самом деле промчался мимо нас, но тут же вернулся обратно, потом вновь рванулся вперед – будто убийца, которого неведомая сила тянет на место преступления. Какой-то страх овладел тогда моим сердцем, и, прижавшись к тебе, я начала говорить, что снег – это сказка, которую рассказывает небо, а слушает земля, но, если он идет слишком долго, появляется солнце и растапливает его, будто обрывает надоевшую сказку. И тогда герои сказки – снежинки – умирают. Но мы, случайные слушатели этой сказки,

останемся жить и поэтому должны пересказать ее светлячкам и бабочкам, пребывающим до лета в забвении... Потом я проснулась, измученная жаждой.

О чем говорят с крышами домов капли дождя? О том, какой длинный путь они совершили, как холодно было им в пути, или о том, что они помнят и любят землю, на которую возвращаются?

Ну а теперь, Батал, я продолжу рассказ о нашем маленьком защитнике. Вскоре он сжег все старые резиновые вещи – галоши и сапоги, что были в доме. Остались только сапоги его покойного отца. В семье продолжали хранить его вещи, и мальчик почти каждый день заходил в комнату, где стояли эти сапоги, и мысленно разговаривал с ними, считая их ближайшими друзьями своего отца. Но настал, наконец, день, когда он с болью в душе отрезал их голенища. А когда сжег их, то, вернувшись, начал успокаивать оставшиеся остовы: вам, мол, так больше подходит, к тому же нынче выпадет немного снега, когда мои ноги станут большими, как у отца, я буду надевать, вот увидите.

Но когда ветер разогнал на пепелище запах гари, и змеи вновь стали появляться, он пришел в ту комнату, обул их и начал в них расхаживать. Они были ему великоваты, и ему приходилось приподнимать ноги, словно он застрял в грязи – но он вовсе не брезговал ими! Он испытывал какое-то непонятное печально-радостное состояние. Сердце подсказывало ему, что пора их нести жесть. И пусть «друзья» отца будут считать его лгуном, предателем – все равно надо было пойти в них, дойти до нужного места и потом, закрыв глаза, поджечь. Когда змеи чувствуют запах резиновой гари, они, оставив от злости свой яд на камнях, расползаются в разные стороны... Он и после этого, оказывается, часто приходил на то место, но уже не говорил с ними, да и не с кем было: от сапог осталась лишь кучка пепла.

Ах, Батал, ты все ближе и ближе, что же полностью не отпускает тебя? Иногда я так ясно тебя вижу, что кажется: вот-вот ты разобьешь стеклянную оболочку сна, в котором пребываешь, и живой, невредимый, улыбающийся, явишься передо мной – как когда-то появился из-за стога...

Я никогда не забуду тот осенний день, в котором смешались мои слезы и радость. Это было в воскресенье, тетя поехала в го-

род. Я кормила кур и вдруг увидела, что сзади к дому поднимаешься ты. Помнится, тебе была нужна какая-то книга, но у меня ее не оказалось. Мне надо было идти собирать орехи, и мы пошли вместе. Помню, ты быстро, как белка, взобрался на дерево и так растряс его, что на нем, наверное, не осталось ничего, кроме листьев. Потом, зажав в зубах четыре иссиня-черных грозди винограда, ты спустился вниз и все четыре хотел отдать мне – сам, мол, наверху наелся. Только я знала: раньше меня ты к винограду бы и не притронулся. Ты раскалывал на камне орехи, и после винограда они казались особенно вкусными.

Ты говорил, что, как вернешься из армии, поступишь учиться в Сухуми и чтобы я во время твоего отсутствия ни на кого не смотрела. А я пошутила: «Вот уйдешь в армию, и я забуду тебя, как книги, которые читала когда-то в детстве, так что лучше оставайся». А ты рассмеялся: знал, что не забуду. А когда я начала собирать орехи в мешочек, ты незаметно спрятался за соседний стол. Я догадывалась, что это розыгрыш, но ты так долго не появлялся, что я начала тревожиться: а вдруг тебя обидели мои слова? Оставив свой мешочек, я пошла тебя искать, и тогда ты, незаметно подкравшись сзади, закрыл ладонями мои глаза.

«Чур, я первый, первый», – шепнул потом ты мне на ухо и, смеясь, побежал к ореховому дереву. Меня вдруг подняла волна какой-то сумасшедшей радости, и я бросилась вдогонку, решив во что бы то ни стало первой дотронуться до ствола. Ты хорошо бежал, но, словно пловцу сильное встречное течение, тебе стало мешать покрывавшее луг свежескошенное сено. Заметив это, я рванулась в обход, по тропинке, и первой коснулась орехового дерева. И тогда, приблизив ко мне свое лицо, ты задал вопрос, ответить на который я так боялась: «Что говорят тебе мои глаза?» Я сказала, – просто ничего другого не смогла придумать, – что вижу в них обиду за поражение. «Нет, Шазина, мои глаза говорят совсем другое!» – произнес ты и привлек меня к себе. Я никогда еще не стояла к тебе так близко, и твое теплое дыхание стало незаметно кружить мне голову. В тот момент я уже чувствовала, что когда тебе трудно переносить дыхание юноши, когда оно обессиливает тебя, это может заставить забыть. И что все, чего обычно боишься, стыдишься, переходит в сладкий сон. А все, что связано с девичеством, оказывается тобой недостаточно пережитым и перечувствованным.

...Когда ветер, игравший с ветками орехового дерева, сталкивал их, сверху на нас с тихим шуршаньем падали сухие листья, и мне казалось, что я до бесконечности готова слушать эти звуки... Все это время на доньшке моего сознания жила память о домашних делах: надо было помешать виноградный сок в давилъне, принести воду, помыть банки для акалмыш¹, собрать лавровишню, сварить мамалыгу. Потом из города вернется тетя – надо встретить ее, помочь тащить сумки. Но все эти заботы я отодвинула прочь, подальше, чтобы ничто не отвлекало меня от моего счастья. Может быть, и они, эти хлопоты, тоже были неосознанным счастьем, но по сравнению с теперешним счастьем они были так мелки и незначительны – как икринки, про которые тут же забывают выросшие из них рыбы. Это ради тебя, Батал, ради нашего с тобой счастья я старалась забыть все домашние заботы, так душившие меня в отсутствие тети. Я всегда так боялась расстроить тебя, что порой перешагивала ради этого через невозможное. И еще не очень хотелось, чтобы кто-то был посвящен в наши отношения, судачил о них. Знаю, ты тоже хотел. Умеющий терпеть боль не захромает на больную ногу, не выдаст себя. Так и умеющий хранить тайну не допустит, чтобы она отразилась на его лице. Эту тайну мы хранили только для нас одних. Я гордилась за это тобой и радовалась, думая о нашем будущем счастье. Я знала, что это счастье обязательно придет, но сердце замирало от страха: смогу ли встретить его достойно, как следует? И я готовилась к этой встрече, Батал, мой глупышка, а ты думал, что только ты горишь в этом пламени. И я в нем горела, и мне тоже хотелось счастья, я только не подавала вида, скрывала это во время наших встреч. Ведь после того, как ты завоевал мое сердце, оно само стало незаметно говорить мне твои слова. Ты все мог, Батал: мог заставить меня и радоваться, и плакать, и грустить, и смеяться. Радуюсь, я возносила тебя до небес и умоляла тебя в душе, чтобы ты не отнял у меня счастья, не отвернулся от меня. И когда плакала – ты снова был для меня богом, и снова в твоих руках была моя судьба, мое счастье, и мне казалось, что ты не хочешь давать мне его просто так, без моего страдания. Но потом ты начинал веселить меня, и я умирала со смеху... Чего только

¹ Акалмыш – кушанье из загустевшего виноградного сока.

ты ни придумывал: что облака – это девушки, которые стыдятся выйти на танец и только толкают друг друга, а когда гром ударит в барабан, будто ловкие парни вылетают в круг – начинается свой танец ливень. Будто горы – это застенчивые парни, влюбленные в красивые поляны, которые тоже любят их, но оттого, что горы не решаются подойти, и поляны молчат, ждут их слова... В эти маленькие сказки ты вкладывал столько души, что я даже начинала в них верить, и чем больше верила, тем быстрее ты придумывал новые. Их становилось так много, что я переживала: как бы ты не отдал любви меньшую часть своей души, а большую – сказкам. Но потом я устыдилась своих мыслей. Ты ведь простишь их мне, Батал? Мой ясный день, ты ведь никогда не был обидчивым... Ты многое умел прощать людям.

Знаю: тетю Тату ты считал грубоватой. В этом я согласна с тобой: женской мягкости ей не хватало – словно когда Бог раздавал характеры и ему не хватило женских, он дал ей характер вспыльчивого мужчины. Но я ее не виню... После смерти родителей она заменила своим трем братьям и четырем сестрам и мать, и отца. Пока не устроила судьбу каждого, о себе не думала. И только женив братьев и выдав замуж сестер, вспомнила и о своей доле женского счастья. Только слишком коротким оно было: муж умер, не оставив ей даже ребенка. Сам пойми – все это не могло не повлиять на ее характер! И когда я закончила школу и не смогла поступить в институт, мне захотелось остаться рядом с ней хотя бы до будущего года, помочь ей, дать передышку. Батал, умница мой, прости ей, если когда она сказала тебе что-то обидное. Ты ведь был молод, мог все забыть, перетерпеть, а она... Даже если не права бывала, не нужно было ей отвечать, спорить с ней: ведь потом она сама чувствовала свою вину и мучилась. Да ведь ты, Батал, и сам все прекрасно понимал, хотя и не говорил об этом. Суть в том, что ты всегда оставался самим собой. Твой характер родился с тобой и был твоим всегда. Только не думай, что я не ревновала тебя. Но и ревности тоже было немного, да и запрятана была в глубине моего сердца, куда не проникал твой взгляд. А как же иначе?.. Ты был парнем и, оказавшись среди девушек, даже любя другую, не мог не слышать сердцем их смеха. Не думай, что я лишний раз проходила перед тобой или заглядывала, найдя повод, в ваш класс для того, чтобы напомнить о себе. Нет, я знала, что ни с

одной у тебя ничего не было, что ты не гонялся за двумя зайцами. Только, не скрою, когда ты стоял среди них, то нравился мне еще больше; мне хотелось, чтобы все видели, какой ты добрый, умный, веселый. «Он мой, мой, ваши глаза не могут соблазнить его, и не пытайтесь, не пытайтесь напрасно!» Но ты долго около них не задерживался. Я видела их радость, видела, как светлели их лица, когда ты подходил к ним. Я то гордилась тобой, то ревновала, то начинала уверять себя, что тебе не хочется стоять среди них, что ты словно задыхаешься в их кругу. В чем моя вина, Батал? Я привыкла к тебе, мое сердце скучало по тебе, и, когда мне хотелось как-то успокоить себя, твои слова касались его: «Моя душа с тобой!», «Тоскую без тебя!», «Без тебя с ума сойду!» Знаю, таких слов ты никому, кроме меня, не говорил – так много было в них горячности и нежности, которые не сохраняются, не могут сохраниться, если произносить их не в первый раз. Ты покраснел тогда, словно стоял над огнем, и не смог договорить всего. Но мне хватило и этих слов, чтобы понять все, и я спрятала в душе радость, которую они дарили. Вернувшись домой, я надолго запиралась в своей комнате и думала, думала о них... Мысленно я отвечала на них вслух – чего, может, ты с замиранием сердца ждал, – произнести же это было трудно. Не думай, что я заставляла ждать, чтобы причинить тебе боль. Просто я не росла рядом с тобой, не знала еще тебя, твоего характера, твоей души. Понимала одно: бессовестный таким и останется, ведь совесть не вернешь, как оброненный платок. Потому-то, Батал, ты и не слышал так долго моего ответа: я должна была пройти к твоему сердцу тем же путем, которым ты шел к моему. И счастье, что ни ты, ни я не ступали раньше на эту дорогу и, не зная ее ответвлений, не могли обманывать друг друга. То, что мы читали о любви в книгах, не могло ни объяснить нам полностью этого чувства, ни предсказать его приход: ведь и река не может сказать рыбам о начале разлива. Да, она захватила нас врасплох. Неожиданно для себя полюбила я тебя, Батал! И еще удивлялась потом: неужели до этого тебя не было рядом? Разве не росли мы вместе и когда я, маленькая, училась на море плавать, ты не учился вместе со мной? Разве не шагал ты со своим портфелем рядом, когда, завязав на косичке красный бант, я пошла в первый класс? Разве не видел, как я написала мелом на доске первые буквы? Нет,

просто все эти годы мы шли навстречу друг другу. Сколько раз за это время расцветали цветы и устремлялись вдогонку друг за другом солнце и луна!

Тогда время остановилось. Ведь оно, как и поезда, имеет свои остановки, на которых входят и выходят, находят друг друга и навечно расстаются люди.

Иногда, Батал, я уверяю себя в том, что ты сидишь здесь и ждешь меня. Даже начинаю обижаться, что ты выбрал именно такое, открытое со всех сторон место. Но ты молчишь, словно своим молчанием хочешь сказать: «До каких пор мы будем прятаться? Пусть все видят – кто посмеет нам помешать!» Никто и не мешал нам, Батал, а о тех, кто никогда не любил, ты не думай, может, и их когда-нибудь посетит любовь и тогда они сами все поймут. Но оставим это, давай я тебе лучше расскажу о том, как в наши края идет весна, как расцветают деревья, которых она касается. Горы, словно боясь, что речки высохнут, посылают им растаявший снег – помнишь, как я, чтобы ты ни на минуту не забывал обо мне, посылала тебе в армию письма? Небо чисто вымытое, голубое, и облака у его края висят как белоснежные полотенца.

Вчера я видела твоего брата. Он пахал и сказал мне: «Земля вдоволь напилась воды, и волы берут ее легко. Только вот надо этому участку дать передохнуть, устал!» И земля, оказывается, устает, а не только волы и люди. И земле год-два нужна передышка... Твой брат хорошо знает об этом, хотя он моложе тебя... Сегодня, Батал, на всем для меня лежит отсвет радости. Порадуйся и ты. Утром, когда я носила воду и перед тем, как открыть калитку, поставила ведро на землю, – я почувствовала! Я услышала, будто он сделал маленький шагок.

«Шазина, в небо я взлетаю, Шазина!»

Подожди, Батал, дай сказать. Это было как-то необыкновенно – и запомнить трудно и передать невозможно. Но я поняла, что это был он, тот, о ком после твоего ухода я каждый день втайне думала, мечтала – твой, твой сын! Он дал знать о себе, о том, что стоит где-то там, у истока жизни. Я прислушалась еще и еще, но он только один раз дал знак, а потом звук его шагов исчез. Я все останавливалась, чтобы лучше слышать свою плоть, но на-

прасно. Только не подумай, что я ошиблась. Это был он, клянусь тобой! Ребенок, твой ребенок, Батал!

«Шазина, ребенок будет, ребенок, радуйся!»

Как не радоваться, Батал, ведь ты тоже хотел этого. А разве я говорила когда-нибудь «нет» тому, что радовало тебя? Только о том и думала, что занимало твои мысли, что ты говорил. И еще: он насколько мой, настолько и твой. Скажут когда-нибудь о том, как станцевал сын Батала, как спел, как оседлал коня сын Батала. Может, когда-нибудь меня совсем забудут, а твое имя еще будет звучать на устах у людей. Тогда я этому еще больше порадуюсь. Спросит кто, скажу: «Что ж, и отец был такой, почему же в нем должно теряться отцовское?» Да ведь это и в самом деле так. Сколько знаю тебя, ты всегда был ловок и быстр («Огонь», – говорила Тата), остроумен и сообразителен. И спеть мог, и станцевать. Никогда, правда, не видела тебя на скакуне, но и тут, думаю, ты не ударил бы лицом в грязь. Вот и сына твоего я хочу видеть по-хожим на тебя!

Высоким, но не долговязым, плотно сбитым, но не толстым, темноволосым, но не чернявым, белокожим, но не рыжим.

Да, да, не смейся! И знай: он ни в чем не будет чувствовать недостатка. Главное же: хочу, чтобы он был человеком, всегда стремился только к хорошему, был рядом с другом и в радости, и в горе, ну а остальное само собой придет, и, что положено ему, он сделает. Ведь и ты, пока жил, сделал все, что было тебе предназначено, никому не оставил! Ты защищал нашу землю. Она ведь подобна счастью: есть люди, которые, имея ее, не могут ее защитить, значит, они ее недостойны. И земля никогда не забывает человеческую верность и нежность – поэтому люди защищают ее, трудятся на ней, а когда она устает, дают ей передышку. Когда-нибудь это будет понимать и наш мальчик. И ты не думай даже, что я не смогу справиться со своими материнскими обязанностями. Послушай, мой глупышка, не то что я – и медведица может воспитать своих детенышей, научить их всяким медвежьим хитростям. Вот и я научу его всему необходимому, да что, впрочем, ему мое ученье – сам увидит, что говорят, делают хорошие люди.

«Шазина, какая ты, оказывается, умная стала».

Нет, Батал, я просто говорю, что думаю. Я ведь так радуюсь (а слез моих ты все равно не увидишь)... Скоро, очень скоро, наверное, раздадутся выстрелы и пронесется по селу весть, что у тебя родился сын. («У Батала сын родился, собирайтесь на пир!»)

...Да, но ребенок может и девочкой оказаться! А что, разве плохо – если девушка, подобно красивому цветку, украсит твой двор? Шелковые банты, будто большие бабочки, усядутся на голову, как буду отправлять ее в школу. А хорошая дочь стоит трех плохих сыновей. Вы, мужчины, считаете, правда, себя основой всего сущего, будто мир покоится на ваших плечах. Может, оно и так – я ведь, например, жила и живу только тобой, только благодаря тебе. Иногда задумываюсь: а что было бы, если бы ты не учился в нашей школе? Что ж, у каждого из нас была бы своя дорога. Одно знаю: я бы все равно искала тебя, только тебя... Может, теперь ты думаешь, что ушел слишком далеко от меня, так нет, дойти до тебя стало еще легче. И если раньше я всегда первой приходила на наши встречи, а ты опаздывал, – слишком большую волю я тебе давала, вот что, – то теперь могу и позлить тебя, ждать заставить (ах, мое сердце, что ты позволяешь мне говорить и как выносишь такие слова?). И не думай, Батал, что невоенным нечего защищать. А совесть, честь, человеческое достоинство? При тебе, мой ненаглядный, мне не приходилось столько думать – ты находился в моем сердце и словно знал о всех моих помыслах и желаниях. А как же – ведь, если хочешь знать, ты был моим мужем. Слышишь, мужем! Я это слово любила, как и тебя, и, как и твое имя, любила повторять его про себя. А как мне мечталось о наших будущих встречах с моими подругами! «Познакомьтесь, это мой муж!» А вот в автобусе ты уступаешь место старику, и я мысленно говорю ему: «Это ведь мой муж». Или пришли мы ко мне домой, и навстречу – отец. «Ну, видишь, ты всегда упрекал меня, что мы не приезжаем, вот мы и приехали. Чем будешь нас угощать?» А потом вечером, лежа на постели рядом с матерью и обнимая ее, я бы рассказывала ей все-все: какой ты совестливый, ни разу мне обидного слова не сказал, и как хорошо относится ко мне свекровь, твоя мать, как заботится о наших детях, и какой хороший человек свекор, и как мы все радуемся, когда по субботам приезжают оба моих деверя, которые учатся в городе... И мать, не смыкая глаз, до самой полуночи слушала бы меня. Подумай, Батал, как бы радовались мои родные! Но я ни в чем не хочу тебя

упрекать, пойми. Просто, когда мечтаю о счастье, то всегда представляю нашу совместную жизнь. Я так к этому привыкла, что даже чувствую усталость, когда представляю, например, что мы с тобой долго шли по дороге или танцевали на чьей-то свадьбе.

«Шазина, ты не думай больше обо мне, кто не возьмет тебя?»

Ах, Батал, глупышка мой маленький, как я могу думать о другом, когда ты, мой муж, рядом? Если еще раз скажешь так, я обижусь и долго не буду к тебе приходить. Подумай хоть о своем будущем сыне: как можно, чтобы он, твоя кровь, продолжатель твоего имени, рос в чужом доме? Ты ведь не будешь больше говорить на эту тему, правда? Лучше послушай, я расскажу тебе, что недавно представила.

Будто мы с тобой наливаем вино в кувшин – и вдруг во двор входит тетя Тата. Она была обижена на меня за то, что я без ее ведома вышла за тебя, чуть ли не прокляла меня, а тут мы видим, как она входит к нам, а дома, кроме нас, – никого. Выйдя на середину двора и увидев меня, она улыбнулась – и у нас будто камень с сердца упал.

– Чтoб мне умереть, как я сразу не заметила тебя, Шазина!

– Тата, я не верю своим глазам...

– Несчастливая я, разве могла я не обрадоваться твоему счастью, просто все откладывала.

– Тата, вот он...

– Унан, чтобы все твои беды перешли на меня, старую... Да благословит, нан, он вас обоих, ласточек-ангелов.

Мы зовем Тату в дом. Ты зарезал курицу, я сварила мамалыгу. Потом мы накрыли стол, пригласили двух соседок, посадили рядом с ней. Тата, моя Тата! Я обрадовалась ей, будто только сейчас увидела ту, которая по десять раз на день ругала меня, а потом утешала, начинала мне петь колыбельную и рассказывать чудесные сказки. Я знала, что после моего ухода она останется совсем одна, но ведь и сама она говорила, что не сможет, как курица цыплят, вечно держать меня рядом с собой. И вот, уже обрував, прокляв меня, она не смогла не прийти поглядеть на меня и моего мужа. И кто упрекнет эту женщину, жизнь которой была так тяжела и которую я любила больше своих родителей, кто упрекнет мою Тату!

– Да будут молодые, соединившие свои жизни, счастливы в этом доме, родят семерых дочерей и семерых сыновей, а дети их

детей будут многочисленны, как трава, и пусть все, кто теперь слышит и не слышит мои слова, не имеют иной заботы, как качать их колыбели. И пусть весь тот урожай, что вы собрали в этом году, пойдет на вашу свадьбу. Ну а если вас ждут какие-нибудь несчастья, пусть они лучше падут на меня, вдоволь пожившую старуху!

«Да ответит их Бог от тебя!» – говорила я мысленно. Никогда раньше не видела я Тату такой радостной – будто не было в ее жизни всех тех страданий, той печали... Сейчас она благословляет нас, моя Тата, женщина с характером мужчины, строгая и нежная одновременно.

А потом мы с тобой провожали ее до холма. Говорили все время лишь она и я, ты же, как и положено зятю, молчал, стеснялся.

Но мы ведь с ней, пойми, Батал, так соскучились друг по другу! Потом она сказала: хорошо, что современные парни не носят кепок с большими козырьками, а то как бы она посмотрела в глаза своему дорогому зятю. Ты смутился, опустил голову, а я прижалась к ее плечу, чтобы напомнить ей, что люблю ее так же, как и те самые глаза. А на прощанье она расцеловала нас, моя добрая Тата.

Пока она не скрылась мы стояли и смотрели ей вслед и взглядами просили ее не торопиться. Она, словно услышав, останавливалась, махала нам рукой: мне, мол, пора уходить, а вы – вы живите.

Помнишь, Батал, как ты на ходу сочинял сказки? Вот и я научилась придумывать нашу будущую жизнь, какой бы стала она, если бы мы поженились. Знаешь, сколько всего можно представлять, – нет, не чего-то такого несбыточного, а вполне реального, осуществимого!..

...Утомила я тебя сегодня своими разговорами, посмотри лучше, какие вишни я тебе принесла. Потом созреют и яблоки, и груши, и сливы, и персики, но раньше всех – помнишь? – поспевают алыча, мушмула и вишня. Ведь о приходе весны должны сообщать не только цветы, но и плоды! Ну, пора мне, солнце уже зашло. До свидания, Батал! Я ведь буду здесь и завтра, и послезавтра... Пойду не по мосту, а прямо через речку. Ты когда-то купался в ней посреди зимы, будто узнать хотел, насколько она еще должна потеплеть до лета. Вот и я перейду ее вброд, а завтра расскажу тебе, можно ли уже в ней купаться...

*Перевел с абхазского
В. Шария*

Вначале до нас дошел шум, подобный тому, что издает, падая, большое дерево, которое вырвали с корнем... Может, это росшая рядом огромная старая груша упала? Все мы, сидевшие в плетеной из рододендрона амацурте – кухне во дворе, вскочили с мест. Кто-то инстинктивно спрятался под стол, а кто-то даже кинулся в сажистую утробу камина. Мой старший брат Беслан первым выскочил наружу. Он всегда и всюду должен был оказаться в гуще событий, крутился как веретено. Таков был его характер, да пребудет моя душа под его светлой душой...

– Танки, танки! – вскрикнул он, заскочив в амацурту, и кинулся на второй этаж дома.

– Чьи танки, нан, откуда они спозаранку? – спросила мать, побледнев. Эти танки, как внезапно выползшая из норы громадная змея, ползли по трассе. Взгляд не мог вместить в себя их число от начала и до конца. Брат с автоматом в руках сбежал с лестницы. Он не хотел нас пугать, но по тому, как суетился, было видно, что еле себя сдерживает. Потом, взяв себя в руки, повернулся к отцу:

– Видишь, что творится. Собери всех домашних и вези в Джгярдугу. А мы, молодежь, мигом соберемся и решим проблему. И не будьте мне дальше обузой! – сказал он твердо, тем самым давая всем понять – ему не до нас.

– Ладно, дад, как скажешь... – отец произнес эти слова так обыденно, как будто заранее знал о том, что все это должно было произойти и был к такому давно готов. Дети, женщины и старики должны уйти в горы, негоже нам путаться под ногами тех, кто с оружием встанет...

Беслан, обводя всех нас взглядом, остановился на мне:

– Если ты заартачишься, то я... – и, не договорив, показал мне кулак. Он знал, что мне трудно будет оставить дом. Видимо, по моему лицу можно было это все прочесть. – Не артачься! Выводи всех, Маргяпал!

Секунда – и Беслан уже был за воротами, огрев меня на прощание как кнутом моим детским именем Маргапал – строптивая.

– Пропали мы, чтоб им света не видать! – мать рыдала, закрыв лицо передником.

Танкам не было конца и края. Они все шли и шли в направлении Сухума.

«Надо в Ануаа-рху подняться. Оттуда дорога как на ладони видна. Надо сосчитать, сколько танков идет» – подумала я.

Бегом кинулась к косогору. С высоты холма, который в Тамыше называют так же, как и поселок, названный в честь живущих там семей по фамилии Ануа, я бы все увидела – сколько танков, машин, людей...

Мы не знали еще, что сгорит пол-Абхазии, что сгорит и наш дом, что сгорят наши души после потери в этой мясорубке моего брата... Видать, такова была наша судьба...

...Задыхаясь, я добралась до самой высокой точки Ануаа-рху. Чтоб не упасть, обхватила руками огромное грабовое дерево, которое, по нашим верованиям, защищает от молнии. Показалось, что дерево, поняв мое состояние, утешая, своими «ручищами» – ветвями погладило меня по голове.

Насчитала с десятков танков, за ними шли большегрузные машины, затем шесть бронетранспортеров, опять танки... еще танки и машины, на которых ехали орудия, в названиях которых я не разбираюсь. Всего насчитала около семидесяти штук. «Если все они дойдут до Сухума, то в кашу его превратят», – подумала я. Но потом, отгоняя от себя такие мысли, злясь на себя, что такое вообще могло на ум прийти, подумала: «Наши ребята не дадут вам до Сухума дойти. Не дадут... Если будет чем вас отогнать...».

Шум танков, как затихающие раскаты грома, все дальше и дальше уходил на запад. Через какое-то время дорога мне показалась прежней, если не обращать внимание на то, что местами асфальт был поврежден гусеницами танков. «Бедная ты, наша дорога, – пожалела я ее как одушевленную, – было бы в твоей власти, всех их бы здесь закопала, ради нас, ради тех, кого любишь. Наверняка виноватой себя чувствуешь за то, что разрешила им проехать по тебе?.. Наверняка стыдно тебе смотреть нам в глаза?..».

Дома меня уже ждали мои, собрав наспех кое-какие пожитки.

– И что? Целая армия? – едва слышно спросила мать. Было

видно, что она уже выплакала все слезы и даже громко говорить у нее не осталось сил..

– Как пришли, так и уйдут! – твердо сказала я, чтобы младшие сестры не падали духом. – Не так давно они здесь побывали. Помните, как зимой дошли до Псоу и выпили воды из реки. Но видать она им впрок не пошла, решили вернуться.

Через некоторое время, как когда-то махаджиры, мы, несколько семей, живших рядом с трассой, собрав пожитки, уходили из родных домов к родственникам в предгорных селах.

...Дней через десять мы с матерью решили пойти домой, посмотреть, что там. Многие так делали. Ушедшие впопыхах люди старались хоть какую-нибудь одежду, обувь забрать. Да и грузины в самом начале не так зверствовали. Мы это задумали больше всего для того, чтобы увидеть Беслана или кого-нибудь из его группы. Они обитали недалеко от нашего дома, в лесу. Время от времени совершали вылазки, уничтожая живую силу противника и его технику. Многим удалось подобным образом вооружиться.

Вначале мать категорически была против того, чтоб я с ней пошла:

– Ты пока маленькая, не могу рисковать... Все может случиться. Не дай бог им в руки попасться.

– Не бойся, если даже что-то не так пойдет, скажу, что я только в восьмом классе учусь и мне нет дела ни до каких-то войн.

– Откуда знаешь, кто может нам на пути попасться... Эти иоселианиевские сваны, как лесные медведи, никого не жалеют...

– Не переживай, – повторила я опять, как будто была разумнее ее. Я надеялась на то, что к нам ни у кого претензий не должно быть. Мы всего лишь проведать дом идем.

Долгое время мать не соглашалась, но я все-таки сумела ее уговорить. Если встретим Беслана и его друзей, если осталась кое-какая живность в доме, покормим их по-людски, сказала я ей. Отец сильно переживал и не одобрял нашу затею...

– Боже, на тебя уповаем! Пощади нас! Сделай, чтобы мы встретили Беслана, просим тебя! – молилась мать всю дорогу.

Мы дошли до Тамыша часа через четыре. Уже смеркалось. То тут, то там слышались выстрелы. Шеварнадзевское воинство в основном было занято тем, что грабило дома и квартиры в Сухуме. Им было не до нас. Только тогда, когда наши налетали на них, как

коршуны, командиры силком привозили гвардейцев сюда. Но они по большей части боялись приблизиться к селам и обстреливали их издалека.

Группа Беслана, как ветер, носилась по нашим селам. Про них говорили: то они в Маркуле, то в Кындыге, то в Тамыше. Уничтожали врагов, главным образом думая о том, чтобы завладеть их оружием.

К вечеру усилились рев коров, лай собак. Руины некоторых домов еще дымились. «Гвардюки», переночевав в одном из пустующих домов, наутро грабили его и поджигали.

Мы с матерью, боясь дышать, приблизились к нашему дому. Внимательно прислушались, но стояла тишина. Ни абхазской речи, ни грузинской не было слышно. Несмотря на темень, мы заметили, что второго этажа дома уже нет. Он был из каштана и, видимо, сразу сгорел. Слезы градом пошли у матери. Всю свою жизнь она трудилась ради этого дома, ради этого очага. Мне самой хотелось реветь белугой, но взяла себя в руки. Испугалась, что голоса своего не сдержу.

– Перетерпим и это. Лишь бы был жив мой единственный сын, нан, Шаризан, – едва слышно подала голос мать.

– О чем ты говоришь?! Прикуси язык!

– Эх, нан, боюсь, если он видел, что с домом сотворили, мог напролом пойти.

– Не бойся, он не так глуп, напролом не пойдет.

– Раз уж пришли, заглянем в амацурту, посмотрим, что там, – голос у матери совсем ослаб. Не только голос, но и руки дрожали...

Затаив дыхание, мелкими шажками подошли к задней стене амацурты. Вокруг была темень, но мать привычным движением открыла дверь и, преграждая мне путь, первой зашла сама.

– Зажги коптилку, поставим в камин, чтоб через окно не было видно света.

– Если коптилка осталась, – я присела на тахту, что рядом с камином.

– Чтоб ты, Шеварднадзе, тоже так в свой дом зашел! – сказала мать, зажигая коптилку и ставя в чрево камина. Его блеклый свет еле озарил комнату. Все было перевернуто. Постельные принадлежности были распороты чем-то острым. То тут, то там кло-

чьими валялась вата, напоминая барашка, побывавшего в зубах у шакалов. Диван стоял в самом центре комнаты, рядом валялись стреляные гильзы.

– Бог знает, кто отсюда стрелял. То ли наши то ли грузины... – глянула на меня мать. Я по лицу прочла, что она думала – это Беслан. – Если это он, то дом, в котором он вырос стал бы для него крепостью. Здесь качалась его колыбель, здесь он сделал первые шаги.

– Он сейчас наверняка в Ануаа-рху. Они там оборону держат. Я по дороге сюда слышала пулеметные выстрелы. Говорят, что Беслан сейчас пулеметчик.

– Что из себя представляет этот пулемет, нан?

– От Ануаа-рху до трассы цель поражает. Много машин с гвардейцами были уничтожены пулеметом.

– Ануаа-рху, да благослови своих сыновей!

– Не бойся, – повторила я, – он уже привык воевать. Грузины пока, как буйволы, сообразят, что к чему, наши, как коршуны, их настигают, окружают и вмиг уничтожают!

Такое я слышала в доме, где мы нашли приют, от соседских мужчин. Теперь решила с видом знатока утешить мать.

– Да обойду я вокруг тебя, – долгим взглядом она обвела помещение. – Может, он какую-нибудь грязную одежду тут оставил, может, простирнуть надо бы...

В это время со стороны огорода послышались какие-то голоса. Я встала и подошла к окну. У самого начала огорода под ветвистым грабом заметила двоих. Один из них негромко свистнул. В ответ послышался еще один свист, но уже со стороны ворот. Это, видать, означало «мы здесь».

– Перекликаются, – мать сжала мою руку. – Дай бог, чтобы это были наши, но если эти шакалы, то как нам быть?..

– Уже ничего не можем сделать. Если будет плохо, будем кричать. Там, в Ануаа-рху, точно услышат нас, если что...

– Ах, что мы наделали, что мы наделали... Куда я тебя притащила, чтоб света белого мне не видеть...

В это время до моих ушей дошла грузинская речь. Я поняла, что ничего хорошего нас не ждет, но побоялась сказать об этом матери. Могла закричать. Но и не сказать не могла. Если откроют дверь и она заговорит на абхазском, они могли сразу же выстрелить.

– Успокойся, могут с перепугу стрельнуть. Это они!

– Ун-нн-ан, чтоб я провалилась. Смерть свою здесь нашли. Я-то ничего, но с тобой что будет? Что же я, несчастная, надела?.. – она так сильно сжала мою руку, что она вмиг онемела.

– Послушай, что говорят, ты же немного грузинский понимаешь.

Она приложила ухо к двери и стала внимательно слушать, потом приблизившись к моему лицу, зашептала: «Двое подошли со стороны ворот, но они ждут еще двоих, те должны подойти с задней стороны амацурты».

В эту же минуту опять повторился тот же свист.

– Пришли... – сказала я, глядя матери в лицо. Она опять прильнула к двери.

Раздался скрежет, кто-то передернул затвор автомата. За ним еще один... Они наготове, с трех сторон подходили к амацурте. Не прошло и минуты, как кто-то из них прикладом ударил по двери распахнув его настезь.

– Пастушье отродье, есть тут кто-то?! – задал один из них вопрос. ...Позже мать мне пересказала все, о чем они говорили.

– Да, нан, я с ребенком пришла, кое-какую одежду хотели забрать. Не стреляйте, нан, не стреляйте!

– Если так боитесь, что вы в лес подались? Выйдите и сдайтесь нам! Все люди к цивилизации пришли, а вы обратно в леса подались!

Поняв, что опасности нет, трое заскочили вовнутрь. Включив фонарики, обвели нас глазами. Коптилку нашу тоже на стол поставили. Все трое были заросшими, как дикобразы. С ног до головы были увешаны оружием. Двое все еще не опускали направленных на нас автоматов. Третий подошел поближе.

– Притворяетесь, как будто еду, одежду ищете. Потом возвращаетесь и докладываете своим, что тут видели – о технике, сколько здесь солдат. А они ночью нагрянут! Но великие воины Джэбы Иоселиани знают, как с вами надо поступать!

Сказав эти слова, он сорвал с матери шаль и глянул ей в лицо.

– Ваши все, что угодно, себе позволяют. Могут и в женской одежде заявиться. Да и ты, женщина, будь у тебя оружие в руках, пристрелила бы нас не мешкая. Когда вы не понимаете или не хотите понять мудрых слов нашего Иоселиани, автоматом надо дать,

да так чтоб, вы их проглотили, или чтобы они застряли в ваших мозгах навечно!

Сказав это, он с размаху ударил ее прикладом по спине. Мать рухнула, как мешок наземь. Я с криком кинулась к ней. Он опять размахнулся, и я с силой сжала веки, чтобы не видеть удара... Но удара не последовало.

– Если цыплята подросли и от матери отделились, то с ним надо иначе поступать. Ты тоже оружие ищешь?! Или где наши позиции, выведать хочешь? Потом пойдешь и своим дикарям, наверное, и расскажешь. Чтобы они козлиным пометом со своих охотничьих ружей по нам стреляли. Как жаль, что ты еще дитя. Была бы постарше, мы смогли бы с тобой такое проделать, что ты навек бы нас запомнила...

Я навзрыд плакала, наклонившись к матери. Она так вцепилась в мои ноги, что никакая сила не смогла бы отодрать меня от нее.

– Делайте со мной что хотите, только ребенка не трогайте, – позабыв про себя и про свою боль, молила она их.

– Ты нам еще нужна! – обратился к ней ударивший ее гвардеец. – Там в курятнике кур заперли. Они, в отличие от вас, дома остались. Зарежьте их и приготовьте нам ужин. Сварите мамалыгу. Все твои закрома мы уже обыскали. Видать, ты неплохой хозяйкой была. Много чего предназначенного гостям нам досталось.

– Если б не это, то здесь ты больше не задержалась бы. К праотцам отправили бы, – глухо засмеялся долговязый бородач, размахивая автоматом перед носом матери. – Может, деньги и кое-какое золотишко перед уходом спрятала? Но об этом после хорошего ужина поговорим. Как десерт. Не только животы нам надо набить, но и карманы...

Бедная моя мама встала с моей помощью. Из курятника мы вытащили кур, зарезали их, почистили. В камине разожгли огонь. Сели по обе его стороны, медленно поворачивая над углями вертел с курами... Трое охраняли дом, трое сидели за столом. Водку пили как чистейшую воду из родника. Бесперывно чему-то смеялись. Все время Шеварднадзе и Ардзынба упоминали. Упоминали и Иоселиани, но тогда не смеялись. Осторожничали, как идущие по минному полю – видимо, боялись, что даже здесь, в тишине, кто-то их услышит. Может, друг друга тоже боялись. Мало ли что...

Когда еда была приготовлена, мы накрыли стол. Они позвали еще двоих с улицы, а одного оставили в охране.

– Не бойтесь, – сказал один из них, будучи в прекрасном расположении духа, – в такое время абхазы «коз доят»! Ха-ха-ха! Вы ведь понимаете, почему я при девочке сказал «коз доят»?!!

– Да, да, поняли. Пусть «доят»! Нам тоже бы здесь кое-кого «подоить»!

– Я сейчас подниму тост за всех тех патриотов, кто любит свою землю, – поднял стакан с водкой тот, кто вел себя как командир, – даст бог, совсем немного – и мы сотрем с карты Грузии название «Апсны». Шеварднадзе одним пальцем своим придавит его, как клопа. Только кровь на этом месте останется. И то, если богу будет угодно, пойдет ливень и смоев все! Ничего не останется!

– Аминь! Аминь! – довольные его словами подняли свои стаканы, громко чокаясь, остальные.

– Даже эти стаканы Мгеладзе доказывают, что здесь аборигенами являемся мы, грузины, мегрелы и лучшие из лучших – сваны. Сами стаканы здесь аборигены. Никогда не расколются. Не только чокаться ими можно. Можно и по абхазской голове с размаху ударить, ничего с ними не будет.

– Абхазская голова и так пуста, ударишь стаканом – совсем все выветрится! С гор спустится, на море пойдет. Тогда кто все море очистит?!

Ха-ха-ха!!! Смех стоял гомерический.

– Где мы раньше были? Что в Цаленджихе потеряли, вместо того чтобы на этой райской земле жить? Спасибо Шеварднадзе. Если он сейчас здесь был бы, я, не побрезговав, поцеловал бы его зад! Да, да! Зад!

– И про Иоселиани не забудь. Это он подарил Гагру сванам! И здесь неплохо, но Гагра – это особенное. Лучшие рестораны, кофейни, девушки, автомобили, дома. Грузину на этой земле раздолье. Ничего с ним не случится, если от радости не умрет.

Иногда они кидали свои взгляды в нашу сторону, но занимать-ся нами пока им было некогда.

«Где интересно, наши ребята? Одного хватило бы, чтоб всех их здесь положить. Ах, Беслан, Беслан! Ты, наверное, сейчас в Ануаарху. Тебе неизвестно, что мать с сестрой тут в руках этих нечестивцев ждут своей участи...».

– Позовите сюда Гию тоже. Нечего нас охранять. Не от кого. Нас здесь сам бог под своим крылом держит! – допив полный стакан, главарь поставил его на стол. – Пусть Гия тоже поднимет тост за грузин. За князей Кавказа! И эта земля уже навсегда будет грузинской!

Они были настолько пьяны, что Гию позвали свистом.

– И вправду, нечего и некого бояться. По-моему, после вчерашнего в живых никого не осталось, – подсаживаясь к товарищам, поставил автомат в углу тот, кого называли Гией.

«Ануаа-рху, Ануаа-рху, да обойду я вокруг тебя! Прислушайся к ночи, прислушайся к ветерку. Передай нашим ребятам, что здесь нелюди нашу пищу едят, в нашем доме сидят. Если нет другого пути, то пусть и нас не пощадят. Пусть вместе с нами сожгут этот дом. Самое главное, чтобы они отсюда живыми не ушли...»

– Да здравствует наша славная Грузия! Да здравствует наш славный Иоселиани! Если бы не он со своими сванами, грузины дальше Гали не пошли бы. Наша кровь всегда была особенной! Героической! Еще не родился тот, кто как мы управляется с оружием!

– Если бы эти несчастные абхазята не встали против нас, если бы не вытащили бы свои доисторические ружья – палки-копалки, если бы сказали «и вам, и нам хватит этой земли», если бы не стали размахивать попугайским флагом...

– Кто сказал, что они несчастные? Разве не слышали, что вчера сделали с автобусом из Цаленджихи? На Тамышском мосту скинули в реку. Все оружие забрали.

– Посмотрим, что они сделают с пятью автоматами. На их автоматный выстрел мы ответим танковым выстрелом!

«Ах, ребята, как вы сейчас нужны! Как удобно одним махом их тут прикончить... Ануаа-рху, если у тебя есть какое-то сверхъестественное начало, то примени его. Скажи нашим воинам, что удобнее случая не будет. Скажи им, что в нашей маленькой апацхе свили гнездо шершни. Надо их здесь же сжечь!...»

– Мы не правы! – один из пришельцев оглядел товарищей, – мы тут едим, пьем, а эти две кошки со слюной во рту за нами наблюдают. Хоть кость какую-нибудь им бросьте!

«Пусть последим куском эта кость тебе будет. Слышали бы наши братья, показали бы тебе, кто тут кошка...»

– Не достойны они курятины. Побросали своих кур голодными, если б не мы – пропали бы. Вот водкой угостить можно. Может, расслабятся и расскажут нам кое-что интересное.

– Мы не пьем, нан. У меня головные боли, она еще мала...

– Тут вы не правы, – сказал тот, кто помоложе, с глазами бешеного вола. – Если хочешь напоить эту женщину водкой, то зачем ей ее же чачу предлагаешь? Все что имеют абхазы – для нас, грузин. Что еда, что выпивка, что земля. Бывало, приходилось насилу это у них отбирали, но думаю, уже так не будет никогда... Эта женщина нам свою хлеб-соль показала, и мы ей свою покажем. Если даже не такую, как водка второй перегонки, но свою...

– Как же ты прав! – обрадовался рядом сидящий. – Только чья будет крепче? Своя-то должна быть такой крепости, что и у птички голову снесет.

– О чем они? Хотят нас напоить? – я прильнула к матери.

– Успокойся. Я сделаю все, что велят. Главное, чтобы с тобой все было нормально...

– О чем говорят?.. Убить нас хотят?

– Пока решают.

Я знала, что хорошего от них не стоит ждать, но такое...

– Гия! – крикнул все тот же парень, – принеси мне мгладзевский стакан!

– Мигом! – вскочил тот. – Мне прополоскать?!

– Я сам. Только если она до дна не выпьет мою «водку», то на глазах ее котенка придушу! – С трудом поднявшись на ноги и, повернувшись к стенке, наполнил стакан тем, что он называл «моя водка».

Меня как будто током ударило. Зарывшись головой в колени матери, разревелась.

– Твоя водка нам по душе. Теперь ты нашу должна попробовать. Подними тост за все, что хочешь. Имеешь право выбора. Только стакан должна опустошить. Водка сванская. Чиста как слеза...

Один из сидящих направил на меня дуло автомата, но другой, отодвинув его, вытащил нож со сверкающим лезвием.

– Если в течение трех минут ты не выпьешь, вместо этого кровь своей пигалицы попробуешь. Сама выбирай, что тебе будет во благо!

– Пусть лучше убьют, но не смей! – застонала я.

Она, вырвавшись из моих рук, схватила стакан.

– Всевышний, покарай тех, кто меня, женщину, мать, заставил испытать такое! Ели ты есть на свете, то громом и молнией разорви их здесь же!.. – выпалила она на абхазском и, выпив содержимое стакана, кинула его в огонь.

Думаю, их гомерический хохот достал все уголки села, с таким удовольствием они это восприняли.

– Теперь вы свободны, – подошел поближе к нам молодой парень, – только там, куда вы придете, расскажите всем, что каждого кто придет к нам, мы будем поить такой «водкой», или же вниз головой в землю зароем. На выбор. Тебя мы ради этого крысенка пожалели. Пошла по «легкой статье». Сваны всегда хлебосольны. Да будет тебе это в угоду! – с силой распахнул дверь, давая нам выйти наружу.

Я рывком потянула мать, и мы выбежали из амацурты в темноту ночь. Пробежав по огороду наискосок, начали подниматься вверх. Мать, прижав меня крепче к груди, прошептала: «Сердце подсказывает – наши ребята за все отомстят... Отомстят...».

...Мы обо всем рассказали нашим, которых встретили по дороге. Когда добрались до верха холма, нашему взору предстало то, что оставили позади. Наша амацурта светилась тысячами огней среди ночи – так она горела.

– Попали, попали!!! – до меня донесся знакомый голос.

– Это Беслан, Беслан! – мать с силой сжала мои пальцы, – если бы тебя эти шакалы сожрали, то куда мне было деться?!

...Позже мы узнали, что это действительно Беслан из гранатомета спалил нашу амацурту. Он не разрешил своим бойцам окружить «иоселиановских воинов-героев», побоявшись, что будут жертвы с нашей стороны. Сказал: «Закончится война. Построим еще лучшую. Нынче наш дом – это Ануаа-рху». Сам и произвел тот единственный выстрел.

Спустя всего лишь месяц он погиб, защищая свой «новый дом – Ануаа рху». Мой единственный брат... С того места, где он похоронен, видна сопка Ануаа-рху, израненная «Градами», минометами, пулеметами, всеми видами оружия. Весной эти раны затягиваются зеленью, травой. Кажется, что здесь никогда никакой беды не было. Сколько раз переходила она из рук в руки! Сколько

раз прекрасное местечко Ануаа-рху становилось настоящим адом для завоевателей. Сколько раз наши мальчишки пролили здесь свою кровь ради свободы. Когда они отвоевывали его у врага, то радости было столько, как будто всю Абхазию отвоевали!..

У всех у нас, у матерей, сестер, отцов есть своя боль. Мы стараемся ее унять и не показать, но не получается. Сколько боли у Ануаа-рху! Вершина холма, тоже старается, укрывшись весенней зеленью, спрятать свою боль. Старается выглядеть красивой, как первоклассница в белоснежных бантах. Все ждет, когда же возьмут ее за руки и поведут туда, где нет боли и слез...

*Перевел с абхазского
В. Шария*

Никогда не забуду, Алхас, как ты вскочил после этой зловещей вести, как будто тебя окатили кипятком. Это когда друг твой Дима сообщил, что грузинские войска вошли в Сухум на танках. Меня тоже будто опалило огнем. Ты это заметил. Сказал мне всего несколько слов, но с таким нажимом: «Уезжай как можно скорее!». Я даже не спросила, с кем ты, куда. Сразу догадалась, что вместе с друзьями пойдешь туда, где стоит Абхазская гвардия, что будешь искать оружие. «За меня не беспокойся!» – сказала я твердо, боясь, что моя суетливость может тебя задержать. Ты вылетел из дому, как стрела... Следом за тобой, собрав попавшие под руку вещи, и я выбежала на улицу. Соседи будто ждали моего появления – разом высунулись из окон. Большинство из них были грузинами. Позже мы узнали, что многие были в курсе грядущих дел, но молчали, а потом встречали госсоветовские танки с цветами и радостными криками. Но нам-то откуда было это тогда знать? С самого начала, с того времени, как мы поженились, они делали вид, что безумно нам рады. И твоя, и моя родня были в восхищении оттого, что у нас такие хорошие соседи. Не знали они, что эти улыбки были показушными, а души этих соседей – черными от ненависти.

...Ушел ты, ушла и я, оставив наш любимый дом, нашу квартиру. Слезы душили, потому что эту квартиру ты получил от работы спустя месяцев пять после нашей женитьбы. Она была однокомнатной, но своей. Это был наш очаг. С каким трудом квартира тебе досталась! Была мала, но мы говорили, что пока нам и такой хватит.

...Из города я выехала с подругой. В Гудауте была среди своих, но на сердце не было ни минуты покоя не было. Моя мать все время говорила, что мое беспокойство вредно малышу в утробе больше, чем мне самой. ...Почему богу было угодно оставить его без отца, почему не тебе его пришлось воспитывать?..

Почему?.. Почему тебе и твоим друзьям ценой собственных жизней пришлось искупать вину тех, кто тогда стремглав удрал

от опасности? А когда война вошла в свою завершающую стадию, когда стало ясно и понятно, они начали присылать в качестве гуманитарной помощи муку, сахар и кое-какие копейки, таким образом открывая себе путь домой.

...Дней пятнадцать после грузинского вторжения я о тебе ничего не знала. На шестнадцатый день нам сказали, что ты находишься в Нижней Эшере, сидишь в окопах. И что несколько раз переходил на ту сторону Гумисты – как ты говорил, «давал покой сердцу». Но разве несколько походов в стан врага тебя могли успокоить, когда долгожданный дом твой и любимый город твой были осквернены, когда ко всему, что ты любил, прикасались руки чужаков.

Большим беспокойством для тебя и твоих друзей было то, что у вас не было достаточно оружия. Даже то, что вас было немного, вас не так тревожило, как отсутствие оружия. Сколько раз с грустью вспоминали о том, что оружия вам было обещано в достатке. Однако...

Однажды, когда казалось, что ночь никогда не закончится, ты пришел домой с друзьями. «Можете побыстрее сварить нам мамалыгу?» – отозвав меня и сестру, спросил ты шепотом, так чтобы твой голос не услышали старшие.

«Мигом», – сказала сестра и выбежала.

Ты и твои друзья ели поспешно. Зная, почему вы так торопитесь, мы быстро собрали вам в дорогу кое-какую снедь. У дверей ты так поглядел на меня, что поняла: хочешь что-то сказать. Вышла за тобой во двор. Если бы за те шесть месяцев, что я с тобой прожила, не привыкла к твоим интонациям, то не смогла бы слышать шепот, которым ты говорил: «Старайся не переживать, это ЕМУ мешает!...». Чтобы подбодрить тебя, я улыбнулась. На самом деле мне хотелось расплакаться. Но вытерпела, пока ты не вышел за ворота. Хотела сказать, что твой наследник вот-вот появится на свет, но сдержалась.

«Должен быть сын! – улыбнулся мне ты, быстрым шагом уходя от меня. Я почувствовав, что ты сказал не все что хотел, догнала тебя. – Придумай ему хорошее имя!»

Меня как будто ошпарили кипятком. Видать какое-то чувство хотело что-то подсказать мне. Потом взяла себя в руки и шепотом, так чтобы твои друзья не услышали сказала: «Зачем это я должна

ему имя давать? Вместе имя придумаем!» Ты смотрел на меня, как будто не ты эти слова только что сказал, а кто-то иной, но твоими устами. Потом видать до тебя дошло, что надо ответить на мои слова, вымолвил с трудом: «Это тебе решать. Время покажет, время покажет...» Зачем ты это сказал, да и повторил два раза. Почему не приходило тебе на ум какое-либо имя?.. Целый день я думала тогда об этом, да и после всего что случилось, после войны тоже эта мысль не покидала меня. Может, ты нутром чувствовал, что погибнешь, может хотел чтобы сына твоего твоим же именем назвали... Может ты хотел, чтобы каждый раз произнеся это имя мы тебя вспоминали... Может быть... Кто знал что ты настолько наперед думал.

Помнится, как тогда наша соседка, провожая тебя вместе с нами, сказала: «У матери с отцом ты один, нан, тебя никто не упрекнет если ты останешься дома...» Ты, услышав эти слова, обернулся как стрелой сраженный. Возможно, если эти слова тебе мужчина сказал, ты бы ответил, но женщине, да еще родне жены, только так ответил: «Ди, я один, но и родина одна!» Эти слова меня вначале расстроили, но потом такая гордость в душе проснулась. Потому что там было немало и остальных соседей, особенно женщин было много. Знала – они мигом по всей деревне эти слова разнесут. Да и потом ты был с очамчирской стороны. Только раз в месяц заезжал к нам. Остальное время на передовой пропадал. Принимал участие во всех операциях. Они и об этом знали. Знали, когда наши пойдут в наступление, сколько их будет, да какая техника должна быть задействована. Иногда говорили: «Если не будет выхода, пускай весь Сухум сожгут». Но вспомнив, что и я тут сижу, сразу поправлялись. «Со стороны вашего дома грузины не стреляют, значит и в ответ ничего туда не попадет», – говорили. «Там наши соседи – хуже осинового гнезда», – отвечала я со злостью, хотя квартиру, жизнь в которой мы не успели насладиться, было очень жаль. Но ее потерю я бы пережила, только чтоб духа этих соседей больше не было. «Вы знаете, что они говорили друг другу, когда я уезжала? «Обратно в свои горы вернутся, там им и место!».

«Уннан! Чтоб им всем подохнуть! – вскричала одна из соседок. – Когда твой отец в Сухуме занимал высокие посты, ходил как хозяин города, где они сами были? Думаю, в Зугдиди где-то, или ло-

пату держали, или тяткой махали!». «Да, да, эти недавно сюда приползли!». «Много вины и на наших лежит. Деньгами многих купили. Все лучшие земли им достались!».

«Это все временно, – сказала та соседка, которая знала все мыслимые и немыслимые стратегические планы и тайны наших военачальников, – если ветер их сюда занес, то унесет ураган, вот увидите!». «Золотыми словами ты говоришь!» – на радостях вскочила другая, да так рьяно, что я, испугавшись, что она упадет, схватила ее за талию...

После того случая целый месяц ты не показывался. Наши соседи неделями менялись на передовой. А ты очень хотел улететь в Очамчиру, на Восточный фронт. Но все это у тебя не получалось. То вертолет улетал внезапно, то им не до тебя было – на борт брали оружие, топливо и гуманитарку. Разозлившись, ты сказал, что все равно туда попадешь, хоть через Сухум. И решил, как и многие мужчины вокруг, не брить бороду, пока любимый твой город в руках у врага...

А я вспомнила, как мы с тобой познакомились. Моя подруга работала в парикмахерской, и к ней порой заходила. В один из дней ты с другом туда заскочил.

– Мне б с лица пушок убрать! – с хитрецей глянул ты на нас.

– Мигом обчехрыжим! – в тон ему ответила подруга.

– Но мне надо быть таким красивым, чтобы сидящей рядом с тобой девушке захотелось все про меня разузнать!

– Ты еще не успел войти, когда она тобой заинтересовалась, но я сказала, что не знаю тебя!

– Чтoб заглохла! – сказала я, краснея, – откуда ты все это берешь!

– Посмотрим, так ли это, – сказал ты, глядя на меня с улыбкой...

И вправду, после этого ты появлялся везде, где я была. Если вдруг мои подруги тебя не замечали рядом с нами, то между собой в шутку говорили: видать, сегодня его запретный день, из дому не выходит. Одним словом, все что было дальше, казалось сном – сном красивым, сказочным. Только проклятая войны вырвала нас из него.

...Приближался тот проклятый март... Как же я любила раньше этот месяц, сколько желаний всегда с ним связывал!

Накануне наступления ты с друзьями посетил нас. Как всегда, спешно проглотили предложенную еду, выпили по три рюмки чаи. Твои друзья, как и ты, тоже думали, что если оставить Эшеру хоть на день без вас, то там не справятся... Как будто там мир мог перевернуться... Боялись, что враги пойдут в наступление, или же ваши без вас войдут в город... «Если вступлю в Сухум, даже буду знать, что меня убьют, шаг назад не сделаю. Будет обидно, если меня убьют до этого...».

...Погода плакала кровавыми слезами. Будто погода знала, что эти мартовские дни не наши.

...Перешли вы Гумисту. Гумисту, которая вела себя как враг. Гумисту, которая вмиг оцетинилась против вас... Как позже рассказывали выжившие, многие из вас успели отомстить за нашу боль. Тебя ранило в бедро, но ты, притаившись за деревом, держался и стрелял. Однако еще одна пуля тебя нашла. Ты упал. Все равно стрелял. Закрыл собой отступающих. Хотел себя подорвать, чтобы с собой из этого мира забрать как можно больше врагов. Но тебя пленили. Целых два дня ты прожил после этого. Обо всем, что было позже, нам рассказал армянин, парень, который своими глазами видел все это. Ты кричал: «Ваши дни сочтены! Сожжем вместе с Сухумом!». Они издевались над тобой. Плевали на тебя, тушили окурки на голом теле, раны посыпали солью... Потом решив сломить ваш дух, на узкой ачадарской дороге положили в ряд до сорока убитых наших бойцов и вас напротив, чтобы испугать их участью. Среди вас были наши братья, те, кто прибыл к нам на помощь, – северокавказцы, казаки. К каждому из вас подходили и, ткнув автоматом, спрашивали: «На чьей вы земле?». Говорят, вы все как один отвечали однотипно: «Это земля абхазская!», «За нее мы готовы сложить головы!». Это бесило их еще больше. К тебе подошли последним. Решили, что ты истекаешь кровью и ради жизни скажешь, что эта земля грузинская. «Чья эта земля?!» – спросил тебя один из их главарей, носком сапога приподнимая твою голову. «Эта моя земля и она мне как пух. Вот для тебя она будет стекловатой» – ответил ты. Он рывком отбросил тебя. Ты ударившись головой об асфальт выхаркнул кровь. Один из гвардейцев хотел тут же пристрелить тебя, но ему не дали, решив что такая смерть слишком легка. Вас всех, полуживых и мертвых закинули в грузовую машину и повезли туда где уже бульдозером

вырыли общую могилу. Вначале туда кинули мертвых, потом вас, тех кто еще мог им крикнуть, что они тут пришлые, что их ждет здесь ад земной. Вас, по одной, ударами прикладов бросали в яму и засыпали землей. И так чтобы вы подольше мучились – понемногу. Затем бросали опять мертвых и поверх них опять живых. Как слоенный пирог... Когда очередь дошла до тебя спросили: «Слева Абхазия, справа – Грузия. Что ты выберешь?» «И слева и справа везде Абхазия. Моя родина. Это для вас она ад, а для меня она рай!», – сказал ты. И ты повторил участь остальных. Со связанными руками бросили в это месиво живых и мертвых. Говорят, ты сумел перевернуться на спину, так чтобы оказаться лицом к небу. Заметив это один из гвардейцев дал знак бульдозеристу, чтобы он быстрее засыпал яму землей... Они будто боялись, что ты насытишься видом неба, настолько ненавидели нас, настолько хотели отнять у нас нашу землю и наше небо... Из-под земли говорят такие стоны слышались, что волосы дыбом вставали... Такого зверства не видела наша земля, хоть и раньше здесь происходили большие беды... После всего разве возможно, чтобы братья и сестра этих извергов жили здесь, в твоём бесконечно любимом Сухуме, рядом с твоим домом, по соседству со мной и твоим сыном?..

...Алхас тебя знает по фотографиям. Рассматривая альбом, указывает на твои фото и говорит «папа». А ты на всех фотографиях улыбчив, как будто хочешь улыбкой своей обмануть сына, как будто позовет тебя он и ты тотчас выйдешь к нему...

...Каждое утро вместе с ним идем в садик. Каждый вечер вместе домой возвращаемся. Иногда его взгляд цепляют дети, за которыми приходят или на машинах приезжают отцы... Я, заметив этот грустный взгляд, стараюсь разговорами отвлечь его от детских дум. Начинаю рассказывать, что куплю ему машину, когда он вырастет, и что он тоже будет своих детей привозить в детсад или школу на машине, что будет с ними в село ездить. Я научилась так отвлекать его, чтобы грусть по тебе не успевала его как «ливень с головы до ног намочить»... Пока надо отвлекать... Со временем сам привыкнет. Твое отсутствие будет его сопровождать. Многого ему не хватает. Нам обоим не хватает. Но все это мы сваливаем на войну, на врагов... Мы не позарились на чужое добро. Мы с сыном живем в нашей квартирке. Там кажется твой дух до сих

пор витеет. Кажется, что и ты рядом с нами. Иногда дверь настежь открытой оставляем... Кто знает... Ты или кто-то из друзей, который бы нам о тебе поведал... То, что ты сюда больше не войдешь, мы знаем, но, видимо, Богу хочется, чтобы мы верили, ждали... Чтобы мы ждали кого-то кто о тебе будет говорить, того кто будет вспоминать твои слова, твои геройства... Алхас с таким вниманием слушает эти рассказы, что даже ночами потом долго ворочается в постели, или во сне начинает говорить. Сколько бы я ему разных сказок ни читала, он во сне видит только то, что о тебе рассказывают, видит только твои истории...

...Алхас... знай, что мы не ходим с опущенной головой... Мы, я и твой сын Алхас, носящий твое имя, знаем что ты сложил голову за Родину, за Апсны... У нас есть она, сбереженная тобой... Да, твой сын – единственный у меня. И ты был единственным. Единственной была и твоя Родина. Ты защищал ее, не давая ей знать, что ты один у своих родителей. Ты оставил свой след на этой земле. Я воспитаю твоего сына так, чтобы и он стал защитником этой земли. Потому что Родина всегда одна. Алхас... Только так ты считал всегда. Алхас... Только так считаем и мы. Только так мыслим мы, те на кого ты надеялся. Разве не видишь, что каждое утро, проходя мимо парка, где покоитесь ты и твои друзья, мы гордо поднимаем головы... За твоей спиной не остались те, кто ходят с опущенной головой. Ты вошел в Сухум впереди нас не для того, чтобы мы жили с поникшими головами... Мы с твоим сыном это хорошо понимаем, Алхас... Это хорошо понимали и другие, кто сложил головы. Нет, ты не был единственным и сын твой не единственный и Родина твоя не единственная... Один-одинешенек тот, кто живет на чужбине... Если не веришь, посмотри завтра, как мы проходим мимо тебя... С поднятыми головами... Ведь ты все сделал для этого. Мы не грустим, Алхас... Сам ты увидишь, что это так... Завтра увидишь...

*Перевел с абхазского
В. Шария*

Это село было не раз ограблено. Часть проживающих здесь абхазов успела уйти в горные села, подальше отсюда. А те, кто был способен держать оружие, поднялись на вооруженную борьбу. Грузинские «гвардюки» обглодали все в селе, как гусеницы шелкопряда – листья шелковицы. Больше им нечем здесь было поживиться, но идти дальше, в верхние села, боялись. Там была абхазская линия обороны. Что же оставалось в такой ситуации грузинскому воинству? Не напрасно же они прибыли сюда из Кутаиси, Зугдиди, Тбилиси и других регионов Грузии. Не с пустыми же руками обратно возвращаться...

Да, поживиться им было нечем, но и уходить они отсюда не могли: все-таки война и приказы командиров надо выполнять.

Тогда один из них поговорил с мегрелом Элгуджей из соседнего села Ахалдаба и выудил у него ценную информацию о тех абхазах, которые жили зажиточно и до войны ушли в мир иной. А у абхазов драгоценности не снимали с усопших. Золотые кольца, серьги, часы так и оставляли на них. И вот грузинские гвардейцы днем делали вид, что отважно защищают село от абхазов, а ночью, под покровом темноты, по наводке местного мегрела грабили сельское кладбище.

Пока добытое делили поровну. «Братские» отношения еще были незыблемыми.

– Вот этот побывал в самом раю! – воскликнул один из гвардейцев, рассматривая только что выкопанный череп мужчины. – Цепь, кольцо, часы – все при нем. Ничего своей семье не оставил!

– Хорошо, что не оставил, – изрек, кривляясь, ахалдабский мегрел Элгуджа, – а то б они на это стали оружие против нас покупать.

– Правду говоришь! Если всем абхазам их личные вещи клали в могилы, как этому мужику, им не на что было бы покупать оружие. И нам тоже нечем было бы поживиться, – сказал бородатый гвардеец, копаясь в чужих костях.

– Разговоры разговорами, но и бдительность не теряйте. Абхазов нигде нет, и в то же время они везде. Никогда не знаешь, откуда могут появиться...

В какой-то момент они вдруг замерли. Кое-кто даже опустил наземь лопаты и схватился за автоматы. Но вокруг стояла тишина. Простояв некоторое время, вновь взялся за свое грязное дело.

– Глянь, какие «котлы» носил.

– Э-э, кацо, он был председателем колхоза.

– Заткнитесь вы! – шикнул на них тот, кто всегда был насто-роже, самый пугливый. – Мы христиане. Занимаясь таким делом, не будем хоть речами бога гневить!

– С ума сошел?! – зло глянул на него заросший щетиной гвардеец. – Нас здесь шестеро, так что еще богу долю оставить не получится...

Всем захотелось расхохотаться в голос, кроме самого пугливого, но, сдержались, испугавшись, что кто-то их услышит. Негоже было, чтоб про храбрых гвардейцев плохая слава пошла. Весть о том, что сыны Сакартвело, вместо борьбы против живых абхазов, роются в могилах умерших, могла иметь плохие последствия. Эта мысль изредка, между мародерством и грабежами, все-таки мелькала у них в головах. Но лишь изредка...

– Даже с живого мы больше не содрали бы! – обратно в яму скинули кости.

– Если бы все абхазы были так же богаты, как он, то живых мы бы и не трогали... Месяца нам хватит, чтобы всю жизнь безбедно прожить...

Вновь поглядели друг на друга в темноте. Видать, вспомнили христианские заповеди, но очень быстро эти мысли пеленой заволочла жадность. Они знали, что безжалостность, бесчеловечность, отсутствие брезгливости ко всякого рода грязным делам сумеют спасти их жизни. Этот метод уже давно работал здесь. Надо было прийти к главному с дарами и попросить о помощи. Исходя из количества преподнесенного, их могли вместе с ранеными отправить на родину с «достоверными» документами о дальнейшей их непригодности. А там, дома, сидя на мягком диване, можно было бы восхищаться подвигами бывших соратников...

– Следующий «житель» богат, интересно?! – командир глянул на Элгуджу. Элгуджа знал это кладбище как свои пять пальцев,

но когда хоронили обитателя следующей могилы, он не уезжал по своим делам в Тбилиси. Но сказать им это он побоялся, ибо копатели могли подумать, что там богатства большие, а он для себя их бережет. «Нормально», – сказал, кивнув на могилу.

– Если при жизни был богат, на тот свет с пустыми руками не отправили бы! – Бородатый громко высморкался. – Только знайте: если я найду золотые часы, они мои. Видите – все мои руки в земле по локоть. А вы заполучили мертвых абхазов – и то боитесь к ним прикоснуться. Были бы здесь живые – пятки бы ваши сверкали!..

– Вот везенье! – даже в темноте сверкали золотые часы и массивная цепь. – Кто бы что ни сказал, эти часы я никому не отдам!

– Чтoб пусто тебе было! – вырвалось у одного из копателей, и сразу же испуг накрыл его, да так, что он мигом пожалел о сказанном.

– Если бы не здесь сейчас мы стояли, закрыл бы тебе рот навсегда! – глянул на него недобро «друг». – Не будь жаден, а то и сам ты можешь оказаться рядом с этими абхазами. Если когда-нибудь кто-то надумает выкопать тебя, то представляю, как будет он твой род проклинать. У тебя же кроме пошитых наспех в Зугдиди тряпок ничего нет!..

«Можно подумать, то тряпье, что в Тбилиси тебе сшили, чем-то лучше», – подумал гвардеец, но даже мыслей своих испугался.

– До рассвета есть еще время, – главарь буравил взглядом Элгуджу, – успеем не одну могилу разворотить. Если после нас сюда придут другие и найдут большего добра, то тебе мы «спасибо» не скажем. Сам ведь понимаешь. Если с живых как с гуся вода, так с мертвых хоть какой-никакой толк должен быть! – окинул он долгим взглядом близлежащие могилы.

Могилы в глухую темень, когда ни луны, ни звезд на небе не было, будто чувствовали, что вечного покоя они не смогли дать тем, кто в них нашел последнее пристанище.

– Элгуджа, покажи нам «кубышку» получше!

– Да, да. Кто лучше тебя знает где сокровища зарыты!

– Напрасно ворошить кости абхазов не заставь!

Элгуджа видел, что они ненасытны, что сколько ни получат, им не хватит. Он знал, что в конце кладбища похоронен один мегрел, выходец из Зугдиди. Бывший заместитель председателя

ахалдабского колхоза. При нем большая часть доходов колхоза прямоком в его дом направлялась. Абхазия для него стала раем при жизни. Хотя большинство его сородичей после смерти везли своих к себе предавать там земле, родня решила похоронить его здесь. Видимо, решили, раз при жизни абхазская земля была к нему так благосклонна, то и на том свете ему будет хорошо. Попросили адзюбжинцев место для захоронения. Те, естественно, не смогли отказать. Родня решила и здесь выделить его среди остальных, огородив большое пространство вокруг могилы. Наверняка подумали о себе тоже. Решили, если есть на том свете что-то, чего мы не знаем, он может и там им помочь.

– Знаю, где можно хорошо пожить... Но это мегрельская могила... – с трудом высказал Элгуджа. Он думал, что и им, как и ему, будет трудно прикоснуться к останкам своего соплеменника.

– Это при жизни он был мегрелом, но раз здесь «в обнимку» с абхазами лежит, то и сам абхазом стал. Покажи нам его, мы сами определим, насколько он мегрел и насколько он абхаз. Мы тоже кое-что понимаем в антропологии... Да и потом мегрел в Абхазии – уже мегрел наполовину, который скинул на нас проблемы нации...

– Вот эта... – Элгуджа указал на крайнюю могилу.

Гвардейцы мигом кинулись туда и начали откапывать гроб.

«Прости меня, Боча, – думал Элгуджа. – Было бы лучше, если бы и мы, оставшиеся, умерли в то время с тобой. Такого бы наши глаза не видели... Мы сегодня грабим мертвых, не давая их душам покой... Да покарает нас Бог...».

– Этого закопали глубже, чем положено! – с удивлением переглянулись гвардейцы. – Как будто наперед знали, что его ждет, и решили поглубже спрятать!

– Может, золото его придавило?!

– Не утруждай нас, ты ведь наш. Поделись с нами!

– Если бы не такой обычай, нам бы пришлось пустыми домой возвращаться.

– Заткнитесь вы! – главный с силой воткнул лом в рыхлую землю. Пугливому показалось, что не в землю он свой лом воткнул, а в его сердца. – Так могут разговаривать те, кто с успехом завершил свои дела и дома у очага сидят!..

Все разом приумолкли. Ночь была темным-темна, да и место неродостное. Екнули сердца у «бравых» солдат.

«Нас ждет худшая участь, чем абхазов...», – думал Элгуджа. Все, что происходило ему покоя не давало, но дать задний ход уже никто бы ему не позволил. Если бы они узнали или догадались, как ему противны не только их действия, но и они сами, они не задумываясь убрали его со своего пути. Как же они сказали? «Абхазский мегрел – наполовину мегрел».

«Не мы, а вы наполовину мегрелы. Нас и наших покойников здесь уважали до вашего прихода» – кричала душа Элгуджи.

– Все надо поровну поделить! – одного продолжало беспокоить, что в карманах у остальных больше золота, чем у него.

– Гляньте! – главарь высоко поднял череп, – все зубы золотые у него. В том мире он ими всласть воспользовался. Ну, а в этом мире нам будут подмогой, – и одним ударом расколол череп на две части. – Никому не в обиду, но нашел я и беру я!..

Остальные зло переглянулись, но побоялись слова сказать. Их черепа он мог тоже мог вот так, без раздумий, расколоть.

– Остальное золото пополам делим... А ты, Элгуджа, думаю, из уважения к гостям не позаришься на это добро. У тебя наверняка в запасе немало таких мест. Сам потом соберешь золотишко. Да и не задарма же мы вас, местных, от абхазов спасаем. Без нас вы в таких же могилах лежали бы...

«Какие же вы свиньи, – вертелось на языке Элгуджи, но произнести это вслух, конечно, не смел. – С первых дней было понятно, что с вами нам здесь ничего хорошего не ждет».

– Элгуджа! – понизив колючий голос, обратился к нему главарь, – еще одно местечко, еще одну «золотую кубышку» нам покажи. Тогда и разойдемся по домам. Ты пойдешь спать, а мы, как знаешь, сон местных мегрелов охраняем. Нам не до сна. Только хорошо подумай, на мелочь нас не разводи. Нам нужно золотое дно!

«Золотое дно! Вам самим бы на этом дне оказаться, нелюди! И я стал вам подобен, со свиньями подружисься – сам свиньей захрюкаешь...», – Элгуджа с трудом глушил готовые вырваться наружу слова.

– Вон свежий могильник. Может там вы насытитесь... – он указал на могилу молодой девушки. – Она была совсем молода... Абхазка... Машина ее сбила. Если совесть вам позволит, ищите добро...

– Что-то ты часто стал произносить слова – бог и совесть! – со злобой гаркнул главарь.

Гвардейцы, опережая друг друга, открыли калитку кладбищенской ограды. Та чача, которую они перед «славным» походом сюда приняли на грудь давала о себе знать. Электрическим фонариком осветили фото на памятнике.

– Такая красивая девушка должна была принять свою смерть в наших руках! – приблизил лицо к фото тот, кому сегодня более посчастливилось.

– Пустили бы ее по кругу! Сладкую бы смерть приняла!.. – выпячивая губы, приблизился к памятнику и другой.

– Глупцы! – с размаху ударил памятник прикладом автомата «злой». – Вы не понимаете, что они и мертвые, и живые – враги Грузии!

– Что стоите?! Быстрее копайте! По ее красоте должны быть и богатства! – с силой вонзил в землю острие лома старший. Кто лопатой, кто мотыгой начали разгребать могилу.

– Когда мы соберем все золото, что под землей, зачем нам ее защищать? Кому нужна земля, тот пусть его и забирает!

– Закрыли быстро рты! – прикрикнул старший и так ударил одного из них по спине, что тот кубарем скатился в вырытую яму. Но зная, что если ответит, то может и пулю схлопотать, промолчал. Решил в шутку перевести:

– При ее жизни ты разве меня к такой красоте подпустил бы?!

Эти слова сильно рассмешили молчуна. Хохотал не останавливаясь. Остальные тоже вслед ему начали громко смеяться. Смеялись так, что забыли где они находятся. Забыли, что эта земля ни их смеха, ни их самых не приемлет. Забыли, что остались живые на этой земле, готовые им за все отомстить. И тут как из-под земли...

– Всем поднять руки! – мигом окружили четверо абхазов злополучных «золотоискателей». – Кто дернется, тому конец!

Гвардейцы поняли, что случилось, но до автоматов им не дали бы дотянуться. В руках у них были те орудия, которые с собой притащили в Абхазию их деды и прадеды – лопаты, ломы, мотыги...

– Поделится с вами найденным! Отпустите! – предложил один из них.

– Найденное родне отдадим, а вас поглубже зароем! – ответили им. Справившись несколькими выстрелами, сказали: «Теперь ищите золото, сколько хотите!».

Подойдя к могиле Асиды, выровняли на ней землю.

– За каждого из вас отомстим!.. За всех сестер и братьев! – один из бойцов провел рукой по могиле.

Небо понемногу очищалось от туч. Но они так медленно уходили, что зла не хватало. Думалось: «Как же такая красота была окутана такими тучами...». Не всякому ветру было под силу разогнать их и очистить небо. Но близилась буря.

Перевел с абхазского

В. Шария

Аслану, вернувшемуся в Сухум после года с лишним отсутствия, безумно хотелось обнять все, что попадалось ему на пути. Ну, или по крайней мере обнять все добрым взглядом. Абхазская армия в это время уже до Кяласура дошла, прогоняя врага на восток.

Сухум дымил, как весной нива, которую очищают от прошлогодних кукурузных стеблей. Дома смотрели на Аслана слепыми глазницами выбитых окон и дверей. Деревья валялись на дороге, обнажив корни. Упавшие на землю провода путались в ногах.

Абхазская армия наступала врагу на пятки. Но за ней шли другие. Разный люд. Кто-то искал грузинское добро, кто-то хотел просто увидеть свое жилье и родных. Были и такие, кто стыдился дотронуться до чужого.

– Дойти б до дома. Все, что осталось от той нечисти, эти заберут, – Аслан торопился домой.

Кто-то навстречу на велосипеде проезжал, кто-то на машине. Все что-то тащили. Начиная от тряпок и кончая мебелью. Можно было подумать, что в Сухуме никому ничего не нужно будет. Все себе... к себе в нору.

«Ничего мне на свете не нужно, только бы мать и отца в живых застать, – казалось губы Аслана сами шептали эти слова как молитву... – Хоть бы встретить их в нашей квартире... Увидеться бы со своими соседями... Многие из них уехали. По выстрелам понятно, что наши уже за городом. Видать, «бравые» гвардейцы Шеварднадзе бегут сломя голову. Совсем недавно он выступал перед своими в центре Сухума. Как всегда, своими витиеватыми речами поднимал их дух, будто пришивал упавшие сердца к груди, подобно медалям. Но пришитое сердце опять от испуга может провалиться вовнутрь. Не будет же он за каждым бегать, поднимать дух... Он президент страны. Много у него дел!».

Столица Абхазии, увидев своих, услышав родную речь, начала оживать, как больной после долгой болезни. С трудом размыкал

губы, силясь улыбаться. Солнце всегда было, но было другим, чужим все эти полтора года. Оно было чужим, потому что здесь властвовали чужаки, говорили на другом языке... Им было все равно, что с ним происходит. Напившись до бесчувствия, они вспоминали, что находятся на чужой земле, под чужим небом и начинали стрелять в солнце, луну и звезды, в памятники – им становилось страшно, что абхазы сюда могут вернуться... Это все видел Всевышний. Возможно, тогда уже их участь была предрешена... Возможно тогда уже была предрешена и участь Абхазии?!

Чем ближе приближался Аслан к своему дому, тем сильнее колотилось сердце. Может, все осталось как было? Может, ранен, как и отец, но жив мой дом? Может, уже выздоровел и ждет, что все вернутся обратно. Может, Аслан будет первым из возвращенцев? Может, ему первому все девять этажей дома скажут: «Добро пожаловать!» Может, отец и мать тоже идут в Сухум со стороны гор в рядах бойцов. Из этого дома еще пятеро воевали.

В самом центре мало людей. Кто-то сюда направляется со стороны моря, кто-то со стороны гор... Да и потом, по его мнению, из детей он первый к дому придет. Остальных пока родители не пускают. Боязно. Неизвестно, кто может пристрелить: враг или свой. Все может быть. Лучше переждать.

Совсем близок Аслан от дома. Вот, вот, даже виден его угол. Вот где прошли его четырнадцать лет. Вот отсюда он уезжал в начале войны. Первый, второй этажи... Вот он уже на пятом этаже. Дверь квартиры закрыта, но стоит потянуть ручку – и дверь откроется... Хотя говорят, что грузины, оставляя город, ко многим дверям привязывали мины-растяжки, чтобы смерть встретила здесь хозяев. Уже были случаи...

«Мы, уходя, в домах хлеб-соль оставляли, они – мины. Боком выйдет им наше добро».

Аслан рывком потянул дверь. Она открылась. Первое, что бросилось в глаза, – осиротевшие стены. Перед войной отец их каштановыми рейками обшил. Покрытый лаком каштан блестел как золото. Враги отодрали все это, даже гвоздей не было видно. Отодрали и дубовый паркет. В первой комнате вся мебель была вынесена. На голом полу валялись стреляные гильзы и пустые бутылки. В следующей комнате одиноко стояла колченогая кровать.

Рядом с ним валялся испорченный матрас из детской колыбели. Вывалившийся самшит покрывал собой весь пол.

«Видимо, решили, что в матрасе деньги спрятаны! – Аслан пришел в ярость, когда понял, что его и сестренки колыбель касались руки врагов, когда увидел, что детские их постельки, как тряпье, валялись в углу. – Попались бы в руки отцу и его боевым друзьям эти изверги, получили бы по заслугам!».

Третья комната служила детской ему и сестре Шазине. Отец своими руками ремонтировал эту комнату, положил деревянный пол, считая, что он для детей здоровее, и обклеил белыми обоями стены, чтобы было светлее. Сейчас половые доски были отодраны, стены обстреляны. Чудом уцелел на стене фото родителей, но оно было изуродовано и разрисовано. Было видно, что об него тушили сигареты.

Слезы подступили к горлу Аслана. «Неужели настолько они нас ненавидели? – спрашивал он себя. – Жили на лучших плодородных землях, в лучших домах, ездили в лучших машинах. Чего же им не хватало?.. На всех табличках были фамилии с окончани-ями: «швили» и «дзе»...

Взгляду Аслана попадались полуобгоревшие семейные фото, абхазские книги, детские вещи.

«Вы осквернили наш дом, – продолжал думать Аслан, – но мои мать и отец вам за все отомстят. Они отомстят за тех, кого вы убили, за тех, кого изуродовали, за тех, кого мучили. Говорят, вы насильовали, а затем убивали наших женщин, девушек, отрубали руки и ноги пленным, оскверняли кладбища. Даже перед лицом смерти ни один абхаз не сказал, что Абхазия это Грузия. Это сводило вас с ума. Вы становились подобны сорвавшимся с цепи собакам. Тогда вы и придумывали свои грешные дела. Но разве вы не знаете, что за грехи наказание ждет...».

– Аслан, это ты Аслан?! – его окружили невесть откуда взявшиеся соседи, которые в войну оставались здесь. – Как мать? Как отец? Живы? Здоровы? Когда они сюда вернуться? Посмотри на нас... Посмотри, во что нас превратили... На пугала похожи...

– Отец мой воюет, мать медсестра, рядом с ним. Говорят, враги наши драпают так что за ними не угнаться. Боюсь, что их не догонят, так бегут. Не бойтесь! Все будет хорошо!

– Где Шазина? Ты будь осторожен. Никуда не выходи. Все еще

стреляют. Не дай Бог, ненароком шальная пуля поймает... Передадим тебя из рук в руки отцу и матери. Никуда не отпустим!

– Шашина в Гудауте, у родственников. Я тайком сюда сбежал. Если не вернусь, будут беспокоиться. Завтра опять приду. Хлеба вам принесу!

Соседи не удержали Аслана. Он шел по городу, и душа его кричала: «За что, за что? За что изгнали нас из родного города? За что в руины его превратили? Всего ведь для них здесь вдоволь было. Говорят, мой дед с утра до ночи переселенцам помогал, чтоб им и их семьям было где жить. Делился последним куском. Цалдой корчевал пни деревьев, чтоб расчистить место для постройки домов. «Переселенцам надо помогать... Если не мы, то кто...», – так он считал. Кочара, Цагера, Кындыг, Орджоникидзе, Уатхара, Гагра – самые лучшие земли, самые лучшие места были им представлены. И они, как сорная трава, разрастались с быстротой ветра. Когда встали на ноги, когда поняли, что могут здесь верховодить, решили, что мы тут лишние. Убирайтесь в свои горы или уезжайте в Турцию, вслед за своими, говорили они. Так нельзя, мы соседи, помните, что это мы в ущерб себе вас тут поселили – попытались им напомнить прошлое некоторые абхазы. Но не тут-то было. Веря в свое превосходство, они нажились на Абхазию, как шершни-убийцы. Но не тут-то было, абхазы встали против них с оружием в руках. Тогда они сразу дали задний ход, сказали: «так получилось, простите». Когда во власть пришел Шеварднадзе, они опять решили испытать судьбу. На этот раз абхазам пришлось целый год с лишним бороться с ними. Многие из них никак не хотели покинуть этот рай земной, ну и не покинули... Остались здесь на веки вечные. Некоторые из них догадались, что лучше отсюда живыми побыстрее убраться, и кинулись в свои родные края. Эх, вы, наши бывшие соседи, вам не дано было понять, какой прекрасной жизнью вы жили здесь...»

Солнце клонилось к закату, когда Аслан оставлял город. Ему очень не хотелось уходить отсюда. Сердце подсказывало, что мать с отцом сегодня домой вернутся, что в тесном кругу посидят с соседями. Он оставил открытой дверь квартиры. Хотел, чтобы выветрился запах врагов. Пройдет время, отец опять своими руками приведет в порядок свое жилище. И заживут они опять как раньше – в достатке и радости.

«Самое главное, – думал Аслан, – мы точно знаем, что враг уже на той стороне, а мы на этой. Главное, что на этой стороне будет слышен наш язык, а не его, главное, что он не стоит за нашей спиной, готовый в любой миг нанести нам удар исподтишка. Важнее всего, то что сам Всевышний видит нашу правду. Он свидетель всему, что случилось!».

Аслан шел, убыстряя шаг. Мимо проезжали машины, но он не голосовал. Да и те, кто был за рулем, не имели желания его подобрать. Потому что они все были нагружены чужим добром. Он верил в то, что когда догонят такие, как отец и его друзья, обязательно подберут. Он всегда верил таким, как они. Там, в Гудауте, когда изредка приходили к ним домой, как с равным говорили ему: «Потерпи. Скоро отправим «гостей» к себе и повезем тебя домой!». Такие, как они, всегда умели держать слово. И на этот раз сумели. Они, как Эшерские высоты, верны себе... По тому, как враг бежал, наши завтра достигнут берегов Ингура. Главное, чтобы вовремя остановились... Остановятся... Они из тех, кто умеет сдерживать себя... Им чужого не надо... Не сегодня, так завтра вернутся в свои дома. Придут к ним в гости. Опять будут говорить с ним как с равным, похлопывая по плечу. И он опять с верой будет глядеть им в глаза... Они не скажут: «Мы же обещали тебе, что вернешься домой...». Он им не ответит: «Вы сильны, как скалистые горы...». Они просто без слов поймут друг друга...

*Перевел с абхазского
В. Шария*

ОНА ПОГИБЛА ЧИСТОЙ...

В те дни Сухум был оккупирован грузинскими гвардейцами. Словно при солнечном затмении, настали для города черные дни. Гвардейцы ломались в каждый абхазский дом, в каждую семью: то они искали запрятанное оружие, то «рацию», то «подрывные» документы – на деле же обычно занимались грабежом. Обычно это бывало так: посреди ночи на улице открывалась беспорядочная стрельба; жильцы со страху не смели выглянуть наружу, а значит, и увидеть безобразия, которые чинили гвардейцы, и сообщить в комендатуру (хотя оттуда почти никогда никто не заявлялся), и brave солдаты принимались опустошать квартиры.

Но наш рассказ не об этом. Было это в конце января, в то время, когда войска Шеварднадзе и холод заставляли людей сидеть по домам, не высывая носа. В полночь к многоэтажке в Новом районе подкатил танк. Лариса, выглянув в окно, решила, было, что грузинские танкисты хотят заняться сбором денег с жильцов. Это они проделывали не раз. Обычно открыв стрельбу в сторону Эшеры, танкисты вызывали ответный огонь. Тогда жильцам, чтобы сохранить свой дом и свои жизни, оставалось только собрать деньги и упросить танкистов переменить место. Танкисты, получив взятку, с охотой отправлялись на другое «стратегически важное» место.

Но этот танк не стал стрелять. Экипаж потушил огни и выключил мотор. Ларису обуял страх, немного схожий с детским ужасом, когда в дом залетал жук и каждый невольно клал руку на голову – ведь старшие говорили, что плохо, если жук возьмет ваш волос...

«Они кого-то ищут, – мелькнула у нее догадка. – Неужели кто-то из соседей-мингрелов навел на нас?»

Некоторое время из танка никто не выходил. Но когда во всех квартирах в доме погас свет, из люка машины вылезли четверо вооруженных людей.

«На кого сегодня пал жребий. Господи? Лишь бы они не тронули ученого! Бедняга, у него и так большое сердце. Если эти звери начнут к нему ломиться, он умрет со страху... Соседи, наверно, донесли, что он экстремист, враг Грузии, много крови попортил ей за свою жизнь. Быть бы ему сейчас в Гудауте!..»

Гвардейцам на воздухе, видимо, стало холодно, один из них что-то сказал, другой опять залез в танк и появился из люка с бутылкой водки. Тут же распили водку из горла и пустую бутылку бросили в снег.

«Чтоб околели они от этой водки! – в сердцах подумала Лариса. – И так с головой не в порядке, а после водки совсем взбесятся!.. Говорят, еще одно наступление и наши возьмут Сухум. Дожить бы... Не только нас, но и русских, армян они не щадят: «Вы не рады нашей победе, как грузины, с цветами не встретили нас. Мы охраняем вас от абхазов, а вы спасибо не говорите!» Они покорно выполняют все их приказы, но вечером, когда возвращаются домой, со стыда не могут глаза поднять на нас, абхазов. Чувствуют себя совершившими грех... Лучше бы их бросили в эти окопы, которые они рыли и засыпали землей, считают они...»

Гвардейцы, распив водку, не тронулись с места, все продолжали стоять. Потом выпили по бутылке пива.

«Да магазин что ли у вас там, проклятые! – В гнев Лариса сжала кулаки, будто была в силах что-то сделать. – Наши в Очамчирском районе голодают, неделями на кукурузных лепешках и воде сидят, и лепешки такие твердые, что их надо размачивать в воде... Был бы здесь Даур, он бы вам показал!..»

При воспоминании о Дауре сердце Ларисы сжалось от страха. Даур был ее сын. Когда началась война, он находился в Гудауте. Там записался в Сухумский батальон. Ему было всего семнадцать лет, но принимал участие в каждом наступлении. Недавно даже перешел Гумисту и был совсем рядом с родным домом...

Гвардейцы вновь, задрав головы, стали смотреть на девятиэтажный дом, под которым стояли, – словно предупреждали о своем приходе того, кому выпал сегодняшний жребий.

«Боже, лишь бы не Асида! – заволновалась опять Лариса. – И так ее брат тяжело раненный лежит в госпитале в Гудауте. Или Арсена ищут? Но его прячут русские, если кто-нибудь уже не выдал...»

Два гвардейца направились к подъезду, где жила Лариса. Остальные двое двинулись за ними, на ходу передергивая затворы автоматов, словно собирались брать сильно вооруженную группу. Лариса отошла от окна и прильнула к двери. Ее сердце билось как у лани, которую преследуют охотники. Ждала, когда постучат в двери соседа-ученого, и думала, что делать, если начнут ломать его двери. Ей и в голову не приходило, что идут к ней: ведь ее уже два раза грабили, опустошили квартиру подчистую и больше там нечего было брать. Но шаги приблизились к ее квартире. Гвардейцы пьяно завозились у дверей.

– Хозяйка! – громко сказал один из них, будто был ее старым знакомым. – Открой, твои братья пришли! Мы на танке, который первым вошел в Сухуми. Ты не могла не видеть нас по телевизору.

«Плохо мое дело! – сердце Ларисы заколотилось. – Сейчас начнут стрелять в дверь!»

– Открой, долго не задержимся. Мы есть-пить не хотим, твои деньги нам не нужны. Ты покажи нам свой паспорт, проверим и уйдем.

Лариса поняла, что один из соседей предал ее. Вскоре после гибели мужа, незадолго до войны, соседки-грузинки с подковыркой спрашивали, почему она единственного сына не запишет на свою фамилию. Тогда она с негодованием ответила им, что хотя у нее грузинская фамилия, ни капли грузинской крови в ней нет.

– Арухадзе! – крикнул один из них и с силой ударил прикладом о дверь. – Так что ли у вас принимают гостей? Мы тащились из самого Кутаиси, чтобы защитить близкого человека, а она не пускает нас, славных ребят, сидит запершись! Абхазы уже научили своему, да?

«Так просто нам не разойтись!» – Лариса заметалась по квартире. Решила было открыть окно и закричать, но вряд ли кто кроме абхазов высунется, а те могут пострадать из-за нее. Открыть дверь – плохо, не открыть – еще хуже: хоть она железная, все равно сломают.

– Откроешь или будем стрелять?! – завопил один из гвардейцев. – Сегодня ночью нам надо забыться. И тебе тоже доставим удовольствие, говорят, те еще молода и не очень скорбишь по мужу! Когда столько неотразимых мужчин-грузин приехало в Сухуми, не то что своего мертвого мужа, но и всех живых муж-

чин-абхазов ты должна забыть. Если бы они были настоящими мужчинами, не драпанули бы за Гумисту, оставив здесь такую красотку. Только сейчас пришли к тебе настоящие мужчины, хоть раз увидишь их собственными глазами. Открой дверь!

Лариса вошла в зал и включила светильник. Потом взяла альбом с фотографиями и стала перебирать их. Нашла любимый снимок, где были муж, она и их сын. Она прижала фотографию к груди и заплакала. Потом посмотрела в глаза любимых людей: «Я никогда не позорила вас и сейчас не опозорю. Очень мечтала я, сынок, увидеть тебя в военной форме, как с развевающимся в руках нашим флагом ты с друзьями войдешь в Сухум... Но что делать, если Бог рассудил иначе! Чтобы не запятнать имя твоего отца и твое, я должна так поступить... Невестку, которую я не успела увидеть, приведи в эту квартиру – я и отец вложили столько труда. Устройте здесь с друзьями веселье; сколько вы здесь будете радоваться, столько мы там с отцом будем радоваться! Перед богом, перед людьми мы с твоим отцом чисты. Единственное, что мы хотим, – это чтобы ты увидел победу и хорошую жизнь... Прощай, ненаглядный сын, прощай, мой народ!..»

Опять постучали в дверь. Били теперь и руками и ногами. Лариса прижала фотографию к груди и пошла к дверям.

– С кем ты там говоришь, сука? Долго мы будем ждать?

– Или ты, или мы! Мы сделаем так, что твой стон услышат на том берегу Гумисты! Тогда твой сын и его друзья запрыгнут прямо к нам в рот. Такие вы, абхазы – если вас что разозлит, вы головой стену готовы пробить! Стена пострадает или ваша голова – вы об этом не думаете.

Лариса стояла вплотную к дверям. Но потом решила: «Если начнут стрелять, пули могут пробить дверь», – и чтобы не быть убитой их гнусными пулями, отошла в сторону и прижалась к стене.

– Убийцы, грабители, сегодня вы поганите нашу землю, но скоро вас на носилках вынесут за пределы Абхазии! Даже ваши сгнившие кости не предадут этой священной земле. Отныне эта земля примет только чистых людей, и живых, и мертвых. И женщина, на которую вы этой ночью напали, чиста и чистой уйдет к своему мужу... Она уйдет, но за нею останется ее сын, который отомстит за мать. Останется ее народ!..

– Сука! – взревели они и открыли стрельбу по дверям.

Но Лариса уже стояла на балконе восьмого этажа. Оттуда она видела высокие холмы, которые, как одетые в черные бурки мальчишки-наездники, стояли над Гумистой. Казалось, они вот-вот перейдут Гумисту и войдут в Сухум.

– Любимые братья! Мне пора уходить! Но наш город ждет вас! – сказала она и бросилась с балкона вниз.

... Снег медленно падал на землю. Но, коснувшись крови Ларисы, лежавшей так, будто она была божеством, присланным с неба, он мигом таял, умирал вместе с ней...

Поняв в чем дело, гвардейцы спешно спустились вниз и подбежали к лежавшей на земле Ларисе. Если бы не кровь, можно было подумать, что эта красивая женщина отважилась в такой холод лечь в снег и заснуть...

– Разве рысь поймаешь живой!

– Не суждено было нам побаловаться с ней!

– Посмотрим, найдет ли она там лучше нас!

Танк с грохотом отъехал. Когда он удалился, жильцы бегом спустились к Ларисе. Но она уже была мертва.

– Она погибла чистой! – сказал тот ученый, за жизнь которого она беспокоилась больше, чем за свою собственную. Потом он поднял голову и оглядел присутствовавших, будто хотел сказать, что если погибать, то только оставаясь таким же чистым.

*Перевел с абхазского
Д. Начкебиа*

ОТКРЫТАЯ РАНА

Знаешь, как его убивали?
Не поверишь, что кто-то на такое способен.
Как на вертеле у огня крутили.
Убили, пытаясь выбить то, что им было нужно.
Джума Ахуба

После войны он, как стреноженный конь, никуда из Абхазии не выезжал, если не считать России, куда приходилось ездить из-за участившихся после многочисленных ранений болезней... Даже на выставки своих друзей-художников не ездил. Лишь иногда отправлял работы, надеясь, что они смогут и без него передать чувства и пережитую боль, как он говорил, «сами за себя постоять».

Он знал о том, что на сегодняшней встрече будут грузины. Потому и был мрачен. Лет двадцать пять уже прошло с тех пор, как он видел грузин и говорил с ними. После разрушительной войны, после гибели лучших ребят встретиться с кем-либо из них, поговорить, подать руку было делом намного более тяжелым, чем поднять огромный, не по человеческим силам, каменный валун.

У тех же, кто эту встречу организовал, подобных мучений не было и в помине. Во-первых, они были людьми других наций, и война их никоим образом не коснулась. Никого они не потеряли. Ни по ком не горевали и не носили траур... Во-вторых, по их разумению, те встречи, что начали устраивать политики разных мастей, имели огромное значение в урегулировании отношений. Они даже надеялись, что вчерашние враги, по воле случая оказавшиеся соседями, рано или поздно должны видаться, общаться... Даже когда ты огородил себя каменной стеной от такой дружбы, найдутся те, кто будет стараться вас сблизить. Как просачивается вода из трещины глиняного сосуда, так и они будут просачиваться в твою жизнь со своими идеями и предложениями. За ними

появятся другие – любопытные, которым просто интересно происходящее... Думаю, никто на подобных встречах не предаст интересы своего народа и своей родины. Истинный абхаз, который корнями врос в свою землю, как плуг, и не является двуликим, которому не чужды стенания и страдания абхазов, будет открыто говорить правду. Не будет он торговать болью целого народа. Не будет лицемерить... Такой не опасен. Где бы он ни был, с кем бы ни говорил – всегда останется истинным абхазом, достойным своей земли. Будет выделяться среди остальных, как серебро меж простых камешков...

Все ближе и ближе был день намеченной встречи. Встречи, которая не давала покоя Темуру, из-за которой он не спал ночами, а если и заснет, то просыпался весь в поту. Она будоражила его, сжигала изнутри... Ему предстояло встретиться с теми, с кем он воевал двадцать пять лет тому назад – не на жизнь, а на смерть... Возможно, среди них будут и те, кого он видел в прицеле своего автомата, может, и ранил, или же их дети, которые и во сне не видели войны, но громогласно заявляют, что Абхазия – это Грузия. Их так воспитали. Учили этому. Передали с молоком матери. Чтобы никогда не забывали... Не смели забыть...

Темуру было легче еще раз с оружием в руках пойти в бой, чем на эту встречу. В бою все понятнее и честнее – если первый выстрел твой, то погибнет враг. Ну, а если ты не успел, то удача сопутствует ему. Здесь придется все взвешивать, наступать себе на горло. Если же не удастся вести себя по правилам, то все может оказаться бесполезным, прежде всего для тебя самого. Хотя... хотя в этом твоей вины нету. Ты просто еще не вышел из состояния войны, тебя все еще держит боль за тех, кого потерял, кого не вернуть. Тебя еще держит боль за себя самого. Ведь ты изранен не только душой. Изранено твое тело. Никто не скажет тебе «забудь все это». Однако ты и только ты должен найти слова, которые могут быть приемлемыми для всех. Ты и только ты должен погасить пламя в груди. Тебе придется забыть, нет, сделать вид, что забыл все ужасы войны... Если не совладаешь с собой и не проявишь дипломатии, то больше не встретишься с ними, не узнаешь ответа на мучивший все эти годы вопрос – что они думают о том, что было между вами. Ты прекрасно понимаешь, что им мозги никто не способен вправить, что большинство из них не изменили сво-

его мнения, но все-таки... Все-таки есть надежда, что хоть один сознается в том, что несправедно было так себя вести. Если даже промолчит об этом, не скажет вслух, но хоть подумает...

Организаторы встречи знали, что он воевал и не просто воевал, а прошел все дороги ада и что он не совсем сдержан в выражениях, боялись, что встреча может пойти совсем не по намеченному пути, поэтому попросили руководителей делегации поговорить с ним заранее. Намекнули на то, что на встрече будут люди невоевавшие, что большинство из них и вовсе родились после войны и что они, если и не могут высказать открыто свое мнение, то в душе не согласны с тем, что произошло...

– Мне не надо, чтобы они в душе протестовали. То время уже прошло. Передайте им это, – оборвал он тех, кто подошел к нему с миротворческой миссией, – где они были, когда четырехмиллионный народ решил задавить, стереть с лица земли сотысячный народ?! Ладно, допустим, тогда они были детьми, но сейчас, когда они выросли, почему никто им не сказал правду? Неужели их отцы все, что случилось, умаслили? То, что они одновременно и маслом мазать, и огнем с мечом проходить умеют, все знают. Во всяком случае, большинство. Когда все позади – умеют сухими из воды выходить... Но сегодня мало кого можно так обмануть...

«Миротворцы» ушли не солоно хлебавши. Они знали, что на переговорах с такими людьми нелегко приходится. С ними работать так же трудно, как мастеру с материалом, многочисленные сучья которого мешают сотворить задуманное чудо.

Для начала решили организовать ему встречу с молодой журналисткой, которой в годы войны и в помине не было. Решили таким образом разбавить ситуацию. Авось найдут общий язык... Авось он уважит ее и смягчится... Тогда и злость на всех и вся может сойти на нет... Может, здесь, в чужой стране, он не поведет себя, как горная река, не знающая преград... Помнится, когда ему поведали об этом, будто ножом по сердцу полоснули, но потом он подумал – раз уже так решено, то пусть так и будет, не мы начинали войну и не мы бежали, поджав хвост... «Будем разговаривать», – сказал он.

В первый день ему сообщили, что основная часть грузинской группы задерживается и поэтому, пока есть время, грузинская журналистка хотела бы с ним поговорить.

– Хорошо, я не против, – сказал он, всем своим видом показывая уважительное отношение, – только если она будет это где-то печатать, то пусть напишет все как скажу!..

– Не переживайте. Она не связана с государственными структурами. То, что считает правдой, – не скрывает...

– Прекрасно, если так, я рад, – отвечал он.

Спустя некоторое время в комнату вошла высокая рыжеволосая девушка в черных очках – та, которая уговаривала его встретиться с грузинской журналисткой. За ней в дверях появилась миловидная девушка. Улыбаясь, она протянула ему руку, но, заметив, что он скорее всего далеко отсюда, в своих думах, еще раз расплылась в улыбке, надеясь если не первой, так второй улыбкой растопить лед отчуждения.

– Будем знакомы, я из Тбилиси, работаю в газете «Абхазский меридиан», журналистка.

Темур взглянул на нее. Сколько же лет он не видел ни одного грузина, не слышал грузинской речи... И тут встреча в чужой стране, как между небом и землей, где их разговору не будет помех, где можно высказать все, что накопилось... Но самое главное, готова она выслушать его или нет... Ему ли не знать, как на их родине вправляют мозги. Когда они слышат неугодные им речи, сразу прячутся как кроты. Готова ли эта милая девушка проявить себя иначе!?

– Я абхаз, из Апсны! – сказал он с нажимом, как будто вбивал в землю сухой валежник. Да так, чтобы она и при желании не могла его вытащить...

– Очень хорошо. Я давно хотела встретиться с кем-либо из Апсны...Сегодня исполнилась моя мечта... – подстроилась под него она.

Темур оглядел ее с ног до головы. Хотел сказать, что сам он тоже давно не видел грузин, особенно тбилисских, но не знал, как она это воспримет, да еще боялся не сдержаться и наговорить больше, чем хотелось бы. Боялся не укротить свой норв.

– У нас, журналистов, одна плохая черта, сразу накидываемся с расспросами... Заранее прошу прощения, если покажусь слишком назойливой... Надо будет, можете попрердержать мои удила...

– Ничего страшного, – постарался улыбнуться Темур. Но по-

том, дав понять, что красную черту перейти не позволит, сухо добавил: «На что возможно ответить, отвечу...»

«Нужно будет остановить, остановлю. Не только тебя, твою многотысячную родню остановили!» – читалось на его лице.

Это ее не обидело. Даже не покраснела. Всего лишь мило улыбнулась.

На вид ей было лет двадцать пять. Возможно, она будет ссылаться на свой возраст – мол, я ни при чем. Может, скажет – никто из моей родни твоих не убивал. Все, сидя в Тбилиси на диване у телевизора, наблюдали за тем, что у вас происходило...

– Если так, то начнем! – боясь что-то упустить, настроила она диктофон, как чонгур. – Я не буду задавать избитые журналистами вопросы о том, как все началось, как два народа, ранее делившие кусок хлеба, пошли друг на друга войной, кто виноват, а кто нет... Я знаю, что грузины пошли на вас войной и что вина лежит на нас... Не будем ворошить это. Мой народ будет нести бремя вины до тех пор, пока не покается перед вами... Если этого будет достаточно...

Темур не верил своим ушам. На войне он с кем только ни сталкивался. Были и раненые. Были и пленные. Но никто из них так открыто не признавал вины. В основном говорили, что их обманым путем завлекли в Абхазию. Всю свою вину старались на начальство свалить. Только и всего. На большее не были способны.

– Хорошо, если и вправду так думаешь, то считай, что упростила наш разговор, – сказал Темур, через силу улыбнувшись. – Если вы знаете, кто виноват, кто пошел войной на нас, кто разрушил некогда цветущую Абхазию, то зачем тогда искать другую правду – правду, которая соответствовала бы грузинской и европейской политике!?

– Нет, я не об этом хочу спросить... С этими вопросами я уже справилась. Знаю на них ответы... Я хочу, чтобы вы рассказали мне то, что видели своими глазами или слышали своими ушами, о чем-то таком, чтобы те, у кого осталась совесть, больше не сомневались в виновности нашего народа... Что-то такое, что может всколыхнуть все нутро... Когда мне сказали, что вы будете в числе абхазской делегации, я собрала всю имеющуюся информацию в интернете. Знаю, какой вы путь прошли, знаю вашу исто-

рию. Считаю, что такие, как вы, не врут. Надеюсь услышать от вас истинную правду... Вы еще и художник, творец. Говорят, ваши работы можно сравнивать с работами Поля Сезанна... А он мне близок по духу...

Темуру трудно было разговаривать с ней. Во-первых, видел ее впервые, во-вторых, она была частью народа, с которым он воевал, и думала ли она так же, как и говорила, он не знал. Приходилось верить на слово, по наитию...

А вдруг она, поняв, что ее народ не был прав по отношению к абхазам, хотела донести до него эту правду? Может, она встречалась с такими, кто думал так же, как и она сама, но те, боясь открыто выразить свое мнение, таились? Тогда разве зазорно ей помочь? А помочь он мог только одним путем – рассказав ПРАВДУ. Не лично свою или чужую, а настоящую...

– На войне было много случаев, которые невозможно забыть. Есть люди, у которых по прошествии лет поистерлись в памяти эти истории, но я не из тех. Я не могу забыть то, что нельзя забыть. Наоборот, с годами они все больше и больше затягивают на шее шелковую нить. Хоть и стараюсь... Я был художником. И сегодня занимаюсь этим ремеслом. С войной не мог иметь ничего общего, но, когда пламя пожара запылало на моей маленькой родине, встал рядом со всеми.

Темур перевел дух, оглядел сидящую напротив девушку и задал еще раз себе вопрос: «Хочет ли она на самом деле правды, хочет ли понять мой народ и принять нашу боль, затронет ли она ее душу?..»

– Если и вправду хочешь узнать, через что прошел мой народ, если твои братья утаили это от тебя, то я расскажу одну историю. Всамделишную, не выдуманную, с реальными людьми... Правда, выслушать ее нелегко, как нелегко и рассказать... Но я смогу... Постараюсь донести...

– Я понимаю, как тяжело это вам дается... Приношу свои извинения...

– Ничего. Она беспощадна и, как осколки стекла, все еще ранит мою душу. Это не только моя боль. Это боль всего моего народа... Это открытая рана...

Девушка была подобна человеку, который заперся в доме в ожидании неминуемого урагана. Спрятав поглубже прежнюю

свою улыбку, она подготовилась выслушать все, что поведает ей этот воин-художник...

– Это было в самом разгаре войны. Для такого малочисленного народа, как наш, один воин заменял десятерых. И днем и ночью сидели в наспех вырытых окопах. Сливались с родной землей воедино. Грузины были так оснащены оружием, что голову поднять не давали. Шутя призывали нас бросить рогатки и сдаться. Но у нас не было выбора. Надо было стоять насмерть. Группа, которой я руководил, стояла на стыке сел Мыку и Араду. Может, ты слышала про них?.. В Моквах жили абхазы, а в Араду – грузины, которых некогда Берия переселил сюда. Им в свое время обживать на новом месте помогали абхазы, но, встав на ноги, они об этом благополучно забыли.

В нашем районе Араду считалось одним из самых богатых сел. Люди жили зажиточно. Можешь обидеться, но должен сказать – размножились они, как сорняки в поле. Глядишь – сегодня стоит один дом, а завтра – уже рядом строят второй. Как свиной ползучий, вцепились они в эту землю.

Дома стояли близко друг от друга. Живность, лениво отбиваясь от назойливых мух, занимала всю трассу. И мы, чоусцы, проезжая на машинах через Араду, вынужденно сбавляли скорость независимо от наших неотложных дел. Сколько раз говорили – уберите скотину с дороги, она создает аварийную ситуацию, но что хозяевам, что скотине было все равно. Лишь когда повышался градус эмоций, на время животных отгоняли на пастбища.

Одним словом, и до войны мы с арадусцами не очень ладили, но многие наши девушки ходили у них в невестках, да и наши ребята были женаты на их девушках, поэтому старались не обострять положение... А они этим пользовались... Не обижайся, они твои братья, но дело было так, как я говорю.

Глядя на девушку, Темур постарался изобразить на лице подлое бие улыбки...

– Когда нужно было проявить отвагу, их словно ветром сдувало, когда же их было много, хорохорились будто павлины. Становились мужиками.

Кетеван постаралась скрыть со своих губ улыбку (разве до нее сейчас?).

– Одним словом, когда пролилась кровь, родственные связи

оборвались, как истлевшие нити. Каждый старался сохранить свой очаг. Некоторые из наших девушек вернулись в отчие дома...

Случилось так, что начало войны я встретил в родном селе. Жена и сын застряли в Сухуме. Не смогли они выехать с самого начала, когда еще возможно было уйти... Думали, день, два, а потом все устаканится. Квартиру долгожданную мы получили год назад. Только-только обживали. А твои прекрасные братья, Кетеван, как грибы после дождя появлялись в Абхазии. Если мы целых пятнадцать лет ждали эту квартирку, то их привозили, прописывали и выделяли такими же темпами жилье. Глядишь, сегодня никого нет рядом, а завтра – уже кто-то живет-поживает...

Улыбка появилась на губах Кетеван неожиданно, но она успела ее опять перехватить на полдороге.

– Когда Сухум заполнили полчища грузинских гвардейцев, абхазам жить в нем стало не только тяжело, но и опасно. К абхазам заявлялись под различными предлогами: «искали» то оружие, то документы, подтверждающие ненависть ко всему грузинскому и связи с народным Форумом, то мужчин, взявших в руки дедовские ружья. Главное, уходя, уносили все, что оказалось на их взгляд ценным. Не гнушались ничем. Кто бы им что сказал? Кто бы их остановил? Однажды эта черная тьма добралась и до моего дома, до моей семьи... Обычно жена с ребенком пряталась у соседей. Но в тот день в городе дали воду, и они решили набрать воды. Там ее и сына застали гвардейцы. Как стало известно, их выдали соседи-грузины. Твои «прекрасные» братья, Кетеван...

Журналистка на сей раз почему-то сама попыталась улыбнуться, но выдала только бледное подобие улыбки. Может, она уже нутром чувствовала, что будет дальше...

– Не обижайся, когда я говорю «твои прекрасные братья». Увидевший воочию то, что они творили в Абхазии, этого никогда не забудет. Не сможет...

Когда гвардейцы поняли, что им не откроют дверь, среди белого дня начали ее силой выбивать. Шаткая, как одинокий старушечий зуб, дверь быстренько поддалась. Все это позже, после войны мне рассказала очевидец этих событий, русская соседка. «Оставьте ее бога ради, одинокая женщина с ребенком, целыми днями дома сидит, никому не мешает», – просила она, пытаясь заступиться за своих соседей.

Вместо того чтобы послушать, они прикладом автомата вытолкали ее на лестничную площадку. «Русских только нам не хватало. Не вам нас уму-разуму учить», – наорали они на старушку. Она еще успела приглядеться к ним, посчитать их – думала пожаловаться их чинам. Тогда еще наивно думала, что правду где-то сможет найти.

«Выведите сюда эту кошку с ее отродьем. Мальчика под ружье поставим и против своих погоним. А она... С ней по-другому поступим», – оскалил зубы тот, кто был постарше. – Хотелось бы знать, что с ней будет. Если деньгами не оплачиваете наш труд, то женщин из-под носа не уводите. Тем более такую, жену вояки. Если мимо нее пройдем, то нам и на том свете пощады не будет, – сверкнул глазами один из гвардейцев. – Тебе сказали, что я ненасытен? Только первым буду я, а дальше как хотите!.. Сами в очередь запишитесь...»

...Кетеван, зачем тебе знать, что было дальше... Да... эти твои «прекрасные» братья обесчестили мой дом. Моя супруга, Асида, молила их на коленях, чтобы с сыном не разлучали, чтобы пощадил ее. То, как с ними поступили, мне не стоит тебе рассказывать. Да и не смогу я. Думаю, и ты не способна такое выслушать...

Слезы Кетеван текли ручьем. Но она боялась его перебить, боялась, что он перестанет говорить. А ей хотелось услышать правду. Обжигающую душу, жгучую, но правду...

– Одним словом, ты поняла, что они там вытворили. Перевернув вверх дном квартиру, захватив с собой все, что представляло для них какую-либо ценность, они сказали соседям, что Асиду с ребенком отведут в городской штаб. А на самом деле, связав им руки и ноги, закинули в крытую брезентом грузовую машину, где вперемишку с какими-то мешками уже лежали несколько мужчин и женщин. А повезли они их в сторону Очамчыр. Оказывается, маленький Астамур всю дорогу просил воды. Но ему в ответ говорили: «Когда твой отец нам сдастся, дадим воды сколько влезет» и хохотали непонятно от какого «счастья». Мать его была так избита, что даже сына своего не в состоянии была утешить, не могла помочь. Вся была опутана веревками, хоть и не могла на ногах стоять...

«Воды, воды!» – просил мальчик, еле шевеля потрескавшимися губами, – умираю от жажды, абаапс...». «Все реки высохли. Могли бы с болота дать напиться, да и того нет», – отвечали ему. «Если

осталась хоть капелька совести, дайте ему воды», – умоляла несчастная мать. Не успела она договорить, как ей на голову вылили ведро с водой.

Этим они хотели показать, что для таких, как этот мальчик, у них нет воды. Хотя это и водой-то нельзя было назвать. Больше недели ведро стояло в углу, среди мешков с луком. Когда кому-то из пленных становилось совсем худо, разрешали оттуда отпить. В воде уже от жары зеленели водоросли и плавала всякая нечисть. Но и такой пожалели нелюди. Тоненькая струйка, просочившись среди мусора, дотекла до Астамура. Он протянул ручки, чтобы как-нибудь набрать воды в ладони. Наблюдавший за его действиями гвардеец с силой наступил на разжатую ладонь, тем самым доставляя адскую боль ребенку.

– Ты, гаденыш, ты и такой мути не достоин. Вырастешь и наверняка с оружием в руках пойдешь против нас... Смотри на мать, как она дышит. Не радость ли это?.. Знаешь, сколько наших ушли в мир иной, не повидав своих матерей? Вас Шеварднадзе по доброте своей избавил от такой участи... Взамен вы должны пожизненно всем нам мыть ноги...

Диктофон Кетеван записывал рассказ, полный боли и печали. Она сама иногда в тетрадке делала какие-то пометки. Может, боялась, что техника даст сбой, и то, что считала более важным, переносила на бумагу. К концу его рассказа она уже не сдерживала слез. Они у нее текли по всему лицу...

– Ты журналистка, – сказал Темур, увидев, как она восприняла его исповедь, – как бы ни было тяжело, должна уметь воспринимать такие вещи... И потом, самое страшное ты еще не услышала. Я не знаю, осуждает ли твой народ действия таких нелюдей. Это их дело и на их совести. Когда каждый перед своей совестью, как перед богом будет стоять, неизвестно как заговорит... Это и будет правдой. Только пока она до нас дойдет, сто раз поменяют...

Кетеван молча смотрела на него, прося в душе не останавливаться на сказанном, а до конца излить душу, правду, ужас и боль. (Те, кого ты называешь «твои прекрасные братья», опозорили нас, вогнали всех в грех... мы, молодые, те, кто родился после войны, должны коленопреклоненно просить у абхазского народа прощения. Это ни для кого не позорно. Если мольбой о прощении спасемся, то должны богу сказать спасибо...)

– В тот день стояла такая жара, что казалось – солнце, не выдержав выстрелов и взрывов на земле, готово уподобиться им и сбечь все вокруг себя. В сторону Очамчыры мчалась грузовая машина, на которой везли Астамура с матерью в числе других пленных и раненых. Между лежащими на мягких матрасах ранеными грузинскими гвардейцами металась медсестра, подавая им то воду, то лекарства. А пленные абхазы валялись в левом углу грузовика со связанными руками и ногами, мучимые кружившими над ними назойливыми мухами. Неподалеку от Астамура лежал с тяжелыми ранениями молодой абхаз, который всю дорогу скрипел от бессилия зубами. Его не трогала глубокая рана, да и без оружия мог бы обойтись – если бы были свободны руки и ноги... Но откуда такое счастье на вонючем полу грузовика...

– Мухи облепили меня, – сказал он пересохшими губами на русском, чтобы грузины поняли.

– Так, проглоти. Лучшей еды все равно не получишь сегодня! – гогоча во все горло, подошел к нему один из гвардейцев, – и вас, абхазов, мы также проглотим, хоть вы и нелегкосваримые...

– Собаки вы, – не выдержала мать мальчика, услышав стоны сына, – неужели не останется хоть один абхаз, который бы мог отомстить за всех нас...

– Что сказала эта женщина, которая не смогла ублажить как следует лучших воинов великой Сакартвело?! – обратился к пленному парню обросший, дикого вида гвардеец. Тот мог бы смягчить слова женщины, но был так зол, что и от себя добавил: «Были бы они мужчинами, не связали бы нас, сказала она».

– Несвязанными остались ваши языки, твари! Со всей силой носком грязного сапога ударил гвардеец по губам женщину и парня. У нее фонтаном хлынула кровь, сын, увидев это, вскричал. Гвардеец повернулся к нему с намерением поступить с ним также, но его остановил другой. «Они в списке на обмен, если их живыми не доставим, то завтра самих на передовую отправят. Совсем с ума сошел от выпитого, угомонись!» – рявкнул он на него.

Но тот все никак не мог успокоиться, все вытаскивал нож с намерением если не убить, то хотя бы изуродовать мальчика.

– Отрежу ему уши и нос, пусть ходит всю жизнь с моей меткой, чтобы люди шарахались от испуга.

– Итак мы переборщили с ними. Иоселиани это все может не

понравиться. Скажет «если вы такие вояки, идите на передовую». Из-за тебя отправят нас в самое пекло...

– Эти абхазы, повалявшись в грязи и в сене, стали похожи на готовые к жарке котлеты! – захохотал сидящий на полу кочарский мегрел, который в былые времена не раз с присутствующими здесь сидел за накрытыми столами и делил с ними хлеб-соль. Однако сейчас он этого не хотел вспоминать.

– Вот приедем в Араду и запрем в «знаменитом» железном вагоне. День, два – будут как поросята, поджаренные со всех сторон!..

– Рты закрыли! – наорал на них один из гвардейцев, – решили, война уже закончилась. Никто не знает, что нас ждет.

– Без разницы, как она закончится. Нашего трофея хватит на две безбедные жизни!..

– Построим дворцы. По пять этажей.

– Чтоб вас в них и оплакали! – сказала мать мальчика вполголоса. К счастью, эти слова потонули в громком ржании бравых солдат и услышана она была только сыном...

На этом месте Темур промолчал, даже любимое его «твои прекрасные братья» тоже не сказал, хотя эти слова давали ему какую-то передышку, успокаивали, как глоток ключевой воды, но, увидев, как ей они не нравились, – сдержал себя (мы же абхазы, знаем, что такое уважение...).

...В таких нечеловеческих условиях довели пленных абхазов, в том числе и мою семью, до Арадусского поворота. Жизнь их всю дорогу висела на волоске над пропастью смерти и жизни. У поворота много народу стояло – гражданских, военных и каких-то высоких чинов. Гудела невыключенная военная техника. Посреди трассы стоял вагон от железнодорожного состава.

Может, ты там бывала, Кетеван? Если ехать прямо, то в Очамчыру попадешь, если повернешь налево, то можно доехать до сел Араду, Члоу, Тхина... На окраине Араду и стояли друг против друга – абхазы и грузины. Там проходила линия фронта...

Грузовая машина, сбавив скорость, остановилась, выдохнув горячий воздух.

– Кто там у вас наверху?! – спросил один из грузинских офицеров, подойдя к машине.

– Пятеро абхазских военных, женщина с сыном и трое ра-

ненных гвардейцев! – сказал один из более-менее трезвых охранников.

– С чего ты наперед грузин про абхазов докладываешь?! Не знаешь, на чьей ты земле стоишь! Забрать у него оружие, – гаркнул офицер противным голосом.

Рядом стоящие гвардейцы мигом вскочили на борт машины и, скрутив несчастного, скинули наземь.

– А другим отдельное приглашение надо? – глянул офицер на гвардейцев.

– По-моему, они не способны двигаться... Видать, приняли на грудь! – усмехнувшись, заговорил мужчина со сванским акцентом. Он ненавидел местных мегрелов, потому что не раз замечал – перед опасным боем они под разными предлогами сваливали. Но, при этом, первыми успевали грабить богатые абхазские дома... А тут появилась возможность подставить их под плохое настроение офицера...

– Скиньте их с машины, заберите оружие и отправьте обратно в Эшеру! Там блиндажи надо рыть. Дайте им в руки лопаты и мотыги. Оружие пусть сами себе достают... Уберите их побыстрее с моих глаз!..

Он был близок к самому Иоселиани, и его словам никто не смел перечить.

Мою жену и сына на носилках спустили одними из последних, но, когда сказали, что они не в состоянии и слова сказать, сван приказал бросить их в вагон.

Вагон этот, Кетеван, только в одном месте имел маленькое оконце. Даже птичке и то трудно было бы оттуда выпорхнуть, а все остальные окна были замурованы сваркой. Несколько десятков людей, голодных и жаждущих, валялись на полу этой душегубки. Если на улице стояла неимоверная жара, то представь себе, что было внутри него... Вот туда и бросили мою жену и сына. Оказывается, один из гвардейцев крикнул: «Тут недалеко твой муж в окопе сидит. Если захочет тебя с сыном живыми увидеть, пусть сдастся... Только пусть заблаговременно сообщит о своем приходе, путь его коврами устелем...»

Как говорится, из огня да в полымя... Оказывается, большинство тех, кто был заперт в вагоне, находились здесь уже целую неделю. Было непонятно, то ли хотели их замучить до смерти, то

ли поменять на своих. Даже гвардейцы не могли терпеть смрада, исходящего от этого вагона, и старались без надобности близко не подходить.

...Слезы Кетеван не прекращались, как будто прохудилось дно бочки, в которой она их всю жизнь копила. Темура иногда подумывал, а стоит ли ее так мучить, нужна ли ей его история, да и дадут ли ей это все во всеуслышание рассказать или напечатать... Но потом приходил к мысли – если даже один-единственный грузин узнает настоящую правду, это будет дорогого стоить. Да и потом он чувствовал, что слезы Кетеван не сами по себе шли, в них был огонь большой силы... Вряд ли их можно было остановить, окатив этот огонь водой...

На второй день неизвестно что взбрело в голову этому свану, он дал приказ привести к нему мою жену и сына. Один из гвардейцев, открыв железную дверь, рывкнул на несчастных посетителей этого маленького «ада» – если кто-нибудь подойдет близко, то получит пулю в лоб. На выход идут только «столичные» – сын и мать!..

Однако быстро выйти не получилось. Еле стоявших на ногах женщину и мальчика он взял за шиворот и вытолкал побыстрее из вагона, чтобы не чувствовать ужасного смрада, затем поволок дальше. Мало того, что оба были в отрепьях, после ударов мегрела раскрошившиеся зубы выглядели, как зубья пилы.

– Вы как будто в осиннике побывали. Совсем доконали вас местные мегрелы. Как же я покажу вас представителю самого Иоселиани?! – расхохотался он.

Мать моего сына постаралась смолчать, даже сыну дала знать своим взглядом – «потерпи ради бога». Ибо эти сваны похлеще мегрелов, глупы по своей натуре. За себя-то она не боялась, с ней уже ничего более страшного не могло произойти, но сын... Его она должна передать отцу любой ценой... Вот о чем она думала, бедняжка... После того, что сотворили с ней в ее же собственной квартире, считала себя не достойной жить и дышать. Сравнивала себя с половой тряпкой. «...Кому я уже нужна, если самой себе не нужна... Но мне выжить надо ради сына... А там, дальше, знаю как поступить...» – сказала, оказывается, она одной женщине, с которой делила прелести жизни в вагоне. «Не только перед мужем и сыном, мне даже перед стенами моего дома стыдно», – говорила

она... Несчастливая она, кто бы ей что сказал? Разве в случившемся была ее вина?

– Мегрелов мы трусами называем, но посмотрите, мой командир, кого они нам привели. Настоящая косуля со своим сыном. Сейчас они в таком виде, но придут в себя.

Командир сванов сделал вид, что их состояние его озаботило, даже велел найти им кое-какие вещи. «Умоются, приведут себя в порядок, лучше будут выглядеть. И нам легче будет договариваться...» Однако, не увидев ответной теплоты от пленных, сразу вернулся в свою сущность.

– Может, вы и вправду поверили, что на косулей похожи. Вы как кошки, да не простые, а дикие, вечно в лес смотрящие!.. Дикари!

Мать мальчика никогда не терпела нелестных слов по отношению к себе, но сейчас слова и отношение этого нелюдя проглотила...

– Даже кошку уважают, пока она мышей ловит. Если нет, то убирают со двора. Бросают в мешок... и куда-нибудь подальше в лес... Но если боятся, что она все-таки вернется, то камень на шею привяжут – и в реку или в море. Точно так же, как во времена махаджирства турки с вами поступали... Ой, как они правильно делали! Если бы тогда всех отсюда вывезли, сегодня у нас проблемы не было бы...

Мать мальчика поняла, куда клонит этот сван... Они хотели приголубить кого-то из них, чтобы выведать информацию о наших... Вдруг знают о чем-то важном!.. Поняла, но сделала вид, что не уразумела...

– Одним словом, я, как истинный сван, говорю открыто... Не буду юлить... Твой муж – командир этих несчастеньких... Немало нашей крови попил. По его вине в мир иной отправились многие ребята... Он должен сдаться, иначе его сыну предстоит участь той несчастной кошки... Да не той, которую в лес везут, а той, что в море топят... И эта участь гораздо тяжелее...

От этих слов несчастная мать вмиг застыла. Казалось, вот-вот потеряет сознание, но выдержала... Попросила дать ей время, хотя бы до завтра, чтобы придти в себя...

– Нет. У нас нет времени. Он со своими головорезами вчера уничтожил лучших наших ребят, забрал оружие и даже танк. С этим же оружием может сегодня на нас пойти. Два часа... Даем

тебе два часа... Можешь отдохнуть, поесть, но потом сама, лично сама приведешь к нам своего мужа. Приведешь его – получишь сына. Выбор за тобой!

Он приказал поместить их не в вагоне, а в недалеко стоящей крытой брезентом машине. Бедняги, несколько дней маковой росинки у них во рту не было, особенно мучила жажда... Говорят, не могли вдоволь напиться, особенно мальчик...

Кетеван украдкой вытирала платком мокрые глаза, делая вид, будто пот с лица стирает. Ей очень хотелось дослушать до конца эту исповедь. Она уже для себя решила – подключит всех своих друзей, знакомых и добьется того, чтобы все услышанное донести до общественности... Она уже дала себе слово, что или уедет из Грузии, или откроет грузинам правду об Абхазии...

...Через два часа привели мою жену и сына обратно к тому же свану. На этот раз он был мрачен. Чернее тучи смотрели его глаза. Мать с сыном подумали, что, возможно, такое изменение связано с действиями абхазов и обрадовались, но радости своей они не смели показать.

– Ну что, решила что-нибудь для себя? – сван даже сам себе удивился, что смог говорить не повышая голоса, однако, когда она с ответом замешкалась, сразу же вышел из себя.

– Отберите у нее это отребье! Бросьте его в мешок как котенка и завяжите покрепче! – заорал он не своим голосом. Она, бедная, вмиг бросилась в ноги этому ироду... – Отпустите моего ребенка! Я сделаю все, чтобы его отец вышел к вам! – молила она о пощаде...

Сван на эти слова так громко рассмеялся, что даже его бойцы удивились тому, что он так умеет смеяться.

– Глупая ты женщина, разве не знаешь, что мегрелы оставляют свою метку, как улитка, на любой женщине, к которой они прикоснулись... После них никому она не нужна. Не то что мужу, даже сванам, которые и с медведицами могут иметь дело... У мегрелов запах такой, что после них никому невозможно от него избавиться!.. Отворачивает от женщины навсегда...

Мальчика затолкали силой в мешок, крики его сотрясали горы. Мать, не видя другой возможности, согласилась на их предложение, только хотела быть уверенной в том, что мальчика живым передадут в руки абхазам...

– Не переживай! – сказал сван, криво улыбаясь, – только пусть ваши подонки под ружье его не поставят, а то он наш хлеб-соль испробовал, не хочется после этого отправлять его на тот свет. Негоже так...

Эти подонки, развязав мешок, как поросенка на продаже, выкинули наземь моего сына. Он кинулся к матери, но тут заорал детина-сван:

– Хватит уже! Не в детские игры играем! Отведите его в вагон, пусть там побудет. А мать под белым флагом отправьте к своим!..

– Он там не выдержит, помрет, пощадите... – молила несчастная женщина...

Но ни до кого она не докричалась. Мальчика нашего поволокли к проклятому вагону...

– Так лучше. Когда она будет знать, что ее сын в наших руках, более сговорчивой станет. И муженька своего притащит к нам!

– Кетеван, я не думал, что ты так проникнешься моей бедой, но твои мерзкие братья привели нас к такому...

– Вы правы! – ответила ему с поникшей головой грузинская журналистка. – Они унизили весь наш народ, прежде всего перед вами, абхазами...

– Это так, но мало кто из вас говорит об этом открыто... Среди четырех миллионов грузин об этом говорят единицы... Возможно, есть и такие, кто так думает, но молчат... Ладно, не будем об этом... В силах ли ты и дальше слушать меня или же прервемся?..

– Нет, нет... Если даже трудно вам это все вспоминать – не прерывайтесь... Рассказывайте дальше... До конца...

– Хорошо, расскажу всю историю моей семьи... Может, это заставит кого-либо задуматься о случившемся...

...Пятеро сванов, взяв местного мегрела и мою жену с собой, расселись в две машины и направились в сторону села Моква. Одна машина должна была за мной приехать, прямо к линии нашей обороны. Мы уже знали, что они едут на переговоры, знали, что везут мою жену... И отработали свой план, по которому смогли бы не только мою жену, сына, но и остальных пленных спасти.

... Когда сваны подъехали к нам, я сел к ним в машину без оружия. При мне, тут же, они связались по рации с другой машиной, чтобы я удостоверился – машина, в которой была моя жена, под-

ждает нас на стыке сел Моква и Араду. После того как мы подъедем к ним, ее должны были везти к нашим, а меня дальше...

А по нашему плану за это время группа абхазских бойцов, в количестве пятидесяти человек, должна была напасть на гвардейцев, охраняющих вагон, разбить их наголову и освободить моего сына и остальных пленных, при этом не дать им времени на то, чтобы связаться со своими по радию. Еще одной группе надо было без шума успеть убрать тех гвардейцев, которые стояли на пути нашего следования. В своих действиях мы были очень ограничены во времени, но только так – молниеносно, можно было решить проблему. В обеих группах были лучшие, самые опытные воины. «Наши вошки» – так мы их называли, редко возвращались с потерями и всегда добивались поставленных целей.

Этот план мы отработали в течение получаса, после того как нам сообщили, что моя жена и мой сын у них в руках и что они согласны обменять их двоих на меня. По времени нам нужно было уложиться ни больше ни меньше – в двадцать пять минут. Иначе они могли дать знать своим в Очамчыру и к ним бы успела подмога. Наших сил было не столь много, чтобы дать им отпор...

Пока Темур рассказывал все это, Кетеван, затаив дыхание, ждала дальнейших его слов. Даже слезы ее высохли. Остались только бороздки на щеках. По ней было видно, как она хочет, чтобы мальчик спасся (бессовестные вы, для вас не было понятий – ребенок, женщина... Когда же в Грузии почитали сванов?! И грузин вы опустили до своего уровня... Ненавижу всех... Уроды вы!..)

Внезапно началась стрельба в районе Араду – там, где стоял этот злосчастный вагон. Вскоре стало казаться, что идет большая бойня. Самое интересное, что посадившие меня в машину сваны то ли забыли, то ли подумали «куда он денется» – руки мне не связали. Как только раздались первые выстрелы, машину, в которой я уже сидел, мигом окружили наши бойцы. Не успел рядом сидящий сван поднять свой автомат, как я мигом успел выхватить висящий у него на поясе нож и вонзить прямо в сердце. Второй сван попытался закинуть наших гранатой, но и тут я успел снять с убитого автомат и ударить его со всей силой. Вмиг его рука повисла как плеть. Доли секунды – и я выхватил у него из рук гранату, кинув ее подальше от наших ребят. Она взорвалась в стороне от них. К тому времени его я пристрелить успел ... Сидящие на переднем

сидении сван и водитель-мегрел сразу же подняли руки... Это все происходило очень быстро – казалось, какие-то доли секунды. Мертвецов выволокли из машины, пленных передали ребятам. Я и четверо бойцов устремились вперед – к той машине, в которой была моя жена. К нашему приезду там все было чисто. Ребята уже успели поработать. К сожалению, были потери, с нашей стороны один боец был убит и один ранен. Правда, рана не была смертельной. Сразу же их и мою жену отправили к нашим. Сами полетели вперед, туда, где шла перестрелка, где находился мой сын. Скажу тебе, Кетеван, мне стало легче, когда освободили мою жену...

Когда мы выехали на трассу к тому месту, где стоял вагон, увидели, что наши бойцы уже окружили стороживших его гвардейцев. Оказывается, тот сван, друг Иоселиани, поняв, что его самого и подчиненных могут взять в плен, решил унести оттуда ноги. Им дали выбраться из кольца, потому что при таком близком противостоянии могли быть большие жертвы с обеих сторон. К счастью, оставшиеся гвардейцы в такой обстановке напрочь забыли про тех, кто был внутри вагона. Мы-то боялись, что они будут ими прикрываться. Бежавших на пути их следования поджидали наши воины, которые и отправили их к праотцам. Одним словом, когда местные мегрелы увидели, как мы расправились со сванами, быстренько побросав оружие, подняли руки. При этом, перебивая друг друга, сообщали, что такого исхода давно ждали, что если бы не сваны, давно бы сдались в плен. Такая «мантра» нам была знакома... Все те, кто держал оружие, последовали за недавними друзьями – сванами.

Мы быстро открыли двери вагона, можно сказать, двери ада...

– Да ниспошлет всевышний вам радости! Да перейдут на нас все ваши беды... – с этими словами одна из освобожденных женщин стала обходить каждого из нас ...

– Где эти славные сваны, подорву их всех скопом!.. – какой-то мужчина, за эти четыре дня каторги помутневший разумом, размахивал пустой бутылкой как гранатой. – Покажите мне их! Других не трону. Пусть живут. А этих уничтожу, брошу гранату прямо посреди них!..

– Разве можно кого-то жалеть? Всех уничтожить надо! – вмиг потянулась к нему седая женщина. Видать, и она была не в себе. –

Всех, кого убьешь, кидай вот в эту тачку. А я их по одному в море буду бросать...

Мой сын, не веря в свое счастье, кинулся ко мне...

Я понимал, что у нас времени в обрез, понимал, что выжившие грузины уже сообщили по радию в Очамчыру о случившемся. Оттуда на нас могли наслать большие силы, технику, возможно, и авиацию. Поэтому, пока они не сориентировались в ситуации, надо было уносить ноги, забрать с собой еле стоящих людей, оружие.

– Послушайте все! Быстрее соберитесь!.. Надо двигаться к своим! Здесь мы не уберемся! Могут окружить и слева, и справа. Да и с моря опасно!.. Быстрее, быстрее!..

Поддерживая друг друга, все расселись по машинам. Туда же посадили пленных, закинули трофейное оружие и двинулись в нашу сторону. Дорога была безопасна. Наши ребята успели ее очистить.

Спустя некоторое время мы уже были на абхазской стороне. Все были удивлены, что операция свершилась так быстро. Дело было в том, что беда моя и моей семьи была воспринята нашими бойцами как своя и они были готовы на все ради освобождения жены и ребенка. Эта операция была своего рода мстью за все беды. Если бы не справились, наверное, не пережили бы этого, сказали они мне позже...

...Наконец-то моя семья была в сборе, но оказалось, что беды ее на этом не закончились, Кетеван... Ты ведь хочешь знать всю подноготную моей боли. Расскажу. Не скрою. Хотя долгое время старался самостоятельно все это выдюжить... Как я тебе рассказал, мать с сыном мы прямо выцарапали из рук нечистей... Я был счастлив... Решил – они будут дома, под покровительством отца и матери, и я со спокойной за них душой буду исполнять свой долг, буду со своими ребятами мстить за все несчастья моей земли... Но... Как говорят абхазы – «не дай бог увидеть худшее, чем ранее увиденное». Кто знал, что на моих плечах сидит дьявол и посмеивается над моими мыслями...

...Дома моя жена привела все в порядок, перестирала и перегладила все наши вещи, даже то платье, в котором она замуж за меня пошла. Оно почему-то всегда оставалось в нашем сельском доме. «Пусть это платье будет в том доме, куда я за счастьем при-

шла», – говорила она не раз... Убрала весь дом. На ужин сварила мамалыгу, накрыла стол и покормила домочадцев. Думала, и я приду, но я был так окрылен своей победой, что решил – «ребят ни на минуту больше не оставляю...» Тем более знал, что мы разворошили осиное гнездо и ждал самого худшего со стороны грузин.

После ужина, прибрав в доме, когда все уснули, она села и написала мне письмо. Это письмо я прочел в день ее похорон. Пока она покоилась, я был в военной форме. В день похорон моя мать подошла ко мне со словами: «Нан, Темур, моя невестка, как только пришла домой, все у нас привела в порядок. Все перестирала, перегладила. Видать, задумала еще тогда неладное. Хотела, чтобы мы в день ее похорон хорошо выглядели... Одень, нан, этот костюм. Она его на плечиках в шкафу повесила. Теперь понятно – подготовила для этого дня». Она протянула мне костюм...

Спустя некоторое время я засунул руку в карман пиджака, думая найти платок. Мои пальцы нашли там что-то плотное. Оказалось, это был вчетверо сложенный листок бумаги. Предчувствуя нечто важное, я быстро поднялся в нашу комнату и закрыл за собой дверь. Присев на краешек кровати, быстро прошелся глазами по исписанному мелким почерком листу... Кетеван, все, что я там прочел, наизусть знаю. Сегодня я без этого письма, но смогу пересказать тебе все слово в слово.

«Темур, мой сын, мои вторые мама и папа, мои ненаглядные!.. С этого дня я вас оставляю. Случилось так, что иначе нельзя... Я не достойна более быть членом такой прекрасной семьи... Эти нелюди силой вломилась в нашу долгожданную квартиру... В квартире, где мы, Темур, с тобой еще вдоволь не налюбили друг друга и не нарадовались жизни, где родился и рос наш единственный ребенок, где мы мечтали о счастливом будущем, я не смогла противостоять беде. Сил моих не хватило... После того, что случилось, жизнь ни на минуту не была мила, но мне нужно было целым и невредимым доставить тебе нашего сына... Это стало главной и последней целью моей жизни... И я сумела...

Темур, я знаю, что победа будет за вами... Знаю, что вы отомстите за всех нас, несчастных... Знаю, что над Абхазией вновь встанет счастливое солнце!..

Не вините меня за содеянное. Просто вспоминайте мои хорошие дни!..»

Темур, пересказывая все это, боялся ненароком пропустить хоть одно слово. Внутри бушевал огонь, но перед глазами стояли последние слова Асиды... Последние и он понимал – вечные...

Слезы Кетеван не хотели останавливаться. Если раньше она их как-то таила, то теперь обратилась к помощи платка... (Какими же такими скотами нужно быть, грузины?! – слово «братья» язык отказывался произнести, – разве можно было не думать о нас, о будущем поколении? Свой грех вы повесили на нас... За вашу подлость и мерзость нам веками перед абхазами надо каяться!..)

...Я тебе рассказал, Кетеван, что в тот день, когда привел домой сына и жену, вынужден был сразу же вернуться на позиции, не побыв с ними. Позже вспомнил, как она вдогонку сказала мне – свою миссию я выполнила, сына тебе целым и невредимым привела... Слепым и глупым я тогда оказался. Не мог догадаться, что за этими словами таится. В тот момент я, успокоив свое сердце по поводу семьи, думал только о том, что будет на линии противостояния, ибо знал – разозленные грузины обязательно пойдут на нас. И, к сожалению, эта опасность все остальное мне затмила. Даже хлынувшие после этих слов ее слезы мне ничего не сказали.

Я лишь ответил – тебе еще надо его воспитать. Помнится, она в ответ только ниже опустила голову.

Подъехавшая с бойцами машина стояла у ворот. Водитель даже не выключил зажигание. Ждал меня. Отец с матерью, с надеждой глядя на меня, просили хоть ночь с семьей переночевать, но я, переборов подступающие к горлу слезы, торопливо вышел.

...На второй день к тому месту, где мы находились, прибежал соседский парень. Увидев его бескровное лицо, я кинулся к нему.

– Что-то случилось... с кем... с отцом, с матерью? – крепко схватил я его за плечи. Слова застревали в его горле. Видно было, что сил не хватает произносить их.

– Ас-си-да повесилась... Позади дома... На лавровишне повесилась...

Я пошатнулся, как оборвавшаяся ветка дерева при урагане. Не дав упасть, поддержал рядом стоящий боец.

– Крепись... Видать, столкнулась с неподъемной ношей... Что скажешь, когда весь мир в огне...

Я тотчас же отправился домой. Со мной пошли еще двое моих друзей. А дома... мать мою не могут унять, рвет на себе волосы.

Сына моего тоже всеми силами пытаются успокоить. Бедный мой отец, подперев голову своей алабашей, сидит среди старейшин, горестно вздыхая...

– Так поступили, Кетеван, твои братья со мной!.. – если раньше он, жалея ее, пропускал слово «братья», то теперь подчеркнуто произнес его... – Мой дом окончательно не осиротел, но счастье из него они вымели... Также поступили и с моей родиной. Три тысячи самых лучших сыновей и дочерей Апсны зарыты в землю... И без вести сколько пропали... Самое ужасное, что больше страданий причинили те, кого наши отцы и деды приютили, с кем хлеб-соль ели... На добро добром не смогли ответить... Наоборот, изгадили все хорошее... Теперь, вот, ищем новые пути, новые мосты для общения, взаимопонимания... Но эти мосты настолько разрушены вашими (сейчас он, пожалев ее, не сказал – твоими), что времени и сил очень много понадобится. Думаю, только через несколько поколений можно будет говорить друг с другом спокойным тоном... И то не обо всем, не всей своей душой... Попробовать простить за содеянное... Мы постараемся простить, но земля наша – навряд ли простит. Ее оросили своей кровью лучшие сыны и дочери... Если когда-нибудь по ней пройдут согрешившие, то она начнет гореть под ними... Память земли, она превыше – человеческой. В ней лежат убиенные ее защитники. Даже когда мы, люди, забываем что-то, она начинает нам подсказывать, напоминать...

Так вот, Кетеван, ты попросила рассказать истинную правду. Вот, она истинная правда. Я с этой «правдой» двадцать пять лет живу. Она постоянно со мной, и днем и ночью. Она во мне, как те пули твоих братьев!.. Постоянно напоминает о себе, словно боясь, что ненароком забуду...

Особо радоваться и особо смеяться мне не дает, впрочем, как и печалиться... Боль свою не всем показываешь, кроме тех, кому она понятна... Но, оказывается, становится легче, когда твою боль кто-то другой делит с тобой, понимает ее... Еще... Я не буду встречаться с остальными членами вашей группы. Кто-то скажет мне неприятное... Кому-то я неприятное скажу... У меня не осталось сил и желания на все это... А кому-то нравиться я не собираюсь...

Кетеван с осторожностью провела рукой по диктофону, будто он был живым, и встала. Было видно, что ей все это далось нелег-

ко. Она сумела выслушать этого человека с другого края земли, услышать настоящую правду о своих братьях, не просто услышать, но и поверить... Впереди ее ждала еще одна «война». Со своими собратями... Она понимала, что немного будет тех, кто ей самой поверит, а те, которые поверят, промолчат... Но уже знала – сама она не промолчит. Будет говорить, напечатает, будет стараться до других сердец достучаться... Не у всех же вместо сердца камень в груди... Неужели никто не подаст голоса, не скажет «если не снимем с себя этот грех, не встанем перед абхазами на колени – народ наш погибнет?..»

Перед тем как уйти Кетеван задала еще один вопрос: «О чем бы ты хотел узнать или, может быть, что желаешь увидеть больше всего в этом мире? Чего жаждет твоя душа?»

– Хочу узнать, живы ли изверги, вломившиеся в мою жизнь, в мою квартиру в Сухуме... Если живы, то где они? Больше ничего...

– Поняла... – сказала Кетеван, прощаясь с ним. Опустив больше чем положено голову (от имени своего народа), она медленно прикрыла за собою дверь...

Темур молча стоял некоторое время, поняв, что она не вернется (вдруг у нее как у журналистки еще один вопрос проснется?), закрыл за нею дверь на ключ, будто боясь, что что-то не досказанное им ее догонит и вернет...

*Перевела с абхазского
С. Ладариа*

Содержание

Алику.....	3
Отец.....	6
Сольвейг.....	15
Крылья счастья.....	29
Тревожная ночь.....	37
Ожившая сказка.....	51
Шазина.....	69
Ануаа-рху.....	84
Родина – одна.....	96
Грабители могил.....	103
Переселенцы.....	110
Она погибла чистой... ..	115
Открытая рана.....	120

Анатолий Янкович Лагулаа

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Рассказы

Редактор *В. Шария*
Корректор *В. Пейлеванова*
Художник *Р. Габлия*
Верстка *Н. Картозия*

Формат 84x108/₃₂. Гарнитура Minion Pro.

Усл. печ. л. 8.

Заказ №